

МЕЩЁРА край

Выпуск 2

АЛЬМАНАХ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
МЕЩЁРСКОГО КРАЯ

Москва
Русская деревня
АИРО-XXI
2012

ББК 84Р6
М 56

ИЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЗАПАДНОЙ МЕЩЁРЫ
«ГУСЛИЦКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК»

Главный редактор С.С. Михайлов.

Мещёра-край: Альманах по истории и культуре Мещёрского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслицкий перекрёсток». М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2012. Вып. 2. 214 с.: ил. ISBN 978-5-91022-155-4

Статьи альманаха касаются вопросов истории и традиционной культуры одного из малоизученных и загадочных уголков Центральной России. Специально выделены материалы, посвященные мещёрскому староверию. Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции.

ISBN 978-5-91022-155-4

© С.С. Михайлов, составление и
редактирование, 2012
© А. Мерянин, обложка, 2012
© ПК «Русская деревня», 2012
© АИРО-XXI, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ.....	5
-------------------------------------	---

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А.Н. Фролов. Сеньга.....	11
--------------------------	----

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРЫ

С.С.Михайлов. «Сосны колдунов» и «дубы колдунов».....	21
Из истории мещеряков в начале XX столетия.....	27

КАТАСТРОФЫ

Д.В. Громов. Чудеса во время лесных пожаров 2010 года	33
М.Я. Федотова. Пожары 2010 года в Меленковском районе Владимирской области	48
С.С. Михайлов. Событие 1978 года. Взрыв в Куровской ...	50

МЕЩЁРСКИЕ ТАТАРЫ

М.Я. Федотова. Влияние финно-угорского субстрата на культуру касимовских татар.....	58
М.Я. Федотова. К вопросу складывания этноконфессиональной общинности касимовских татар (XV-XVII вв.).....	63
Г. Баутдинов. Московские имамы из мишарей	68
Г. Баутдинов. Воспоминания старейшины ореховских татар	82

СТАРОВЕРИЕ МЕЩЁРЫ

С.С. Михайлов. Из истории старообрядческой молельни в гжельском селении Кузьево.....	93
---	----

А.В. Соколов. Старообрядцы деревни Смолево и Костино: о «заимствовании» фамилий.....	102
А.В. Соколов. Старообрядцы деревни Костино: потребность в перемене мест	139
В.А. Трусов. Пребывание иконописца Сергея Довольных в Екатеринбурге	206

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ

В августе 2011 года вышел в свет первый выпуск альманаха «МЕЩЁРА-край». Книга была напечатана в одной из типографий Рязани. Так уж получилось, что весь тираж пришлось завезти в район Спасска-Рязанского и уже оттуда, фактически наискосок через всю Мещёру, через Спас-Клепики, ехать до Егорьевска. Получается, что таким образом тираж мещёрского издания был как бы освящён самым краем. Специально делать этого мы не собирались, «паломничество» получилось спонтанно. Но что Господь не делает – всё к лучшему. В подобной, случайно получившейся поездке, можно увидеть определённый знак свыше.

В первом выпуске альманаха были опубликованы материалы посвященные истории мещерского старообрядчества, прошлому местных православных храмов, истории татар-мишарей, другим темам касающимся края. Издание, поставившее своей целью полноценное изучение такого сложного и интереснейшего края, такого как Мещёра, обязано не отдавать предпочтение какой-либо отдельной теме, а уделять должное внимание всему, что связано с этим краем. Для дальнейшего издания альманаха также необходимо привлекать исследователей, которые серьезно занимаются изучением разных мещерских тем.

Нам очень отрадно видеть, что тираж первого выпуска «МЕЩЁРЫ-край» разошелся максимум за полгода, что в нынешнее время явление довольно редкое. Альманах распространялся в Москве только в одном месте – лавке редкой книги «Русская деревня». Конечно же, необходимые экземпляры были отданы в Книжную Палату и ряд крупных библиотек.

Остальное ушло собственно в Мещёру, для местных музеев и т.п. В Московской области мы давали его на реализацию только в Егорьевск, где он также разошелся довольно быстро. В связи с этим, в скором времени мы выложим электронную версию издания на ряде сайтов в Интернете.

В названии альманаха мы решили воздержаться от слова «краеведческий» и вот по какой причине. На заре российского краеведения, к примеру, в XIX столетии, оно зачастую являлось единственным источником знаний по тому или иному уголку нашей страны. По большей части, авторы той эпохи выдавали информацию, которая была почерпнута из доступных им документов, местных преданий и отличалась исторической достоверностью и, в случае упоминания народных легенд, ценна в фольклорном отношении. Однако, нередко авторы, стараясь удревнить историю того или иного места, выдавали на гора сведения о далеком прошлом, которые никак не подтверждаются ни летописями, ни какими-либо иными источниками. Это можно видеть, например, по трудам краеведов-священников в городах Александров и Калязин. В 1920-х гг. краеведением занялись многие представители старой интеллигенции, и оно превратилось в науку в прямом понимании этого слова. От этого периода осталось наследие в виде большого числа книг, программ по сбору материала и многое другое. Краеведы этого периода описывали не только историю подведомственных им мест, но также серьезно занимались исследованием почв, растительности, крестьянского жилища. В этих исследованиях нет никаких фантазий на заданную тему, они являются полноценными научными описаниями.

Далее, это ученое краеведение было разгромлено и через какое-то время появилось краеведение чисто советского разлива, целью которого было прежде всего описывать колхозный и фабричный труд, славное революционное прошлое местности, героизм на полях Гражданской и Великой Отечественной

войн, историю местных пионерских организаций и партийных ячеек и т.п. Более ранней истории края уделялось мало внимания. Мне как-то довелось увидеть книгу 1970-х гг. издания, где автор-краевед на более чем 300 страницах описывал историю одного древнего города, причем более чем 600-летний период истории до 1917 года уместился... на двадцати страничках текста. Краеведением занимались школьные учителя со своими ученикам и вышедшие на пенсию персонажи. Многие из них даже не заходили ни в архивы, ни в серьезные библиотеки. Отчасти подобное «краеведение» сохраняется и в настоящее время.

Сейчас, на наш взгляд, существуют два основных типа краеведов. Первый, к сожалению не такой уж многочисленный, это – люди разных возрастных групп, образовательного уровня и профессий, которые достаточно серьезно берутся за изучение той или иной темы. Они, что необходимо при исследовательской работе, годами и десятилетиями сидят в архивах и научных библиотеках, кропотливо изучая и прорабатывая материал. Эти люди также записывают рассказы старожилов, фиксируя уходящую народную историческую память и устный фольклор. Понятно, что такие краеведы бывают ничем не хуже профессиональных историков и к их изысканиям необходимо относится очень серьезно. К сожалению, многие профессиональные историки смотрят на подобную работу свысока, не воспринимая труды этой группы краеведов. Но эти краеведы зачастую изучают уголки России и локальные темы, до которых профессиональные выпускники всевозможных истфаков не дойдут никогда. Эти краеведы фиксируют фольклорный материал, до которого не успеют добраться этнографы и фольклористы из не столь многочисленных научных центров и он уйдет в никуда вместе с поколением носителей. Именно с представителями этой группы краеведов, музейных работников мы и стараемся работать и сотрудничать. Второй тип краеведов

является естественным продолжением и непосредственным пережитком краеведения советского. Здесь мы регулярно сталкиваемся с узостью мировоззрения, отсутствием серьезной работы по теме исследования, а порой и невероятными бреднями. Частенько такие краеведы, не работая в архивах и с опубликованными источниками, любят, разумеется, не ссылаясь, переписывать информацию из книг и статей других авторов. Многие подобные «исследователи» помимо вышеприведенных грехов, отличаются откровенным национализмом и местечковым фашизмом. Особенно нелюбимы ими финно-угорская тема и то, что связано с каким-либо ионациональным влиянием. Эти краеведы, варящиеся в своем соку и слишком высоко мнящие о своей роли в изучении родного края, разумеется, не только не вносят позитивную лепту в огромный общий труд, но и откровенно вредят ему. Именно эта порода «спецов» по истории того или иного края спровоцировала у многих недоверие и подозрение к самому понятию «краевед» и «краеведение». И мы, в свою очередь, решили заменить «краеведение» синонимом «микрорегиональная история и микрорегиональная культура», дабы не отпугнуть многих потенциальных читателей и авторов.

Поставив перед нашим изданием задачу - изучение и пропаганду истории и культуры Мещёры, как мы уже говорили прежде, мы просто обязаны в плане этнической направленности, затрагивать не только то, что «русское», но и такой важный и, к прискорбнейшему сожалению заброшенный пласт российской истории, как финское влияние. Следует заметить, что некоторые серьезные историки на Западе, говоря об русском этногенезе, откровенно отмечают его финно-угорское начало. До сих пор ряд коренных народов России принадлежат к этой группе. Также Мещёра немыслима без темы тюркской, вернее татарской. А это еще один важнейший столп, на котором держится и вся современная Россия. Не будем забы-

вать, что татары – второй после русских по численности из коренных народов РФ. Уже не одно столетие наша история пребывает в позорнейшем плену «татарщины». Почитав многих авторов, поражаешься тому, как односторонне преподносится тема татар в русской истории. Татары представлены исключительно как чудовищные враги всего русского, а бывшее целых триста лет ордынское иго – как источник чуть ли не всех русских бед. Тут волей-неволей подумаешь: на кого бы такие русские авторы вали все беды и пороки своего народа, если бы в XIII веке Батый случайно не пошел на Русь!? А между тем, русско-татарские взаимоотношения, начиная с самого первого контакта наших предков, тема весьма интересная и неоднозначная. Я, как выпускник кафедры этнологии исторического факультета Московского Государственного Университета, в свою очередь могу сказать, что «русскость» и «славянщина» принесли России и ее народам, включая и самих русских, не меньше бед, чем так навязываемая нам «татарщина». Нам пытаются навязать, что русские и татары – враги чуть ли не на генетическом уровне. А как же тогда быть с огромным количеством русских дворянских родов, которые происходили от татарских предков, приезжавших на службу в русские княжества уже вскоре после начала т.н. «ига»? А как же тогда также быть с множеством других прецедентов положительных русско-татарских контактов, включая и военных, которые начались за столетия до присоединения к Московскому государству татарских ханств? История обеих групп мещерских татар – касимовских и мишарей – весьма яркий образец добрососедства и сотрудничества обоих народов. Изучение и пропаганда данной темы крайне важна в условиях огромной многонациональной и многоконфессиональной России. И наоборот, увлечение русской православной исключительностью в дальнейшем может спровоцировать немало бед.

Также на страницах альманаха будут приветствоваться любые другие темы, касающиеся этнических и религиозных групп в разное время обосновавшихся на территории Мещёрского края, в его городах и других населенных пунктах. Так, в крае исстари проживали группы русских протестантов (молочан, «белоризцев» и др.) В крупных промышленных центрах Мещёры в разное время сформировались национальные диаспоры.

Через такой сложный и интереснейший край, как Мещёра, легко понять и Россию, ее историю и специфику в целом. Наверное поэтому уже первый выпуск нашего издания вызвал такой интерес.

С.С. Михайлов
главный редактор альманаха «МЕЩЁРА-край»

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Андрей Николаевич Фролов

историк-краевед, г. Воскресенск

СЕНЬГА

Это название носит небольшая река, протекающая по малонаселенной болотистой и озёрной местности в юго-западной части Владимирской области. Верховья ее расположены уже в Подмосковье. В недалеком прошлом речка Сеньга свой исток имела возле деревни Новониколаевка Орехово-Зуевского района и вытекала из небольшого Пирютинского озера, расположенного в полутора километрах к северо-западу от Новониколаевки. С запада в Пирютинское озеро впадал Фоминский ручей. Ныне эти места сильно изменились в результате проведения торфоразработок и мелиорации. Совершив большое колено и, поменяв направление своего течения с восточного на северное, Сеньга впадает в одноименное озеро и далее несёт свои воды в озеро Находное, а оттуда устремляется на северо-восток – в сторону Клязьмы¹. Длина её составляет около 44 км.

В старину в этих местах существовала Сенежская волость, большая часть которой долгое время принадлежала русским митрополитам, а позднее и патриархам. Отсюда пошло нынешнее неофициальное название данной местности – Патриаршина. Небольшая часть волостной территории, по

¹ Карта Государственного Геодезического Управления 1924 года. Масштаб 1 : 100 000 (в 1 см – 1 км) Лист № 37–7 (Покров). Московская и Ивановская промышленные области.

каким-либо причинам не вошедшая в состав патриаршей вотчины и находившаяся в поместьях за служилыми людьми, в XVII столетии именовалась «волость Сенежская в поместьях»². По сохранившимся описаниям XVII века владение главы Русской православной церкви представляло собой довольно обширное земельное пространство и включало в себя длинный ряд деревень и поныне существующих в Шатурском и Орехово-Зуевском районах Подмоскovie³. Но главную ценность этих угодий в эпоху Московской Руси составляли многочисленные и богатые рыбой озёра. На озёрах Сенежской волости митрополичьи рыбаки заготавливали большое количество разнообразной рыбы, которую поставляли в Москву. В сохранившейся копийной книге митрополичьего архива эти озера и даже реки заботливо перечислены⁴. По сведениям историка С.Б. Веселовского большой вотчиной в пределах владимирской волости Сеньга владел уже митрополит Алексий, умерший в 1378 году⁵. Другой глава Русской церкви – митрополит Киприан, пра-

² Волость Сенежская в поместьях: Книга Володимирского уезда переписи стольника Савелия Алексеевича Шепелева да подьячего Петра Яковлева году (7186) 1678 г. / Подготовил В.В. Кузнецов // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. Ильинский погост, 2010. Вып. 8. С. 196–205.

³ Огурцов В.Д. О патриаршей Сенежской волости // Гуслицкая округа. Историко-краеведческий альманах. Куровское; Давыдово, 2007. Вып. 3. С. 16–18. Приведен отрывок из текста переписной книги Владимирского уезда переписи кн. В.П. Кропоткина 1637–1643 гг.

⁴ «Перечень озер митрополичьего дома в Сенежской волости Владимирского уезда. А се озера Пречистыя Богородицы и великих чудотворцов Петра и Алексеа и Ионы и митрополичи всеа Руси истаринные в волости Сенгу» // Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1. (Акты московской митрополичьей кафедры).

⁵ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 370, 382.

вивший митрополией с 1390 по 1406 годы полюбил здешние малолюдные места; неоднократно, ища молитвенного уединения, он приезжал в Сенежскую волость и построил здесь для себя скромную резиденцию на северо-западном берегу Святого озера. На южном берегу того же озера ныне находится подмосковный город Шатура. Рядом со своей резиденцией на волостном погосте (по имени волости его звали погост Сенеж) владыка Киприан возводит (возобновляет?) деревянную церковь во имя Спаса Преображения⁶.

Впервые в русских летописях о здешних местах упоминается в горестном рассказе о событиях 1410 года. В тот год в результате очередной междоусобицы между московскими и нижегородскими князьями жестокому разорению подвергся Владимир – тогдашний «первопрестольный» град Северо-Восточной Руси. Нижегородский князь Даниил Борисович отправил в рейд на Владимир своего боярина Семена Карамышева и приглашенного из Орды татарского царевича по имени Талыч. Всего под их началом находилось 500 сабель (250 нижегородцев и столько же степняков). Воспользовавшись отсутствием наместника и общей беспечностью горожан, интернациональный нижегородско-татарский отряд с ходу овладел Владимиром, а затем учинил в захваченном городе вакханалию грабежа и насилия⁷. Большинство наших современников хорошо знакомы с этим неприглядным эпизодом истории по художественному фильму режиссера А. Тарковского, посвященному обстоятельствам жизни великого русского иконописца Андрея Рублева. По уникальному известию Ермолинской летописи в рейде на Владимир принимал участие старший сын нижегородского князя – князь Иван по прозвищу

⁶ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. Т.11. С. 216.

⁷ Там же.

Довлат⁸. От захваченных пленников предводители разбойничьего отряда узнали важную новость – оказывается, сам глава Русской церкви митрополит Фотий ранее находился в городе и накануне, после вечерни, выехал из Владимира в свою митрополичью Сенежскую волость к церкви Спаса Преображения на Святом озере. По горячим следам царевич Талыч отправил в погоню за Фотием часть своего отряда. Весть об этом достигла митрополита вовремя – он спешно покинул свою резиденцию на Святом озере и со своими людьми стал пробираться на северо-запад, в места еще более глухие и малодоступные. Как можно понять по рассказу Никоновской летописи, Фотий укрылся от татар именно на берегу озера Сеньга⁹. Татары не смогли настигнуть беглецов и воротились назад. На обратном пути степняки захватили и разорили города Стародуб и Муром¹⁰. В благодарность Господу за избавление от грозной погони митрополит поставил на берегу озера Сеньга «на лесу» (то есть посреди лесной чащи) маленькую деревянную церковь во имя Рождества Богородицы и отслужил в ней первую службу. Фотий пробыл на озере Сеньга 4 недели и 3 дня «*в молчании и безмолвии, и во умилении и в молитвах*», а позднее воротился в Москву. При новопостроенном храме остался на жительство один из приближенных митрополита – иеромонах Пахомий Болгарин. В своё время и Пахомий, и Фотий, будучи молодыми иноками, вместе подвизались в одном из греческих монастырей под началом знаменитого старца Акакия¹¹.

⁸ Русские летописи. Рязань, 2000. Том 7. Ермолинская летопись. С. 191.

⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. Т.11. С. 216–217.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. 15. Тверская летопись. С. 485.

¹¹ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. Т.11. С. 216–217.

Из истории Николо-Радовицкого монастыря известно, что иеромонах Пахомий находился на Сеньга-озере какое-то время, но впоследствии (может быть, избегая появляющихся здесь рыбаков) отправился в еще более глухие и безлюдные Мещёрские места и основал новый монастырь в пределах соседнего Рязанского княжества. Этот монастырь в память о своем наставнике по монашескому житию, Пахомий назвал Акакиева пустынь. Позднее эта же обитель стала известна под именем Николо-Радовицкой¹². Церковь Рождества Богородицы на озере Сеньга в переписных книгах XVII столетия уже не упоминается, но принадлежавший ей когда-то участок земли, юридически еще существовал и именно на этой церковной земле переписная книга 1678 года отмечает одну из двух стоявших на озере волостных деревень¹³.

Перейдем теперь к расшифровке топонима. Как и многие другие загадочные названия Восточного Подмосковья, название Сеньга не объясняется из русского языка. Следует полагать, что название реке было дано задолго до прихода сюда славян. Их предшественниками в этой местности, как известно, являлись представители финно-угорского племени меря. Племенным центром мерян считался древний город Ростов Великий в нынешней Ярославской области. По свидетельству Начальной летописи меря входила в состав федерации северных славянских и финно-угорских племен, которые сначала

¹² Ванин А.А. Николо-Радовицкий монастырь и его православные святыни // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2011. Т. 27. С. 86.

¹³ «Деревня Сенег на берегу Сенгу озера на церковной земле». Волость Сенежская в поместьях: Книга Володимирского уезда переписи стольника Савелия Алексеевича Шепелева да подьячего Петра Яковлева году (7186) 1678 г. / Подготовил В.В. Кузнецов // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. Ильинский погост, 2010. Вып. 8. С. 211.

изгнали в 862 году варягов «за море», а потом пригласила к себе править варяжского же предводителя Рюрика с братьями Синеусом и Трувором¹⁴. Хочется отметить, что из племен этой федерации только два – кривичи и новгородские словены были славяноязычны, а все остальные – весь, меря и чудь говорили на языках финно-угорской группы. В 907 году ратники из Мерянской земли, наряду с воинами из других земель Древнерусского государства, под началом знаменитого князя Олега ходили в поход на Константинополь и взяли в этом походе хороший прибыток¹⁵. Позднее значительная часть мерянского населения, не желая принимать христианство, переселилась на восток к своим близким родственникам – марийцам, а другие подчинились новым порядкам и остались жить на своих исконных местах обитания. Со временем эти оставшиеся меряне полностью обрусели и забыли язык и обычаи предков. Единственными следами исчезнувшего мерянского наречия остаются ныне многочисленные финно-угорские названия крупных и средних рек во Владимирской, Ярославской, Костромской, Ивановской и в восточных районах Московской и Тверской областей (маленькие речки были названы славянскими переселенцами заново), а также некоторые особенности говора русского старожильского населения указанных местностей. Точно такая же ситуация складывалась и во многих других областях Северного Нечерноземья, где ассимиляции подверглись финно-угорские племена весь, чудь, карела и прочие. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада России стала объектом изучения для Санкт-Петербургского языковеда Сергея Алексеевича Мызникова. В результате многолетних (с 1990 по 2003 годы) полевых исследований пу-

¹⁴ Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 1. Лаврентьевская летопись. С. 19–20.

¹⁵ Там же. С. 29–32.

тем опроса старожилов сельских населённых пунктов учёным и его помощниками было выявлено несколько сотен финно-угорских заимствований. Одно из этих слов поможет нам точно определить, что же означает название Сеньга в переводе на русский язык. По сведениям С.А. Мызникова для обозначения стерни, жнивья (мест скошенной травы или хлеба) в деревнях Онежского, Мезенского районов Архангельской области и Беломорского района Карелии старожилами использовалось слово сеньга (вариант – сяньга) с ударением на первый слог. Данное слово находит параллели с тем же значением в живых финно-угорских языках ближайших соседей русского населения – карелов, финнов и вепсов¹⁶. Слово сеньга в северных русских говорах имеет синоним – рагно (Усть-Кубенский район Вологодской области)¹⁷. Данное слово также заимствовано из финских наречий. Оно заставляет нас вспомнить название одного из карельских озёр – Рагнозеро в Пудожском районе. Вытекающая из озера река именуется Рагнокса. Но термин сеньга, похоже, был распространен в старину гораздо шире и довольно часто присутствует в топонимике бывшей зоны расселения финно-угорских племен. По сведениям автора Топонимического словаря Московской области Е.М. Поспелова, гидронимы *«Шеньга, Сеньга неоднократно встречаются на севере европейской части Росси в бассейнах Северной Двины, Юга, Сухоны, Вага, Ветлуги»*¹⁸.

Так, например, в Вологодской области протекает река Сеньга, приток Лежи. Лежа, в свою очередь, впадает в реку Сухону. Вологодская Сеньга гораздо протяженнее Подмосковной,

¹⁶ Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области. Селения и реки Подмосковья. М., 2000. С. 242–243.

ее длина составляет около 77 км. Речка Сенговка писцовой книгой Коломенского уезда 1577-78 годов отмечена на юго-западной окраине Мещёры – в Сопинской владычной волости, в окрестностях нынешних деревень Тимшино и Дмитровцы Егорьевского и Коломенского районов¹⁹. Мягкий знак в документах XVI столетия писали не всегда, и название речки следует читать Сеньговка (уменьшительное от Сеньга).

Таким образом, название рассматриваемой реки можно определить, как «река со скошенными заливными лугами по берегам». Долина Сеньги практически мало пригодна для земледелия. Хлебов здесь в старину не сеяли или почти не сеяли и, соответственно, не было и жнивья от убранных зерновых. Здешние болотисто-озерные угодья с мерянских времен могли использовать только для рыболовства, охоты и заготовки сена. Скошенные заливные луга (по-мерянски сеньга) дали названия реке и озеру, через которое она протекала. Притяжательные от Сеньга в древнерусском языке звучали как Сенег, Сенеж. Именно они многократно упомянуты в названиях волости. Еще одна, не выявленная пока по документам, речка, с именем Сеньга, похоже, протекала в старину в окрестностях нынешнего города Солнечногорска. Именно она дала название озеру Сенеж, которое в гораздо меньших размерах существовало издревле (упомянуто в писцовых книгах

¹⁹ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 397. С названием исчезнувшей речушки Сопинской (Сопиноски), от которой и произошло название упомянутой владычной волости, очевидно напрямую связано имя ныне весьма почитаемого в тех местах целебного источника – Сопина. Насколько можно судить, это название тоже финно-угорское. В словаре языка коми находим слово «сӧп» – желчь. Возможно, вода в речке первоначально была слегка горьковатая. Сравним с этим гидронимом название реки Желча, которая впадает в Чудское озеро и по льду которой дружины князя Александра Невского шли в 1242 году на Ледовое побоище.

1620-х годов)²⁰. Правда на межевых планах второй половины XVIII века река, протекающая через озеро Сенеж, носит другое, но тоже мерянское название – Едома²¹. При царе Николае I первоначальное Сенежское озеро было существенно расширено и обводнено, в ходе проведения работ по строительству Екатерининского канала.

Можно ещё добавить, что слова и корни слов, обозначающие стерню и жнивье, являются топонимообразующими не только для России. Например, название немецкого города Йена (в старину он звался Gene и Jene) по мнению германских учёных, происходит от средне-верхне-немецкого *jan* – «полоса скошенной травы или хлеба»²².

²⁰ Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области. Селения и реки Подмосковья. М., 2000. С. 242.

²¹ Клинский уезд в 1766–1770 гг. // Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. М., 2004. Карты уездов. Л. 8.

²² Поспелов Е.М. География мира: Новейший топонимический словарь. М., 2007. С. 212.

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРЫ**

Сергей Сергеевич Михайлов

*главный редактор альманаха «МЕЩЁРА-край»,
председатель ассоциации исследователей
Западной Мещёры «Гуслицкий перекрёсток»*

«СОСНЫ КОЛДУНОВ» И «ДУБЫ КОЛДУНОВ»

Во время моих полевых исследований в населенных пунктах составлявших прежде Гуслицкий край, мне часто доводилось слышать о существовании еще во второй половине XX столетия возле некоторых селений «сосен колдунов». Такие росли возле деревень: Устьяново, Степановка, Мисцево, Круглово и Шувое. Однозначно, эта география была намного шире, но к моменту бесед со старожилами других селений память о росших здесь подобных сакральных деревьев была уже утрачена. Тем не менее, еще какие-то сведения о них мне удалось собрать в начале 2000-х гг.

Более всего мне удалось собрать информации о «сосне колдунов», которая росла в деревне Степановка. Если другие известные «сосны» находились, как правило, вне населенных пунктов, то степановская произрастала прямо за огородом одной из деревенских семей.

Уроженка Степановки Устинья Григорьевна Андриянова (1923–2010) рассказала о таком случае, связанном с «сосной», имевшем место в 1920-х гг. Однажды ее дядя возвращался на выходные домой после трудовой недели на Дулёвской фабрике. Ехал он, как обычно, на знаменитом поезде «Гусляк», шедшем со станции «Орехово» (Орехово-Зуево) до Ильинского погоста. Напротив, в вагоне, сидел интеллигентный средних лет мужчина, обликом походящий более на А.П. Чехова, с такой же бородкой и в пенсне. Разговорились. Попутчик узнал, что его собеседник из Степановки и разговор пошел об этой деревне. Интеллигент

очень хорошо был осведомлен о деревне. Помимо всего прочего, речь зашла и о «сосне колдунов». Степановец сказал, что знает про такую, колдуны возле не собираются. Интеллигент ответил ему: «Да, мы туда слетаемся»... В 2005 году мне удалось поговорить и с пожилой жительницей Степановки, за огородом которой собственно и росла эта сосна. Она помнит дерево по своему детству и рассказала, что собрания колдунов происходили на глазах их семьи и других сельчан. Собрания носили регулярный характер и ничем не напоминали шабаш. Обычно на такие собрания являлось до 10-15 колдунов из соседних населенных пунктов. Степановцам данные люди были хорошо знакомы. Колдуны стояли или ходили возле сосны, беседовали о чем-то друг с другом. На метлах никто не летал.

«Сосна колдунов» простояла до 1937 года. Дело закончилось тем, что отец моей собеседницы, которому подобные собрания не нравились, спилил это дерево. Когда он пилил, зубья пилы постоянно натыкались на вбитые в ствол гвозди. Колдуны явились к сосне, на очередную встречу, на следующий день. Они недовольно постояли возле свежего пня, после чего разошлись и более на это место не возвращались. Никакой мести с их стороны не последовало. Отец моей собеседницы прожил обычную для обитателя Степановки жизнь. Невзирая на уничтожение сакрального объекта, он не был репрессирован, благополучно вернулся с полей Великой Отечественной войны. Также никаких особых бед не случилось и с его семьей.

Возле деревни Устьяново росли рядом целых две «сосны колдунов». Более подробной информации о них выяснить не удалось, но еще в 1960-х гг. оба дерева были еще целы, причем вокруг них вовсю рос березняк. Видимо, прежде здесь был вырублен старый лес, но при этом сакральные деревья

тронуты не были. Со временем, на месте вырубки, как это водится, вырос березовый лес.

По рассказам старожилов, в лесу, возле деревень Шувое и Нареево, рядом росли «сосна колдунов» и «святая» сосна, на которой висела икона Георгия Победоносца. Относительно последней, существовала следующая легенда. Однажды этим лесом шел один человек. В те времена вокруг Шувое водилось множество волков, и походы в лес были весьма опасны. И этого человека окружила стая голодных волков. Обложенный со всех сторон, он забрался на ближайшую сосну. Волки легли вокруг дерева и не собирались уходить и оставлять свою жертву. Шли часы. Человек уже стал терять силы. Он взмолился святому Георгию Победоносцу. Тут волки вдруг начали отступать, как будто их кто-то отгонял. Вскоре они убежали в лес. Вернувшись в деревню, спасенный человек рассказал о случившемся землякам, а на сосну, где он скрывался, повесил икону святого-спасителя, которая висела здесь до советского времени. Старожилы говорили, что взамен сгнившей иконы сразу вешали новую.

Между двумя деревьями было весьма небольшое расстояние и срублены они были в 1930-х гг. практически одновременно. Когда пилили «сосну колдунов», сломали не одну пилу: ее древесина была как железо (согласно другому варианту, она, как и степановская сосна, была наspiгована гвоздями).

«Сосна колдунов», которая росла вблизи деревни Мисцево, оставалась в Гуслицах, наверное, дольше остальных. Она росла еще в 1990-х гг., но неизвестно, собирались ли возле нее колдуны. Она, как и другие «сосны», являла собой уродливое, раскоряченное дерево.

Интересную быличку мне довелось услышать о «сосне колдунов» возле деревне Круглово. Этот населенный пункт относительно далеко отстоит от вышеприведенных селений, составляющих восточную часть Гуслиц. Круглово же находится

в южной части Гуслицкого края, недалеко от границ с прежним Бронницким уездом. Самым близким территориально населенным пунктом последнего была большая деревня Кладьково, ликвидированная в связи с поиском фосфоритов в 1980-х гг. Кладьковцы, также как и гуслики были старообрядцами, и поддерживали с ними весьма тесные отношения. Бывшая жительница Кладьково, проживающая ныне в поселке Хорлово, Воскресенского района, рассказала о случае, который произошел с членами ее семьи во время одной из советских голодовок. В это время они, как и многие другие жители края, поехали в Рязанскую губернию за хлебом. В процессе поиска они оказались в одной из деревень, где предстояло и заночевать. Им показали дом, где жила одинокая древняя старуха, не слезавшая с печи. Разумеется, перед сном хозяйка завела с гостями разговор о том, кто, откуда и пр. Кладьковцы рассказали. Оказалось, что старуха очень хорошо знает их места. Она стала называть деревни Гуслиц и окрестностей Егорьевска, причем правильно ставя ударение. Кладьковцы предположили, что ранее она бывала в их краях. Старуха спросила, знают ли они про одиноко растущую сосну возле деревни Круглово. Кладьковцы спросили: «это которая это сосна колдунов?». Старуха ответила: «да, мы к ней слетаемся»...

У всех вышеупомянутых сосен была одна общая деталь: они росли не прямыми и стройными, а причудливыми и кривыми. В деревнях, когда давали характеристику этим са크ральным объектам, именовали их «раскоряками».

Всего в нескольких десятках километров восточнее Гуслиц, на территории современного Шатурского района, были известны не сосны, а «дубы колдунов». Про один из таких «дубов», росший возле деревни Федеевская, мне рассказали в 2007 году. Если Гуслицы являются пограничьем Мещёры, то Шатурская земля – Мещёра в чистом виде. «Дубы колдунов» – чисто мещерская традиция. В северной части Рязанской обла-

сти есть поселок Тума, название которого переводится как «дуб» («тумо» в поволжско-финских языках, к которым относился и язык финской мещеры, означает именно это дерево). Судя по всему, здесь прежде рос какой-то особо чтимый сакральный дуб, к которому в дохристианское время приходили на поклонение жители большой округи. Не исключено также, что чтимый дуб здесь был не один, а существовала целая священная дубрава.

Если дубы были сакральными деревьями мещеры, то получается, что особые сосны почитались группой мери, которая проживала в восточной части Подмосковья. Через Гуслицы протекает река Нерская, которая еще несколько столетий назад именовалась не иначе как «Мерская» или «Мерьская». Недалеко от Устьяново и Степановки существовала деревня Нареево, писавшаяся в ранний период не иначе как «Мереево». В настоящее время этот населенный пункт слился с соседним Шувое. Хотя население Гуслиц являлось не только прежней мерей, в его формировании участвовали и славяне-вятичи, и представители ссылаемых групп новгородцев и др., почитание мерянских сакральных деревьев не исчезло, а усваивалось и новыми жителями края.

Недавно мне довелось беседовать с одним из коллег, также занимающимся Мещёрским краем, включая и Гуслицы. Он высказал предположение, что почитание «сосен колдунов» на гуслицкую землю попало вместе с новгородскими переселенцами, которые усвоили его еще от своих прибалтийско-финских предков. Поволжские финны (мордва, мари, мещера) более почитали лиственные деревья: березу, липу, а также как мы видим в случае с мещерой – дуб. Хвойные деревья были популярны у прибалтийских финнов, часть которых участвовала и в формировании новгородцев. Однако, «новгородская» версия появления в Гуслицах «сосен колдунов» имеет свою слабую сторону. Новгородцы в Гуслицах появились в конце

XV столетия, после покорения Москвой Великого Новгорода. Их сослало правительство Ивана III. К тому моменту жители Новгорода уже были достаточно христианизированы и утратили большую часть древних традиций. Следует учесть и тот факт, что московское правительство высылало из покоренного беспокойного центра прежде всего тех, кто так или иначе мог встать во главе сепаратистских движений. Это касается прежде всего знатных людей и вряд ли московская администрация рассылала по городам и весям простых жителей Новгорода и Новгородской земли. А представители знатных слоев быстрее других групп населения утрачивали элементы традиционной культуры. О культуре древней мери мы практически ничего не знаем, за исключением материала, который дает археология. Таким образом, корни гуслицких «сосен колдунов» следует искать именно в местном варианте древней мерянской культуры.

Мещерские «дубы колдунов» пока еще являются неисследованным элементом культуры края. Возможно, изучение полевого материала связанного с ними даст весьма интересную информацию о дохристианских традициях Мещёры.

ИЗ ИСТОРИИ МЕЩЕРЯКОВ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

О том, когда перешагнула свой последний рубеж финская мешера, можно говорить и спорить много. На наш взгляд, однозначно, она «протянула» до XX века, пусть даже и значительно обрусев, утратив значительную часть своего этнического облика и язык. Несколько лет тому назад я вел однодневную экскурсию для сотрудников одного НИИ. Маршрут пролегал через древние финно-угорские земли и я, разумеется, не мог не затронуть тему мери, мешеры и других наших «неславянских» предков. В конце экскурсии ко мне подошел мужчина средних лет, который оказался русским, родившимся в Мордовии. В 1980-х гг. он какое-то время проживал на востоке Мещёры, в Касимове, где стал очевидцем следующего.

Ему довелось неоднократно встречать жителей некоторых сел окрестностей этого города, в основном старшего возраста. По внешнему виду и «культурному облику» это были типичные для этого уголка Рязанской области русские, а не касимовские татары или татары-мишари. Единственным отличием их от остального русского населения края была запись в советском паспорте, в графе «национальность» – «мешера». На расспросы обычно такие люди отвечали, что в их селах подобных граждан по два с половиной – три десятка человек, преимущественно стариков. Молодежь и средний возраст уже полностью фигурировали как обычные русские.

Отрывочные сведения о том, что в Мещёрском крае к началу XX века фигурировали немногочисленные остатки «совершенно обрусевшей» мешеры, можно встретить и в ряде документальных сведений. Мало того, помимо собственно Мещёрской территории, остатки мешеры (мещеряков), которая также не являлась мишарями (мещеряками)

тюркского татарского происхождения, можно встретить касательно Пензенской губернии. Причем тамошняя мещера была куда более многочисленной, нежели та, что проживала в собственно Мещёрской территории. Предки этой мещеры в свое время пришли из района Касимова.

Одной из задач нашего издания является и выявление информации об этих группах мещеры, которая была опубликована в прошлом, а впоследствии оказалась забытой. Сейчас мы хотим предложить вашему вниманию посвященный мещерякам отрывок из небольшой книжки Н.А. Александрова «Мордва, мещеряки и тептяри», вышедшей в 1900 году.

«Более чем мордва, слились с русскими – мещеряки. Эти последние в Пензенской, например, губернии совсем утратили свой язык и говорят только по-русски, а в Рязанской, в Спасском уезде утратили все, и только называют себя **мещеряками**. Но, однако, несмотря и на такое обрусение, они во многом также сохранили свои старинные обычаи, обряды и суеверия; главным же образом это, конечно, при свадьбах и похоронах. При свадьбах у них бывает много пиршеств, но самые главные, – это **запой, пир** и **отпир**. Важную роль играет не сваха, как у русских, а **схожатый**. Дело начинается с того, что отец жениха, угостивши отца невесты и родственников, берет благословение на сватовство у священника и посылает в дом невесты схожатаго. Этот, после известного угощения, приступает к делу таким образом.

– Я к вам пришел, дядюшка и тетушка! Я купец, у вас, слышал я, есть товар.

– Есть, родимый, да дорог, – отвечает мать невесты.

– Нам такого и нужно; мы люди простые, – отвечает в свою очередь схожатый.

И тут с намеков и обиняков дело переходит на простой торг или уговор, при котором мать невесты выговаривает столько-то или столько-то десятков рублей платы за невесту, да полушубок, да зипун, да онучи и лапти, и, наконец, одно или два ведра водки для угощения гостей на стол и одно или два ведра для дома невесты под стол. После этого схожатый приходит с отцом жениха для **рукобитья**, и тут идет разговор о приданом, и, когда отец жениха обращается к отцу невесты, то этот последний, указывая на мать невесты, заявляет постоянно: «вон с ней говорите; это не наш, а ее товар». После рукобитья через несколько дней следует пиршество **запой**, на которое приглашаются все родственники и знакомые и на котором не присутствуют только ни жених, ни невеста. Накануне свадьбы уплачиваются деньги (калым) за невесту и снова совершается пиршество; в день же свадьбы жениха сажают в сани или телегу, а дружка обходит с иконою три раза поезд, приговаривая: «кто с нами, тот садитесь в сани, а кто не с нами, тот поди прочь». После этого с разными церемониями отправляются в дом невесты, где, угостившись, выводят на двор и жениха, и невесту, рассаживают их на разные телеги или сани, и дружка опять с иконою обходит три раза поезд. Жених и невеста, а также и все гости разряжены в свои особые костюмы, несколько отличающиеся от русских. У всех шапки с высоким плисовым верхом о четырех углах; у всех белые русские рубахи, обшитые красными подольниками и с вышитыми красной шерстью косыми воротами; поверх рубах – черные шерстяные зипуны, а поверх зипунов полушубки и тулупы; ноги же в лаптях и обернуты в белые шерстяные онучи. Невеста и ее подруги в длинных белых рубахах с вышитыми, по преимуществу красными шерстяными воротами, и низко подпоясанных поясом, с кистями на концах; белых же суконных кафтанах, называемых **чупрунами**, которые ниже колен и обшиты по подолу и полам зелеными и красными

суконными лентами; на головах ситцевые платки, а на ногах белые онучи и лапти, и кроме того колена, оголенные высоко подпернутой рубахой, покрыты особыми онучами, называемыми **повилами**.

По выходе из церкви, невесту уводят в церковную караулку, где девический костюм заменяется костюмом замужней женщины, вся разница которого в одном головном уборе, — вместо девического платка надевается кичка вроде мордовской с рогами, покрытая белым холщевым платком.

При обратном приезде в дом невесты, у ворот стреляют из ружей для предохранения молодых от злой силы, или от порчи, обсыпают их хмелем и по разостланному холсту вводят в избу. За столом жених сидит в шапке, а невеста покрыта платком, пока дружка не обойдет их три раза, стуча каждый раз головой жениха о голову невесты и приговаривая при этом: «сколько у меня пенечков, столько за вами сыночков, сколько в лесу кочек, столько бы у вас дочек».

На другой день пир у жениха, и пир продолжается два дня, а через неделю пир у отца невесты, называющийся **отпир**. На всех пирах они угощаются также аппетитно, как мордвины, пирогами, блинами, поросятами, и также, конечно, водкой и в изобилии хмельной брагой. Но на этих пирах, как и при всех описанных нами свадебных обрядах, нет тех языческих, как поклонение воде, пляски вокруг ушата и ведер, что мы видели у мордвы, и вместо кнута и ножа, чертящего кресты, является одна икона.

Такое же отсутствие языческих обрядов мы замечаем и во всем остальном, даже и при похоронах, когда мужчины идут за гробом, повязанные белыми платками, а женщины немного поодаль с плачем и причитаниями; и, когда в сороковой день вместо комедии, разыгрываемой мордвинами с живым покойником, приглашается священник, служитя панихида; и поминки ограничиваются тем, что на могилу приносят блины,

пироги, брагу, яйца, и, съедая все это, кусочки откладывают для покойника в ямку.

Вообще мещеряки далеки уже от всего языческого, они религиозны, но суеверий у них много и русских и своих. Они верят, например, если ребенок родился в начале месяца, то будет долго жить, а в конце – скоро умрет; они радуются рождению мальчика, и при его рождении устраивают пир; они выбирают в кумовья тех, крестники которых долго живут и т.п. Но все-таки и в этом последнем они больше сходятся с русскими, чем мордва.

По смышлености и работе они не уступают мордве; но также грязно живут, в таких-же избах со множеством пристроек, в таких-же деревнях, и занимаются земледелием, а у пензенских мещеряков есть и свой особый промысел, – битье конопляного масла.

Отатарившиеся мещеряки еще более отатарились, чем обрусевшие обрусели, и у отатарившихся нет и признаков чего-либо своего мещеряцкого. Они живут по деревням в хорошо устроенных домах на русский образец; одеваются точь-в-точь как татары, – в те же бешметы, азямы, халаты, носят на голове те же шитые тюбетейки, или мерлушковые шапки, а женщины рубашки с оборками, нагрудники из серебряных монет и также опять-таки бешметы и халаты. Все они точно также ревностно исповедуют магометанскую религию, строго исполняют все законы Магомета; но только женщины у них живут несравненно свободнее, чем у татар, и в хороводах и пирах девушки зачастую участвуют вместе с парнями. Занимаются отатарившиеся Мещеряки хлебопашеством и скотоводством; и в работе несравненно выше своих собратьев татар».

*(Александров Н.А. Мордва, мещеряки и тептяри.
М., 1900. С. 22–27.)*

Но здесь, как мы видим, Н.А. Александров пишет о двух разных группах мещеряков – остатках обрусевших финнов (в первом случае) и о татарах-мишарях (во втором). Подобная путаница весьма характерна для поверхностных русских исследователей той поры, которые и татар-мишарей считали исключительно не самостоятельной группой поволжских татар, а лишь отатарившимися финнами.

В случае с мещеряками – остатками финнов, Александров явно описывает преимущественно представителей многочисленной пензенской группы. Отсюда и земледелие, и битье конопляного масла. Отсутствие огромного языческого пласта, который в это время крепко бытовал в исконной лесной Мещёре, здесь могло появиться в следствии длительного проживания вне первоначального ареала, на открытом для внешних факторов пространстве. Тем не менее, и пензенская группа представляет собой большой интерес.

Пензенскими мещеряками периодически интересовались разные авторы XIX–XX вв., которые оставили кое-какие публикации. Они могут дать, пусть немного, но все же какой-то информации.

С.С. Михайлов

КАТАСТРОФЫ

Дмитрий Вячеславович Громов

канд. психол. наук,

сотрудник Респ. центра рус. фольклора

ЧУДЕСА ВО ВРЕМЯ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ 2010 ГОДА

Летом и в начале сентября 2010 года по многим регионам России прокатилась волна природных пожаров. Только по состоянию на 7 августа 2010 года зафиксирована гибель 52 человек, уничтожено более 1200 домов. Полностью или частично сгорело 127 населенных пунктов¹. Сложная пожарная обстановка была обусловлена в первую очередь аномальной жарой и отсутствием осадков. Обширные регионы России, прилегающие к зонам возгораний, были затянуты густой пеленой дыма. Крупнейшим очагом пожаров стала Мещера с ее обширными лесами и торфяными болотами.

Осенью того же года мы провели небольшое исследование с целью выяснить, происходила ли мифологизация пожаров, породили ли они некие фольклорные тексты². Было выявлено четыре мотива: рассказы о чудесном спасении во время пожара; суждения о том, что пожары были инспирированы поджогами; представления о демонической зооморфности огня; суждения о том, что пожары связаны с концом света и вызваны накопившимися у людей грехами.

¹ Ярошенко А. Российский пожар // Сайт «Полит.ру». <http://polit.ru/article/2010/08/11/fire>. Зап. 8.08.2010.

² Громов Д.В. Пожары 2010 года в фольклорном осмыслении // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15. Стратегии и практики полевых исследований. М.: ГРЦРФ, 2011.

Данная статья посвящена одному из перечисленных мотивов – представлениям о чудесном спасении от пожара и обрядовым действиям, призванным обеспечить это спасение. Мы используем материалы, относящиеся не только к Мещёре, но и к другим регионам России.

Благодарим исследователей, которые на местах помогли нам в сборе материала, в частности С.С. Михайлова (Москва), Ю.В. Патлань (Киев), Д.А. Радченко (Москва) и особенно М.Я. Федотову (Меленки Владимирской области), письмо которой фактически представляло собой законченную заметку и публикуется здесь как отдельная статья.

Пожар – пространство ужаса, высшей степени опасности. Не удивительно, что летом 2010 года в ходу были мотивы чудесного, мистического спасения людей от огня. С одной стороны, это рассказы о чудотворных предметах-апоτροпеях, которые останавливали пожар. С другой, наблюдался всплеск интереса к религиозно-магическим практикам, направленным на обуздание огня.

Наиболее известный случай «чудесного спасения» и использования для этого охранительной обрядности – события, произошедшие в последних числах июля в поселке Белоомут Луховицкого района Московской области. 26 июля здесь дотла выгорела деревня Моховое. Огонь угрожал находящемуся неподалеку поселку городского типа Белоомут. По просьбе администрации Белоомута вскоре вокруг поселка был совершен крестный ход. По сообщению информагентства при этом была использована местночтимая икона Макария Унженского³. Эта

³ Священники спасли людей из огня // Милосердие.ru: Православный портал о милосердии и социальной деятельности.
<http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=4&s=19&id=13005>.

икона уже прославилась тем, что «в 1889 году люди, выходя с этой иконой, оберегли поселок от пожара»⁴.

30 августа за мужество в борьбе с «огненным испытанием» митрополит Ювеналий вручил епархиальные медали «За дела милосердия» III степени двум священникам поселка Белоомут – Г. Виноградову и В. Келину. Стенограмма церемонии сохранила их рассказы о чудесах в дни этих событий:

«Мы совершали крестный ход, потому что уже чисто человеческими силами невозможно было справиться. (...) Огонь остановился практически на тех местах, где прошел крестный ход. (...) Несмотря на то, что был рабочий день, люди старались найти хотя бы 5 минут, чтобы пройти вместе с нами. Крестный ход продолжался 4 часа, с нами постоянно шло более 100 человек, даже люди пожилого возраста. Другие — останавливались, крестились, — и Господь помог. Некоторые пожилые бабушки, которые обычно не могут пройти даже 100 метров до магазина и обратно, они эти несколько километров — где-то 5 километров мы шли — прошли с нами, несмотря на то, что мы шли в быстром темпе. [В это время] немножко дым шел, но когда прошли где-то полпути, то пошел дождик и дым развеялся. Господь смилостивился»⁵.

Чудесное явление было упомянуто и в связи с пожаром в Моховом:

«Мы уже говорили, что практически все поселение Моховое выгорело, осталось только несколько кирпичных домов. Самый первый удар пришелся на крест, который там стоял. Первый удар попал именно на него, и огонь отлетел от него. Крест был деревянный. Но даже сейчас можно приехать туда

⁴ Награждение в Новодевичьем монастыре // Сайт «Московская епархия Русской православной Церкви». Зап. 30.08.2010. <http://www.mepar.ru/news/2010/08/30/8643>.

⁵ Там же.

и увидеть, как небольшой кусочек земли вокруг креста остался расти зеленой травкой, а все остальное вокруг было сожжено»⁶.

Рассказы о мистическом спасении от огня часто встречаются в СМИ, например:

«“Было очень страшно, – признаются дачники. – Поселок заволокло черным облаком, и стало темно, как ночью”. Одна женщина, пенсионерка, рассказала, что на ее участке летняя кухня вспыхнула мгновенно. “Я считаю, что меня спасла чудотворная иконка, которую я всегда ношу с собой. Я взяла ее в руки и стала молиться Богу, чтобы огонь не перекинулся на мой дом. Бог внял моим молитвам, но многим соседям не повезло”, – добавила женщина»⁷.

Православный журналист, участвовавший в крестном ходе в Елецком р-не Липецкой области, писал:

«Голиково огонь, летевший со скоростью 200 метров секунду, обошёл стороной чудом, а как сами считают местные жители – милостью Божьей: “...Мы, верующие, взяли икону Божьей матери “Споручница грешных”, и читая ей акафист прошли крестным ходом вокруг храма и по селу. И случилось невероятное: мощный огонь, полыхавший в непосредственной близости, не тронул наши дома. Спасла, нас, грешных, Божья матушка. Теперь чудесный образ украшен золотистыми бусами и висит напротив алтаря”»⁸.

В дни пожаров в новостных программах телевидения неоднократно появлялись сюжеты о жителях, которые выходили навстречу огню с иконами. В нашем распоряжении есть за-

⁶ Там же.

⁷ Торфяные пожары в Подмосковье тушат дачники и гастарбайтеры // http://www.newsmsk.com/article/03Aug2010/gastar_dacha.html. Зап. 3.08.2010.

⁸ Вострикова Н. Да спасется Русь крестными ходами // Русские идут!: Монархическая газета. Вып. 1 (32). 7.04.2011. С. 4.

пись такого сюжета, прошедшего по телевидению Старого Оскола, в нем рассказывается о Нине Тихоновне Тебекиной, 68 лет, жительнице деревни Терехово (ил. 1). Увидев пожар, она вышла в поле с иконой в сопровождении внуков, причем икона, по ее мнению, спасает при пожаре:

«Это пресвятая богородица, Смоленская Божья мать. Она от пожара. Это еще бабушкина икона, и мама с ней замуж выходила, она у меня до сих пор хранится».

Православная церковь проявляла большую активность в связи с пожарами. Причем тон задавался на самом высоком уровне – 1 августа Патриарх Кирилл обратился к православным:

«Я призываю всех верных чад русской православной церкви объединиться в молитве о ниспослании дождя на нашу погибающую от зноя землю. Настоятелям православных храмов необходимо собирать прихожан на молебны, на мирные сугубые ектиньи при совершении литургии. (...) Особенные усердные молитвы следует обратить завтра, 2-го августа, пророку Божьему Илие»⁹.

Как форма охранительной обрядовости во многих местностях использовался крестный ход. Помимо упоминавшихся выше шествиях в Белоомуте Московской области, Елецком районе Липецкой области и Меленковском районе Воронежской области нам известно о крестном ходе в Спас-Клепиках Рязанской области (08.08.2010). Неоднократно крестный ход проходил в Воронеже, причем, по оценке митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия, благодаря этим действиям «были посланы небольшие дожди»¹⁰; в начале августа

⁹ Патриаршее обращение в связи со стихийными бедствиями — засухой и массовыми лесными пожарами в России // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1238293.html>. Зап. 1.08.2010.

¹⁰ В Воронеже стартовал пятидневный крестный ход // Комсомольская правда. 09.08.2010.

было совершено пятидневное паломничество с мощами святого Митрофана, епископа Воронежского¹¹. 27 июля крестный ход «с молением о прекращении пожара и ниспослании дождя» прошел в городе Выкса Нижегородской области¹². 20 августа, в ходе девятого по счету крестного хода от Липецка до Задонска произошли, согласно описанию участника, следующие события:

«Крестный ход шел по трассе, вдоль которой еще не развеялся дым и запах гари от лесных пожаров. И руководитель крестного хода Юрий Берников, видя, какой небывалый ущерб нанесла родной липецкой земле засуха, призвал нас молиться о дожде. К вечеру на подходе к селу Донское, сильно пострадавшему от пожара, тучи сгустились и грянул ливень. Все люди вымокли до нитки, но счастливые, продолжали путь к Богоявленской церкви села Донское. Нас вышли встречать прихожане храма со словами: «Спасибо, родненькие за дождь, это вы нам его принесли. Может быть, теперь прекратятся пожары-то». В селе, как выяснилось, сгорело много домов, и отнюдь не у самых обеспеченных людей» (ил. 3)¹³.

В поисках материалов о событиях лета 2010 года мы нашли довольно много сообщений о чудесах во время пожаров предыдущих нескольких лет. Например, в Старом Осколе, обсуждая текущие события, говорили о следующем:

«Насчет иконы. Смех смехом, а во время пожара 2008 года чудеса случались. То пламя охватит один дом, а потом перепрыгнет через соседний и пойдет полыхать дальше. А один

¹¹ Там же.

¹² В Выксе пройдет крестный ход с молением о прекращении пожара // Сайт «Новости города Выкса». Зап. 27.07.2010. <http://vykza.ru/2010/07/27/krestnyj-xod.html>.

¹³ Вострикова Н. Да спасется Русь крестными ходами // Русские идут!: Монархическая газета. Вып. 1 (32). 7.04.2011. С. 4.

дом остается нетронутым. Тот самый, что святой водой перед этим окропили.

То подойдет пламя к деревушке, а жители его с иконой встретили. И пламя не дошло до домов.

Но больше всего мне запомнилось как на Хмелева был поджог квартиры. Входную дверь заложили какой-то горючей фигней, облили бензином и подожгли. Пламя начисто уничтожило прихожую. Среде обгоревших стен, недалеко от оплавившегося электросчетчика висел клочок шерсти. Обычный с виду клочок. Висел там, где был самый очаг – близ входной двери. Вокруг него копоть, под ним – бело. Я спросил у хозяйки, что это за клочок, и она рассказала, что это в каком-то монастыре ей вручила старушка, продававшая сувениры. Заговорила, помяла и вручила. Та посмеялась, но на стену повесила.

Кстати, огонь, прошедший сквозь металлическую входную дверь и уничтоживший прихожую не прошел в квартиру буквально стаяв перед деревянной хлипкой дверцей. Над которой висела иконка... Неопалимой купины!

Добавлю что до сего дня хозяйка квартиры была не верующей, а иконки вешала как мы вешаем сувениры – абы было»¹⁴.

Старооскольская газета «Заря» в 2006 году (ил. 2) рассказывала, как жительница поселка Нового Ирина Кожухова остановила верховой пожар:

«В доме оставался мой 9-летний сынишка Андрей. Я сказала ему, молись за нас сыночек, и протянула книгу «Молитвенный щит», где нашла молитву при спасении от пожара. Мой мальчик встал на коленки и принялся читать. Я зашла в комнату, где хранились мои иконы, в окно уже было видно, как огонь проходит последние сто метров до нашего дома. Я с ужасом представила, что могу всё это потерять, в какой-то

¹⁴ Форум сайта «KaviCom.ru. Интернет-портал Старого Оскола». <http://www.kavicom.ru/news-view-6727-1.html>. Зап. 30.07.2010, Дема.

момент у меня появилась уверенность. Я взяла в руки икону Спасителя архангела Михаила и икону Божьей Матери неопалимая Купина, и начала произносить слова: «В Купине, огнем горящей и несгораемой...» Положила в карманы, освященные еще с пасхи яйца, они помогают от пожара. Я взмолилась «Господи, отведи беду от нашего дома и поселка». И вышла на порог своего дома, держа в руках иконы. Огонь уже выходил прямо на наш дом. Сначала я услышала страшный треск, и зарево полыхнуло мне в лицо. Затем всё пропало, я словно потеряла сознание». До огня оставалось буквально метров десять. Кое-где уже горел забор. И вдруг, на глазах плачущих поселковых баб, резко стих ветер, и стена огня словно упала, оставив на земле лишь мелкие змейки. Пламя повернуло вправо и остановилось в десяти метрах от дома Кожуховых. Все замерли от необыкновенного чуда»¹⁵.

Рассказ дополнен комментариями местных священника и пожарного; судя по их высказываниям, история чудесной победы над огнем была в округе хорошо известна. Ю.В. Патлань, приславшая нам фото этой публикации, добавила: «Но самое интересное, что на страницах тех же газет 1992 года было изложение того же сюжета, но тогда пожар был единичным и не вызвал такого ажиотажа».

В одной из публикаций за 2009 год мы нашли рассказ о том, как чудотворная икона спасла Белогорский мужской монастырь (Пермская область) дважды – в 1898 и 2009 году:

«[Во время пожара утром 17 сентября 2009 года] люди отчаянно боролись с огнем. Кто-то побежал выносить из храма утварь из реставрационной мастерской, облачение и иконы. Остальные монахи, вспомнив о чудотворной иконе “Неопалимая купина”, кинулись к ней за помощью. Именно она больше столетия назад спасла их храм от такого же пожара. Со сле-

¹⁵ Ведьманов В. Оскольчанка спасла от пожара свой поселок с помощью иконы // Зори. 1.08.2006. С. 4.

зами на глазах, которые монахи могут позволить себе только в минуты настоящего горя, молясь, они обошли по кругу полыхающую обитель.

- И тут произошло настоящее чудо! – проникновенно говорит отец Григорий. – Огонь пошел вверх, к крыше, и перестал распространяться внутри храма. Вдруг ветер стал дуть в противоположную сторону. И пошел мелкий дождь. Молитвы и вера в Бога помогли нам! Когда приехала пожарная служба – начали спрашивать, что, из-за чего, почему, мы просто сказали: “На все воля Божья, значит, так должно быть”.

В 1898 году такой же ужасный пожар произошел в Белогорском монастыре. В июне тогда стояла изнуряющая жара, загорелась сухая трава, и огонь быстро перекинулся на святые стены обители. Взяв икону “Неопалимая купина”, монахи трижды обошли вокруг храма. И тогда с небес пошел ливень, который потушил полыхающий монастырь»¹⁶.

В заключении данного параграфа приведем случай, когда представления о чудотворном предмете, спасающем от огня, проявились не в традиционном православном контексте (где используются иконы, кресты, молитвы), а в довольно комической форме – спасителем стала лопата.

Во многих регионах были организованы отряды добровольцев – тушителей пожаров; некоторые работали сами, некоторые помогали деньгами и оборудованием. Однажды одной из групп добровольцев, работавших в Восточном Подмосковье, была прислана партия лопат, привезла ее девушка по имени Ольга. Лопаты получили у огнеборцев славу чудодейственных, они были в шутку названы именем дарительницы:

«...Силы людей не беспредельны и мы с напарником (...) отошли на базу на перекур и попить молока, в 10 метрах от

¹⁶ Чудотворная икона Богородицы Неопалимая купина спасла Белогорский монастырь от пожара // Сайт «Всё о пожарной безопасности». <http://www.0-1.ru/?id=26222>.

нас на обочине возникает очаг открытого пламени, бросаем все хватаем лопаты бежим, втыкаем в песок, огонь затихает, переглянулись, идем обратно, только отошли, огонь опять вспыхивает, возвращаемся, втыкаем в песок, огонь гаснет. И так 3 раза. В итоге, просто воткнули лопаты в песок напротив очага и ушли – огонь не возникал больше. Похихикали, перекурили, вернулись на участок основной борьбы – обстановка та же. (...) В один момент получилось так, что все Ваши лопаты были воткнуты в песок примерно на равном расстоянии друг от друга, поскольку люди, где кто стоял, там и воткнул. И, не поверите, фронт открытого огня остановился ровно по последней лопате. (...) В итоге, я весь вечер и ночь тушил возникающие очаги пламени простым втыканием напротив Ольги или ее сестер (за что меня называли повелителем лопат), и огонь в течение минуты потухал. Единственное, что плохо, практически установленный радиус действия магии составляет 5-10 метров от лопаты, 20-ть если две лопаты втыкаются так, что фокус находится на очаге. Дальше не работает однозначно»¹⁷.

История с «лопатами Ольгами» получила продолжение: с помощью нее удалось починить сломанную пожарную машину, удлинив лопатой как рычагом переключатель скоростей (ил. 4)¹⁸.

Конечно, «поверие» о «лопатах Ольгах» возникло как шутка. Но в каждой шутке есть доля истины, и здесь мы видим, как сходные условия формируют одинаковые фольклорные тексты: экстремальная ситуация противодействия пожару способствует бессознательной надежде на иррациональную мистическую помощь; верующий в качестве источника такой помощи может воспринимать икону, крест, молитву, а неверующий – хоть бы и собственную лопату.

¹⁷ <http://olgapre.livejournal.com/5318.html>. Зан. 20.08.2010.

¹⁸ <http://muramur.livejournal.com/306034.html>. Зан. 23.08.2010.

Россия, в частности средняя полоса ее европейской части – территория, испокон веку подверженная высокой пожароопасности. В сознании и деревенских, и в городских жителей пожар занимает значимое место¹⁹ как источник постоянной опасности, колоссальная смертоносная стихия – ужасная, но при этом и наполненная дикой красотой:

«Лесная и деревянная Русь (...) представляет собой как бы неугасимый костер, который, никогда не потухая совершенно, то ослабевает, то разгорается с такой чудовищной силой, что пропадает самая мысль о самой возможности борьбы с ним; целое море пламени, каждый год, огненным вихрем, проносится из конца в конец по нашей многострадальной земле и без остатка истребляет леса, засеянные поля, деревни, села, города. Выросшие под впечатлением этих вечных пожаров, русские люди воспитали в себе наследственный, разный страх перед силой огня; они целыми веками живут под его грозной властью, почти не помышляя о борьбе, и только цепенея от ужаса»²⁰.

Выявленные нами мотивы, связанные с пожарами, имеют аналоги в традиционной культуре русских. В том числе – мотив чудесного спасения. Народной культурой был разработан целый арсенал магического воздействия на огонь пожара²¹. В частности, магическим предметом, утихомиривающим пожар, является икона:

«Рассказов о том, как с помощью иконы удалось остановить огонь, существует немало. Чудесное спасение, которое

¹⁹ Румянцев С.Ю. Пожар в России: больше, чем пожар? // Развлекательная культура России XVIII–XIX веков. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 394–429.

²⁰ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 166–167.

²¹ Белова О.В. Пожар // Славянские древности. В 5-ти т. М., 2009. Т. 4. С. 110–111.

происходит буквально на глазах, неизгладимо в памяти жителей деревни»²².

А вот пасхальное яйцо – магический предмет, который в этнографических описаниях чаще всего является средством для тушения пожаров, в современных описаниях был встречен всего один раз.

Природный пожар – явление, не являющееся для современного человека источником постоянной угрозы, как это было всего лет сто назад (причины того – отказ от строительной древесины в пользу огнеупорных материалов, развитие системы пожарной охраны, уменьшение площади лесов и т.д.). Но когда пожар случается – происходит активизация традиционных стереотипов восприятия и поведения: иррационального мышления, веры в мистическую помощь извне.

В этой связи обратим внимание на одну закономерность рассмотренных нами случаев: если при пожаре здесь помогает икона, то очень часто это икона, которая имеет «опыт», большую историю, причем не исключается, что она уже помогала именно в борьбе с пожаром. При размеренной повседневной жизни стереотипы восприятия и поведения, связанные с базовой безопасностью, не востребованы, но при столкновении со стихией они могут активизироваться, как обычная икона, на протяжении десятилетий висящая в красном углу, в нужный момент превращается в грозную заступницу, побеждающую огненного зверя.

²² Фадеева Л.В. Стихийные бедствия и пожары // Традиционная культура Гороховецкого края. В 2-х т. М., 2004. Т. 1. С. 200.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

*Ил. 1. Н.Т. Тебекина с соседями и внуками преграждают дорогу пожару.
Д. Терехово Старооскольского р-на Курской обл.
Кадры из передачи местного телеканала*

4 ЗОРИ

ОСКОЛЬЧАНКА СПАСЛА ОТ ПОЖАРА СВОЙ ПОСЕЛОК С ПОМОЩЬЮ ИКОНЫ

ИРИНА КОЖУХОВА С ИКОНОЙ В РУКАХ ПРЕГРАДИЛА ДОРОГУ ДВАДЦАТИМЕТРОВОЙ СТЕНЕ ЛЕСНОГО ПОЖАРА

Жители небольшого поселка Новый, что находится возле села Котова, вспоминают произошедшее как страшный сон. Загоревшаяся тогда куча бытового мусора буквально за несколько часов переросла в бушующий верховой лесной пожар. Заполыхали верхушки сосняка и сильный ветер подхватил огонь в сторону поселка Новый, деревянные дома которого, вплотную стоят к лесной опушке. Огромная стена огня высотой с семиэтажный дом и длиной около ста метров за пятнадцать минут проходила по несколько сот метров страшного пути.

Все селяне к тому времени стали убирать воспламеняющиеся предметы. Прятали сараи сена и разматывали огородные шланги. Старики вытаскили шланги на крыши и принялись жечь. Вскоре заполыхал молодой сосняк, до поселка оставались около пятидесяти метров.

- Всем стало страшно, - вспоминает Ирина Кожухова. - У нас дом сборный финский щитовой, и калитка выходит прямо в лес. Через минут тридцать это зарево прорвалось бы и к нам.

В доме оставался мой 9-летний сыночек Андрей. Я сказала ему, молись за нас сыночек, и протянула книгу «Молитвенный щит», где шла молитва при спасении от пожара. Мой мальчик встал на колени и принялся читать. Я зашла в комнату, где хранились мои иконы, в окно уже было видно, как огонь проходит последние сто метров до нашего дома. Я с ужасом представила, что могу все это потерять, в какой-то момент у меня появилась уверенность. Я взяла в руки икону Спасителя Архангела Михаила и икону Божьей Матери неопалимая Кулина, и начала произносить слова: «В Кулине, огнем горящей и несгораемой...». Положила в карманы, освещенные еще с Пасхи яйца, они помогают от пожара. Я взялась за Господи, отведи беду от нашего дома и поселка». И вышла на порог своего дома, став в руках иконы. Огонь уже выходил прямо на наш дом. Сначала я услышала страшный треск, и зарево полыхнуло мне в лицо. Затем все пропало, я словно потеряла сознание.

До огня оставалось буквально метров десять. Кое-где уже горел забор. И вдруг, на глазах плачущих поселковых баб, резко стих ветер, и стена огня словно упала, оставив на земле лишь редкие змейки. Пламя повернуло вправо и остановилось в десяти метрах от дома Кожуховых. Все замерло от необыкновенного чуда.

Вячеслав ВЕДЬМАНОВ. Фото автора.

КОММЕНТАРИЙ ПОЖАРНОГО
... Гасподнадзор Игорь БОЛОТСКИЙ: ...

Ил. 2. Статья о спасении от пожара с помощью иконы.
Газета «Зори». Старый Оскол, 1.08.2008

а

б

Ил. 3. Крестный ход в Елецком районе Липецкой области:
а) икона проносится над верующими; б) молитвами верующих пошел дождь.
Фото с сайта газеты «Русские идут!»
<http://rusские-идут.ru/new10/new06.html>

Ил. 4. «Попата Ольга» помогает управлять сломанной пожарной машиной. <http://muramur.livejournal.com/306034.html>

Мария Яновна Федотова
г. Меленки Владимирской обл.

ПОЖАРЫ 2010 ГОДА В МЕЛЕНКОВСКОМ РАЙОНЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Лето 2010 года стало серьезным испытанием для жителей Меленковского района Владимирской области. Самыми страшными оказались дни с 28 по 30 июля. Огонь подступал со всех сторон, было сложно дышать, хлопья пепла сыпались с неба.

Жительница с. Воютино Меленковского района Н.Ю. Андриянова рассказывает: «Всё произошло очень быстро. Был ясный день, я вышла в огород и увидела, как огромных размеров облако, внутри которого была воронка, надвигается на нас. Через мгновение все небо стало черным, на землю падали обгоревшие листья, трава. Как потом мы узнали, горели деревни Верея и Тамболес. Поток ветра был настолько сильный, что головешки перелетали через Оку и были случаи возгорания на нашей стороне».

На территории Меленковского района сгорели три населенных пункта. Деревня Мильдево была нежилой. Деревня Каменка – старообрядческое поселение. Деревня, в которой проживало население в основном преклонных лет. Пожар восприняли как наказание за грехи. Удалось спасти только один дом. Жители рассказывали, что когда уезжали, всё горело вокруг, деревья падали на дорогу, преграждая путь, был огненный коридор, но всё обошлось, никто не пострадал.

После Каменки огонь пошел на поселок Южный, который уже горел в 1970-е гг. Жители рассказывали, что когда они смотрели на надвигающийся на них огонь, в небе появилось очень страшное и мерзкое изображение, как будто морды лисы, из глаз которой сыпались искры. Все были напуганы.

Огонь распространялся по лесу с большой скоростью, шел по верхушкам деревьев. Жители деревни Тимошино, которым удалось отстоять свою деревню (совершали крестные ходы вокруг деревни, пускали встречный огонь от поля в сторону леса) вспоминают, что это пламя, перепрыгивая с одного дерева на другое было похоже на змею. Подобные характеристики событий: «воронка», «черное облако», «зверь с огненными глазами», «змея» можно было услышать от жителей соседнего с Меленковским – Гусь-Хрустального района. Бабушка из с. Колпь, взяв в руки икону Божией Матери «Неопалимая Купина» пошла навстречу огню, все смотрели с замиранием сердца и ждали, что же будет, огонь отступил, повернул в сторону леса. Когда местные жители фотографировали пламя, то после проявления фотографий обнаруживали на них страшные морды, утверждая, что это изображения чертей.

Огонь от Колпи шёл на Купреево и дальше на Цикул. Жители села Цикула рассказывают, что мы слышали о пожарах, чувствовали запах гари и дыма, переживали не только за свой дом, но и за наш храм, устраивали крестные ходы. И вот огонь дошел до села и стал подходить к храму, который стоит за речкой Сентур на возвышении. Собрали все необходимое. И вдруг услышали сильнейший гул, словно несколько самолетов пролетели над нами. Оказалось, что это был огненный вихрь. В доме одной из жительниц с. Цикула В.И. Антоновой был правнук. Она рассказывала: «Мы были в дальней комнате и вдруг мальчик трех лет закричал «Господи помилааай!» Мы побежали в переднюю комнату, услышали сильнейший хлопок и увидели, как огонь обогнул церковь и пошел дальше, не затронув села». Когда все закончилось, обнаружили, что стены церковной ограды с противоположной стороны черные, а вот за стену, на кладбище, огонь не прошел. Говорили, что по молитвам праведников, похороненных здесь, заступничеством Божиим храм и село были спасены.

За день до пожара жители соседнего с Цикулом поселка Красный Октябрь видели на небе красное зарево и больших размеров сияющий крест.

Сергей Сергеевич Михайлов

главный редактор альманаха «МЕЩЁРА-край»

СОБЫТИЕ 1978 ГОДА. ВЗРЫВ В КУРОВСКОЙ

Однажды, в 1990-х годах, один из жителей города Куровское, Орехово-Зуевского района Московской области, оказался по каким-то своим делам в США. Во время этой поездки ему довелось побеседовать с одним американцем, который, в отличие от большинства своих соотечественников, был прекрасно осведомлен о России. Он спросил своего русского собеседника, откуда тот, из какого города? Когда он услышал, что русский из Куровского, то с недоверием взглянул на него. Американец стал утверждать, что такого города быть не может, что там, на его месте озеро. А сам город Куровское был полностью уничтожен в 1978 году чудовищным взрывом, который произошел на местной железнодорожной станции.

В последние десятилетия мы стали жить в относительно открытом в информационном плане мире. Если где-либо в нашей стране происходит теракт, природная или техногенная катастрофа, средства массовой информации наперебой обрушивают на нашу бедную психику все подробности. Смачность, с которой иногда по целому дню подряд обсасывают трагедию, просто раздражает. Интернет также дает возмож-

ность, даже большую, нежели иные средства информации, знакомиться с большими и малыми событиями. Прежде, в т.н. «доперестроечное» время, была совсем иная крайность. Жителей страны тщательно оберегали от всего нежелательного, что происходило в стране. Подробности о тех или иных авариях, взрывах и пр., «сарафанное радио» передавало по «испорченному телефону» со всеми немыслимыми подробностями. А газета «Правда» и информационная программа «Время» рассказывали об успехах передовиков, происках американской военщины и прочих официально разрешенных событиях. Взрывы, теракты и прочие напасти были где-то у капиталистов, а советские граждане жили тихо и спокойно, потрясая воздух только своими трудовыми достижениями. О многих драматических событиях, которые происходили в ту эпоху в нашей стране, мы стали узнавать доподлинную информацию только в последнее время.

24 января 2011 года по 5-му каналу TV была показано документальное расследование из цикла «Тайны века» с Сергеем Медведевым. Оно было посвящено страшному событию, которое произошло 4 июня 1988 года в городе Арзамас Горьковской (ныне – Нижегородской) области – страшному взрыву на железнодорожном переезде, вблизи станции «Арзамас-1».

Этот взрыв натворил много бед. Было множество погибших и раненных. Согласно официальным сведениям погибло порядка 91 человека. Однако эта цифра явно сильно занижена. Жертвы арзамасского взрыва умирали еще в течение трех месяцев. Сколько именно погибло человек на самом деле, выяснить невозможно, поскольку с утра в город приехало немало машин на рынок и т.п. Власти же не были склонны давать точную цифру, тем более, если она могла быть внушительной.

В ходе расследования выяснилось, что на предприятии где загружали взрывчатку – заводе им. Свердлова в гор. Дзержинск, Горьковской области, не соблюдались меры безопасности при

погрузке мешков с взрывчатым веществом в вагоны. Его гранулы были рассыпаны по полу вагонов. Скорее всего, это и стало причиной катастрофы.

Возможно, что трагедии в Арзамасе бы не было, если бы были учтены уроки другого взрыва, который прогремел за десять лет до арзамасского, в 1978 году, в городе Куровское Орехово-Зуевского района Московской области.

Это случилось ночью 4 декабря 1978 года, когда в Центральной России стояли небывалые морозы. На запасных путях станции «Куровская» стояло несколько вагонов с взрывчаткой, которая предназначалась для местных военных точек. Разумеется, они охранялись вооруженным солдатом-часовым. Что произошло во время его дежурства, неизвестно. Но в это время прогремел страшный взрыв. Были предположения, что солдат просто одурел от сильного холода и выстрелили в охраняемый им вагон. Возможно, что кто-то попытался приблизиться к часовому и охраняемому им объекту и часовой попытался применить оружие на поражение, когда неизвестный (или неизвестные), находились у одного из вагонов с взрывчаткой. Но результатом был взрыв. Понятно, что после такого ничего от часового и предполагаемых злоумышленников ничего не осталось и подтвердить или опровергнуть это предположение невозможно. Но, если на предприятии, где загружали столь опасный груз, были проигнорированы меры предосторожности, то взрыв произошел произвольно.

В отличие от арзамасского взрыва, куровской, невзирая на его силу, не имел таких ужасных последствий. Взрывная волна пошла на восток, путь ее в сторону города и нефтебазы преградили стоявшая на запасных путях, со стороны города электричка, и 25 вагонов с лесом, находившиеся с противоположной стороны. Они несколько погасили силу взрыва.

После данного события в окрестностях Куровского и других местах пошли легенды о десятках и даже сотнях погибших.

На деле же, помимо часового погибла все одна женщина. Это сторож железнодорожного детского сада, который находился возле станции. Прямо за несколько мгновений до взрыва она, по непонятной причине, выглянула на улицу, что ее и погубило. Останься она в помещении, то наверняка, учитывая то, что происходило в это время с другими горожанами, уцелела бы. Других погибших во время этого происшествия, а также умерших после него, не было.

Чтобы не очень-то увлекаться народными слухами, я приведу слова Владимира Сергеевича Воронцова, который в рассматриваемое время был директором совхоза «Титовский» и был куда более посвящен в обстоятельства дела. К тому же он проживал с семьей в это время в городе и был непосредственным очевидцем событий.

В.С. Воронцов говорит, что если бы взрыв произошел не ночью, а днем или хотя бы вечером, когда на улице всегда бывает народ, то жертв было бы очень много. Потенциальных жертв спас холод, загнавший всех в теплые помещения.

Все пережившие те события рассказывают о буквально чудесном спасении от смерти и травм. Один житель пятиэтажного блочного дома, который стоит параллельно железной дороге, поведал мне о том, что довелось пережить его семье. Взрыв ночью разбудил его и жену. Комната была наполовину разрушена, что произошло, не могли долго понять. Мужчина, босыми ногами по заваленному битым стеклом от окон и дверей шкафа, кинулся в соседнюю комнату, где спал малолетний сынишка. На кровать того упал соседний шкаф, который прикрыл ребенка от разных обломков. Мальчик был разбужен, плакал, но был совершенно цел. Ноги мужчины, невзирая на острые осколки стекла, не получили ни одной царапины. Про то же самое, о ходьбе босиком по битому стеклу, мне рассказывали и другие очевидцы. Воронцов прокомментировал это тем обстоятельством, что в это время, как и на войне, у чело-

веческого организма включились какие-то экстремальные функции самосохранения, не проявляющиеся в нормальное, мирное время.

Возле железной дороги, рядом с местом взрыва, стояли небольшие одноэтажные бараки и т.н. «пьяный поезд». Последний представлял собой старые вагоны, которые были поставлены здесь и приспособлены для жилья. Здесь проживали семьи железнодорожников, и многие из здешних мужчин (да и не только мужчин) любили выпить. И бараки, и вагончики были полностью разрушены. Но, не смотря на это, никто из местных обитателей не погиб и даже серьезно не пострадал. Люди выскакивали из развалин раздетыми на улицу и, невзирая на сильнейший мороз, никто из них особо не обморозился. То же самое происходило и в других уголках города, где были разрушения. Видимо сработали эти же самые защитные функции организма.

Немного, даже невзирая на разрушения и мороз, было пострадавших: в медпункты обратилось всего 25 человек. Возможно, пострадавших с небольшими травмами было намного больше, но они не обращались к медикам, а залечивали небольшое царапины и ушибы домашними средствами. Но легкая степень их травм говорит о том, что последствия катастрофы были, для здоровья жителей города, небольшими.

Далее, жители разных населенных пунктов и даже районов города Куровское, рассказывают разное. Волна от взрыва пошла на восток. В деревне Селиваниха, которая расположена почти в десяти километрах от эпицентра, а также в других населенных пунктах в том районе, повыбивало стекла. В то же самое время в районе Пролетарка, в западной части города, стекла только зазвенели и открылись незапертые на замок двери. Также звенели стекла и открывались двери в других местах к западу и северу от Куровской – в Давыдово, Запоно-

рье, Смолево и др. Тем не менее, эти селения расположены к станции в разы ближе по километражу, нежели Селиваниха.

Власти очень оперативно отреагировали на произошедшее. Жители разрушенных и пострадавших домов были срочно размещены в маленькой двухэтажной гостиницы и других местах. На состоявшейся буквально на следующий день оперативке, по словам Воронцова, было распределено, какое из районных предприятий или хозяйств выполняет какие работы по восстановлению города: один совхоз ремонтирует детские сады, другой – школы и т.п. Срочно начали строить временные бараки для жителей полностью разрушенного жилья. Начали ремонтировать уцелевшие дома, вставлять стекла в разбитые окна.

Взрыв выбил все витрины в магазинах, но не было зафиксировано ни одного случая мародерства. Власти вовремя подняли военных из соседних частей и те выставили возле разбитых витрин караулы.

Интересную реакцию на взрыв рассказала мне одна из жительниц деревни Смолёво, которая расположена севернее Куровской. Этот населенный пункт немного потрянуло и в окнах зазвенели стекла. Мать женщины, помнившая в молодости военное время, решила, что началась война. Бабушка-старообрядка, принадлежавшая к более старшему патриархальному поколению, решила, что пришел конец света.

О куровском взрыве сейчас помнят преимущественно представители поколений, которые в это время проживали в городе и окрестностях. Нынешняя молодежь о нем зачастую практически не знает. В Арзамасе, к примеру, о трагедии 1988 года осведомлены все жители города. Причина этого кроется в ее страшных масштабах и последствиях для населения. Куровчане же, избавленные случаем от больших жертв, довольно быстро оправились от последствий происшествия.

Следует заметить, что это второй случай, когда в 1970-х гг. небольшой г. Куровское был на грани полного уничтожения. В 1972 году, когда в Подмосковье полыхали сильнейшие лесные и торфяные пожары, вокруг города огнем были охвачены многие леса. Власти области никак не реагировали на просьбы прислать к городу дополнительные силы пожарных и военных. Пламя уже подходило к местной нефтебазе, взрыв которой автоматически привел бы к полному выгоранию преимущественно деревянного города. Только после этого необходимые силы были присланы.

МЕЩЁРСКИЕ ТАТАРЫ

Мария Яновна Федотова
г. Меленки Владимирской обл.

ВЛИЯНИЕ ФИННО-УГОРСКОГО СУБСТРАТА НА КУЛЬТУРУ КАСИМОВСКИХ ТАТАР

Анализ жизнедеятельности касимовских татар показал, что в конце XVIII – XIX в. финно-угорские особенности проявлялись в языке и традиционной культуре: народной обрядовости, верованиях, костюме.

Ученый В.А. Гордлевский отмечал, что «касимовский турецкий язык расположился на перепутье между цокающими говорами: на севере – великорусским (Меленковского уезда Владимирской губернии), на юго-востоке – турецким (село Азеево Тамбовской губернии)¹. Несмотря на это, в говоре касимовских татар цоканья не было. Но здесь существовала другая особенность, подмеченная В.А. Гордлевским, утверждавшим, что следы финского субстрата все-таки встречались в языке касимовских татар.

В говоре касимовских татар отсутствовали звуки «к», «г», равно как в начале, так в середине и в конце слов, сохраняя после себя придыхание. Звук «ч», заменявшийся у русских «ц», у татар переходил в мягкое «сь». По мнению В.А. Гордлевского такая замена свидетельствует о наличии определенной этнографической двойственности в языке касимовских татар. Здесь прослеживается наслоение турецкого языка на инородческую – западно-финскую почву².

¹ Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. Рязань, 1927. С. 20.

² Там же. С. 21.

Влияние финского субстрата прослеживается и в традиционной культуре рассматриваемого района, особенно в народной обрядовости и верованиях. Дуализм мировосприятия, миропонимания стал наследием финского прошлого и татарского настоящего.

Круговорот сельской жизни, начиная с языческих финских времен у татар держался на жертвоприношениях – общественных молянах, заканчивавшихся «складочным угощением».

Татары специально для этого дня резали животных, птиц, готовили саламату. Потом ставили чашку, сыпали туда кто сколько мог – рожь, яйца, деньги; половина ржи и деньги раздавались беднякам, а часть семян развевалась по ветру птицам³.

Общим для русского и татарского народа стал оставшийся от финно-угорских времен ритуальный обряд опахивания. Опахивание совершали по ночам. Считалось, что он помогал в борьбе с повальными болезнями крестьян и падежами скота. В этот обряд свято верили и исполняли его с особенным благочестием и таинственностью⁴. Наибольшее распространение этот обряд получил среди русского населения, хотя вера в его силу сохранялась и у татар. Поэтому не случайны упоминания о том, что иногда опахивание на татарских землях проводили русские. Так, отмечен случай, когда при падеже скота в село Мунтово для этих целей из села Коверского Касимовского уезда был приглашен русский старик⁵.

Многие из традиционных кушаний для татар имели обрядовое значение, в том числе ряд крупяных блюд и мучных изделий. Так, пшеничная каша являлась ритуальным блюдом

³ Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. Рязань, 1927. С. 12.

⁴ Владимирские губернские ведомости, 1875. № 32.

⁵ Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. Рязань, 1927. С.13.

при коллективных молениях о дожде и при строительстве жилища. Ее готовили во время семейных обрядов, связанных с поклонением духам, с рождением ребенка. Обрядовое значение имели также и яйца. Если у русских православных крестьян яйцо являлось символом чуда, обязательным атрибутом праздника Воскресения Христова⁶, то татары раздавали детям на Пасху крашенные яйца с пожеланиями, чтобы увеличилось поголовье скота, в соответствии с традицией, восходившей к язычеству и носившей в большей степени ритуальный характер. Это подтверждает и другая традиция, когда татары в день сева на стол ставили тарелку с яйцом и пшеном, полагая, что это обеспечит хороший урожай зерновых. Общий для русских и татар рассматриваемой территории стал обычай катания яиц на Светлой седмице⁷.

Поминальной едой для татар являлись оладьи (‘ойма’, по-татарски), а напитком сладкий компот из фруктов и меда, называвшийся татарами щербетом⁸.

У местного населения, несмотря на его принадлежность к мусульманскому вероисповеданию, достаточно крепко держались народные верования – космогонии. Весь мир, по народному представлению, был населен добрыми и злыми существами. Народ прибегал к покровительству и защите первых, народ прибегал от действия злых духов, к ним же он обращался за помощью во всех бедах, неразлучных спутниках его трудовой жизни. Было распространено поклонение деревьям, ключам, камням. Сельское население наделяло

⁶ Шангина И.И. Русские праздники. От святок до святок. СПб., 2004. С. 93.

⁷ Мансуров А.А. Материалы к изучению быта Касимовских татар // Описание рукописей этнографического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1929. С. 21.

⁸ Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991. С. 94.

особыми чудодейственными силами дерева, роши и колодцы⁹.

С языческих времен у татар сохранилась вера в «хозяина» дома. Касимовские татары задабривали домового жертвоприношениями. При закладке дома в землю зарывались деньги или свиная голова; ставился стол, покрытый белой скатертью, и на нем зажигалась свеча. Всех присутствующих на торжестве угощали саламатой. Когда дом отстраивался, происходила церемония перевоза домового («джурт иеси» или «пичура»). Хозяин запрягал лошадь, брал тюфяк, решето и ехал в старый дом. Там он поднимался на чердак и упрашивал домового. Решето оставлялось на чердаке на ночь. Утром брали решето и, прикрыв его сверху, ехали обратно. Если лошадь вспотела, знак, что ей тяжело, потому, что сидит домовый. В противном случае, нужно было вторично ехать за ним¹⁰.

Следовательно, финский языческий субстрат в наибольшей степени проявлялся в народной культуре татар в форме молян, ритуалов, обрядов и космогонии.

Изустно-визуальная передача традиций предков в течение жизни этносов играла существенную роль в сохранении оригинальности этнической культуры и самого этноса. Именно передача традиций от одного поколения к другому служили стержнем сохранения, а тем самым и самого существования самобытности традиционного этноса. Таким образом, финская традиция является своеобразным способом существования татарского этноса.

Искусствовед В.Х. Иванов, изучавший этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо–Востока Сибири

⁹ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (Обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. I / Под ред. Н. Харузина. С. 325.

¹⁰ Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. Рязань, 1927. С. 15.

на материалах декоративно-прикладного искусства, отмечал, что «жизнеспособность этноса и его культура связаны с постоянным саморазвитием, что каждый этнос существует не изолированно, а в соседстве с другим, с которым он вступает в многообразные по своему характеру связи. Заимствованные у соседних народов те или иные элементы культуры, инновации, способствуют развитию культуры, обновлению и развитию традиций»¹¹.

Древние обычаи устойчиво сохранялись в своей основе на протяжении всей истории исследуемых этноконфессиональных общностей, определяя самобытные черты их традиционной культуры. Они обновлялись, но изменения не носили революционного характера. Инновации входили в традиционную культуру рассматриваемых этноконфессиональных общностей постепенно и лишь те, которые имели определенные прообразы в его культуре. Они возникали как результат многовековых контактов с соседними народами, обеспечивая обогащение традиций.

Финно-угорские заимствования четко прослеживаются и в одежде. О финно-угорском наследии свидетельствуют бытовавшая у касимовских татар верхняя одежда зыбын с отрезной или присборенной спинкой, черно-красная вышивка, расположенная вдоль грудного разреза по воротнику и манжетам, и подобные русским заимствования – узоры с геометрическим орнаментом на старинных полотенцах и головных уборах тастар. Об этом же говорит широкое распространение лаптей мордовского типа с косоплетеной головкой и низкими бортами¹².

Влияние финно-угорского субстрата в конце XVIII-XIX вв. прослеживается равно как в области духовной, так и матери-

¹¹ Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири (по материалам декоративно-прикладного искусства). Новосибирск, 2001. С. 6.

¹² Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991. С. 104.

альной культуры татарского этноса. С течением времени эти «заимствования» стали восприниматься как часть традиционной культуры этих народов. В ходе исследования было выявлено, что при участии финского субстрата в формировании этноконфессиональной общности касимовских татар «финно-угорский культурный» след появился в языке и традиционной культуре: обрядовости, верованиях, костюме татарского населения.

Мария Яновна Федотова

г. Меленки Владимирской обл.

К ВОПРОСУ СКЛАДЫВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩИННОСТИ КАСИМОВСКИХ ТАТАР (XV–XVII вв.)

Татарский этнос сложился в нацию преимущественно после распада Золотой Орды, в начале XV века. Основной костяк татарской нации составляли волжские булгары, а также выходцы из казахских и приднепровских степей – западные и восточные половцы, осколки хазарских племен, выходцы из Крыма, Средней Азии, Приуралья, Сибири, Киргизии и, немногочисленная часть монгольского населения, осевшего на завоеванной территории¹.

Это и без того сложное полиэтническое образование претерпело существенные изменения на территории современного Касимовского района Рязанской области. Здесь в XV веке была фактически искусственно создана этноконфессиональная общность касимовских татар.

¹ Акимов В.В. Касимовские татары. М., 2004. С.5.

Рассмотрим, как татары оказались на территории Мещеры. Московские князья, укреплявшие позиции княжества, устраняли своих соперников, не только проводя победоносные сражения, но и принимая стратегически верные политические решения. Одним из таких «решений» стало создание в центре русского государства Касимовского царства.

К числу наиболее преданных сторонников великого князя московского Василия II (Темного) принадлежал сын Казанского правителя Улу-Мухаммеда царевич Касим: именно его участию в немалой степени Василий II был обязан своим возвращением на престол в 1447 г. За верную службу великий князь выделил Касиму в пожизненное владение Городок Мещерский на Оке, названный позднее Касимовом².

В связи с этим событием в Муромской летописи появилась следующая запись: «В Мещере объявился султан Касым, с его князьями и людьми, численностью пятьсот человек из Казанской Орды хана Улу-Мухаммеда и стали ставить слободу и мечеть каменную на берегу Оки, за оврагом над Новым Низовым Городком...»³. Официально Касимовское царство было образовано в 1452 г.

Политические выгоды факта его появления были значительными. Образованное здесь татарское царство клином вошло между Муромским и Рязанским княжествами и помогало Москве в ее стремлении присоединить к себе Муром и Рязань. Согласно мусульманским законам, Касимовские цари, будучи потомками Чингисхана, могли претендовать на Казанский престол. Следовательно, Касимов выполнял функцию буферной зоны между татарами. Московскому князю выгодно было держать правящую элиту Казанского ханства в постоянном напряжении, поочередно поддерживая то одну, то другую

² Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2008. С. 249.

³ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. М., 1866. Ч. 1. С. 89.

«партию власти». Жизнь вынуждала их быть покорными Московским государям. Экономически Касимовские цари также зависели от Москвы: получали торговые пошлины и разрешения на сбор с местных жителей дани (ясак). Воинская добыча, захваченная во время карательных акций и походов, была основным источником их существования. И наконец, Касимовское царство должно было своим процветанием и свободой исповедования ислама служить приманкой для осколков Золотой Орды – Казани, Астрахани, Крыма, районов Сибири, для сближения их с Москвой. Не случайно, что на Касимовском престоле побывали выходцы из всех выше перечисленных ханств⁴.

Волею московских князей татары поселились на территории, где уже веками проживали местные народности: мордва, мурома, марийцы (черемисы). Интересно мнение ученых, относительно этноконфессиональных процессов, протекавших на территории мещеры у реки Оки, где поселились татары султана Касима.

Известный исследователь Касимовского царства академик В.В. Вельяминов-Зернов видел в касимовских татарах «тюркизированных финнов»⁵. Его гипотеза была поддержана в 1920-е гг. этнографом В.А. Гордлевским, который полагал, что «низы были финны, а верхи – татары», то есть касимовцы – это финны, принявшие язык, а впоследствии и религию господствующего класса (служилых татар). Он отмечал: «татары поглотили финнов, которые исчезли здесь как народ, но память о них жива в культуре»⁶. По образному выражению исследователя

⁴ Протоиерей Правдолюбов В.С. Религиозная история Касимова. 3-е изд. Касимов, 2004. С. 12–13.

⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. М., 1866. Ч. 1. С. 8.

⁶ Гордлевский В.А. Элементы культуры касимовских татар. Рязань, 1927. С. 212.

В.В. Акимова, касимовские татары – это «своеобразный тюрко-угро-финский Вавилон, весьма немногочисленный, но стабильный и имеющий свое неповторимое историческое лицо»⁷.

Таким образом, для процесса складывания этноконфессиональной общности касимовских татар характерной стала религиозно-национальная форма аккультурации. Этот термин не следует смешивать с эклектизмом – беспорядочным смешением различных культур, языков и верований, а также с этнической и религиозной ассимиляцией, обозначающей полное растворение, поглощение одних этнических культур, языков и верований в другой системе культуры и религии. Эта форма отношений связана с разносторонними заимствованиями при взаимодействии различных культур, в нашем случае – финно-угорской и татарской. Мордва, мещеряки и марийцы исповедовали частью язычество, частью магометанство – вследствие близких отношений с татарами им порой было выгоднее и удобнее находиться под управлением татарина, чем русского.

С образованием царства мусульманская вера в Касимове стала иметь первостепенное значение, а татары, пользовавшиеся большим почетом при московском дворе, получили целый ряд привилегий: заняли лучшие земли в районе проживания. Причем, Касимовскому царю воздавались большие почести, чем послам иностранных государств. Об этом свидетельствует следующий документ: «... вельможа Вельяминов бил челом государю на боярина Петра Головина в том, что Головину было велено встретить царя касимовского, а ему, Вельяминову, посла Английского; а быть ему ниже Головина нельзя, так как его род знатней Головина»⁸.

Касимовские татары верой и правдой служили Российскому государству на протяжении двух столетий: участвовали

⁷ Акимов В.В. Касимовские татары. М., 2004. С. 22.

⁸ Акимов В.В. Кентавры Востока. Касимов, 2006. С. 52.

в походах Ивана III на Новгородскую республику (в 1472, 1477 гг.), в войне с Литвой (1491 г.) и со Швецией (1572 г.), при активном участии касимовских татар было покорено Казанское и Астраханское ханства¹.

Но во время польско-литовской интервенции касимовский царь Ураз-Мухаммед во главе с войском касимовских татар принял сторону Лжедмитрия II. После этого случая доверие Московских государей к «служилым касимовским татарам» было подорвано навсегда. В 1609 г. войска московского царя Василия Шуйского штурмом взяли Касимов и полностью его сожгли и разорили, жителей перебили, причем пострадало и русское население².

С 1614 г. ханская власть в Касимове становится номинальной. В столицу «Касимовского царства» Московское правительство ежегодно направляло воевод, в обязанность которых входила слежка за «Касимовским царем и его татарами»³. Воеводы всячески ограничивали их связи с иноземными мусульманами и практически управляли всем.

Последней правительницей Касимовского царства была Фатима Салтан-Сеитовна, мать Сеит-Бурхана. Только после ее смерти в 1681 г. Касимовское царство прекратило свое существование⁴.

Таким образом, к началу XVII века на рассматриваемой территории сформировались этноконфессиональная общность касимовских татар-мусульман

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2008. С. 251–254; Акимов В.В. Кентавры Востока. Касимов, 2006. С. 96–97.

² Акимов В.В. Кентавры Востока. Касимов, 2006. С. 100.

³ Никольский Н.В. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919. С. 23.

⁴ Акимов В.В. Кентавры Востока. Касимов, 2006. С. 94–101.

Гамэр Баутдинов

*журналист, член попечительского совета
Землячества нижегородских татар в Москве,
член Совета Орехово-Зуевской мусульманской общины*

МОСКОВСКИЕ ИМАМЫ ИЗ МИШАРЕЙ

Москва татаро-мишарская... Это понятие непроизвольно приходит в голову, когда общаешься с московскими татарами. Будь то на межлисах, посвящённых разным событиям в жизни людей, на иных встречах или на улице, когда случайно слышишь татарскую речь. При этом в большинстве случаев преобладает говор, характерный для мишарей. И только духовные или светские лица, выступающие перед какой-либо представительной аудиторией, стараются использовать литературный татарский язык, больше характерный для уроженцев Татарстана. Однако многие из них, оказавшись в среде московских татар, постепенно подпадают под влияние мишарского диалекта.

Это лишь констатация факта, и, разумеется, речь здесь не идёт о каком-то противопоставлении мишарей татарам другого происхождения. Все они составляют единый татарский народ, но каждому из них присуще особо трепетное отношение к тому, что наиболее близко. Это и твоя родня, и малая родина («туган ил») тебя самого, твоих родителей и предков, и их судьбы – порою весьма сложные, противоречивые и даже трагические.

Первые имамы

Многочисленность татар-мишарей в Москве и Подмоскowie объясняется относительной близостью к столице татарских районов Присурья и Волжского правобережья, исторически

связанных с расселением мишарей. Со второй половины 19 века в Москву стали переселяться касимовские и нижегородские татары. О касимовцах мы поговорим в другой раз, что же касается нижегородцев, то их приток в столицу значительно усилился в 20–30-е годы. В то время в татарских деревнях и сёлах развёртывалась бескомпромиссная борьба с кулачеством, мнимым и реальным, которая сопровождалась гонениями против мусульманского духовенства. Преимущественно мишарский состав татарского населения Москвы нашёл отражение и в религиозной сфере. Например, добрая половина имам-хатыбов (главных имамов) Московской Соборной мечети состояла из мишарей.

Известно, что первая официальная мечеть в городе, т.н. Историческая, была заложена в начале 19 века, и её история связана с деятельностью, прежде всего, касимовских имамов. Рост татарского населения в конце того же века поставил вопрос о необходимости сооружения ещё одного мусульманского храма, которым и стала нынешняя Соборная мечеть¹ в Выползовом переулке (на проспекте Мира, рядом с дворцом спорта «Олимпийский»). У истоков её основания стоял Бадруддин (Бедретдин) Алимов², уроженец нижегородского села Куй Суы (официальное название Овечий Овраг).

¹ См. более подробно: Гайнутдин Р. Московской Соборной мечети – 100 лет // Ислам минберэ: Газета. 2004. №№ 4–6; Асадуллин Ф. Москва мусульманская. Москва, 2004; Шевченко А.Г., Гаврилов Ю.А. Московская Соборная мечеть за сто лет // Архив наследия, 2004. С. 179–226; Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мусульманская составляющая культурного наследия российских народов // Мусульманство в истории и культуре народов России. М., 2007. С. 214–274; Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород, 2002.

² Ислам в Москве: Энциклопедический словарь. Н. Новгород, 2008. С. 12–13.

Он происходил из семьи потомственных священнослужителей, из которых наиболее известным на Нижегородчине стал его троюродный брат Садык (Садек) Абдулзямилов (от имени его предка Абдулджамия). Могила и родовой дом ишана Садыка являются до сих пор местом поклонения (зиярата) верующих. Знания и начитанность его родственника Бадруддина Алимова были по достоинству оценены в среде мусульман Москвы. Он возглавил здесь второй мусульманский приход, который был образован в Мещанской части города. В 1894 году Алимов подал прошение властям на разрешение построить мечеть для новой общины. Однако началась долгая бюрократическая волокита, и только в 1903 году такое разрешение было получено.

К тому времени московскими татарами уже был приобретён участок земли в Выползовом переулке, а в декабре 1902 года они обратились к городскому обер-полицмейстеру с прошением о передаче этого участка в пользу Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) – высшего органа российского мусульманства. После получения нужного разрешения в мае 1904 года мусульмане вновь обратились к властям – уже за разрешением построить на этом участке молитвенный дом. В июне был утверждён проект новой мечети, который «выполнил архитектор Николай Алексеевич Жуков в византийском стиле с хорами на 2000 молящихся»³. Основную часть финансирования строительства взяли на себя касимовские купцы и, в первую очередь, известный предприниматель-меховщик, купец 1-й гильдии и благотворитель Салих Ерзин и его сыновья.

Уже к концу осени строительство мечети было завершено, и 27 ноября 1904 года Бадриддин Алимов обратился к властям ещё за одним разрешением – совершить первый намаз в новой мечети. Практически тогда же в ней начались регуляр-

³ Журнал «Зодчий», 1904. № 32.

ные богослужения. ОМДС утвердило Алимова первым имамом этой мечети, а вторым имамом стал его сын, помощник и продолжатель дела, ахун Мухаммад-Сафа Алимов⁴, который заведовал финансовыми делами прихода. Пока не установлены точные даты жизни Бадриддина Алимова, но известно, что между 1910-12 гг., после смерти отца, Сафа Алимов возглавил мусульманскую общину при 2-й московской мечети в качестве её имам-хатыба. С его именем связана и постройка на территории мечети двухэтажного деревянного здания, памятного многим прихожанам более позднего времени. В нём проходили занятия религиозного училища (медресе), а часть площади была отведена под жильё священнослужителям и преподавателям. После революции, уже в начале 20-х годов, Сафа Алимов был арестован и сослан на Соловки, где, видимо, и погиб. Муэдзином мечети оставался его младший брат Абдуррахман Алимов, но и он скоростижно скончался в те же 20-е годы.

Абдулвадуд-хазрат

У Алимовых оказался достойный наследник в качестве имам-хатыба. Это был Абдулвадуд Фаттахетдинов (Фаттахутдинов), их земляк с Нижегородчины, из села Красный Остров, которое находится сравнительно недалеко от Куй Суы. Он происходил из династии священнослужителей, среди которых наиболее известными были муллы Аббас, его сын Ахтям и внук Фаттахетдин. Любопытно, что некоторые из их детей и внуков получили фамилию «Ахтямовых», другие – «Фаттахетдиновых».

Будущий имам Абдулвадуд родился в 1882 году и с малых лет проявил большую тягу к знаниям. Отец отправил его на учёбу в казанское медресе «Мухаммадия», которую возглавлял

⁴ Ислам в Москве...

известный богослов Галимджан Баруди (Галиев)⁵. Толковый шакирд (студент) прекрасно проявил себя в учёбе, и после окончания медресе сам Баруди порекомендовал его в качестве имама во 2-ю московскую мечеть. Известна дата его назначения – 2 июня 1914 года⁶, т.е. накануне Первой мировой войны. Ясно, что в эти тяжёлые годы от гражданского населения требовалась помощь страждущим и нуждающимся, и в этом принимали участие также религиозные организации. Молодой имам Фаттахетдинов возглавил сбор добровольных пожертвований в пользу раненых воинов и их семей. Это происходило обычно по пятницам, в день всеобщей молитвы. За своё усердие в этом благородном деле он был удостоен почётного звания ахуна.

В трудные послереволюционные годы Абдулвадуд-хазрат тесно общался со своим учителем Баруди, который на первом Всероссийском съезде мусульман, состоявшемся в Москве в мае 1917 года, был избран муфтием Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Баруди не раз бывал в Москве, останавливался дома у своего любимого ученика, а ещё раньше он принял живое участие в его личной судьбе, сказав о нём добрые слова, когда молодой имам собрался жениться. А тот был рядом со своим учителем до его последнего часа. Муфтий Баруди умер дома у Фаттахетдинова в декабре 1921 года. Имам Абдулвадуд устроил поминальный обряд и организовал отправку тела покойного муфтия в Казань, где он был похоронен на Татарском кладбище.

После того, как был арестован имам-хатыб Сафа Алимов, на его место заступил Абдулвадуд-хазрат. Последовали несколько лет напряжённой работы в трудных условиях, но кара властей обрушилась и на него. Обо всём этом и дальнейшей

⁵ См.: Юсупов М. Галимджан Баруди. Казань, 2003.

⁶ Ислам в Москве... С. 280.

судьбе хазрата мне рассказала его внучка Ирадэ-ханум⁷, несколько лет назад переехавшая вместе с мужем Шамилем Малаховым из Ташкента в Москву:

– В 1928 году мой дед был арестован, осуждён на 16 лет лагерных работ и сослан для отбывания срока на Соловки. Но в условиях лагерного заключения он не терял силы воли, помогал нужным словом товарищам по несчастью и посвящал молитве всё свободное время. Это вызывало уважение со стороны других заключённых и даже у атеистов, и, как позднее он вспоминал, после бесед с ним у людей просыпалось неосознанное чувство религиозности. Отличаясь отменным здоровьем, он вполне справлялся с порученной работой, перевыполняя лагерные нормы. «За примерное трудолюбие» срок его заключения был сначала сокращён до десяти лет, а в 1937 году он был освобождён. Дед вернулся в Москву, но не получил разрешения на проживание в столице и отправился в г. Александров Владимирской области, где успел поработать на заводе. Побывал он и в родных краях на Нижегородчине, но в конце концов оказался в Узбекистане вместе с семьей. Это его жена Закия, наша бабушка, и их дети, ранее жившие в Москве и Подмосковье. Старшие сыновья Саяр и Гаяр были призваны в армию и погибли на фронтах Великой Отечественной войны. С родителями остались младший сын Тарик, позже учёный, закончивший два вуза, и их единственная дочь Марва, моя мать. В Ташкенте Вадуд-хазрат пользовался огромным уважением верующих. Он был хорошо знаком с Ишан-хан Баба-ханом, основателем династии муфтиев Бабахановых, которые на протяжении полувека возглавляли Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. В 1954 году,

⁷ Баутдинов Г. Абдулвадуд-хазрат (беседа с его внучкой) // Татарские новости: Газета, 2004. № 10; Туган Як: Газета (на татарском языке), 2004. № 45; Баутдинов Г. Красный Остров ислама // Минарет: Журнал, 2006. № 2.

после долгой болезни, дед умер и был похоронен на ташкентском кладбище «Кучка мазар».

К сказанному Ирадэ-ханум хочу добавить, что мне посчастливилось однажды в детстве увидеть Абдулвадуд-хазрата – приветливого, сухощавого, с окладистой бородкой, как и принято у мусульман пожилого возраста. Запомнились его благородные манеры, умение мягким и спокойным тоном вести беседу, излагать суть ислама. Тогда, на рубеже 40–50-х годов, после долгого отсутствия он приехал в Москву, и во время своего пребывания здесь посетил своих родственников и близких, которые жили не только в столице, но и в Подмосковье. Побывал он и у нас в Орехово-Зуеве, где жили младший брат его невестки Самиулла Фехретдинов и мой отец Анвар, приходившийся племянником дяде Самиулле. А этой невесткой была Сафия-абыстай (т.е. супруга муллы), одна из дочерей нашего прадеда Бахаутдина, на которой женился Абдулкаюм Ахтямов, брат Фаттахетдинова. На протяжении долгих лет Каюм-мулла был имам-хатыбом 6-й соборной мечети села Красный Остров, отметившей недавно своё 110-летие. Как сообщила мне его дочь Мухлиса Гайнуллина⁸, в 1930 году во избежание репрессий её отец покинул деревню и приехал в Москву, чтобы найти приют у родственников. Но прямо у входа во 2-ю мечеть он был арестован, сослан в Сибирь и расстрелян в 1938 году. Избежал ареста Халилулла Фаттахетдинов, старший брат имамов Абдулкаюма и Абдулвадуда, который переехал в подмосковное Крюково (ныне Зеленоград)⁹. На религиозном поприще проявили себя и другие представители

⁸ Баутдинов Г. Вспоминая красноостровских мулл (из беседы с дочерью Абдулкаюма Ахтямова) // Татарские новости: Газета, 2003. № 5–6.

⁹ Баутдинов Г. Сложные судьбы красноостровских мулл (из беседы с дочерью Халилуллы Фаттахетдинова) // Татарские новости: Газета, 2005. № 11.

семейства Ахтямовых-Фаттахетдиновых. Они служили не только у себя на Нижегородчине, но и были имам-хатыбами в ряде крупных городов: в самом Нижнем Новгороде, Ленинграде, Астрахани, Ташкенте.

Годы лихолетья

Гонения на мусульманских священнослужителей в 30-е годы коснулись не только вышеназванных имамов. В полной мере это ощутил клир обеих московских мечетей. После ареста и ссылки Абдулвадуда Фахретдинова власти никак не могли чётко определиться в отношении руководства 2-й мечети. В 1929–30 гг. её имамом был Габдулла Сулеймани (1886–1937), уроженец татарстанского городка Мамадыш, происходивший из тамбовских мишарей. Он тоже учился в казанском медресе «Мухаммадия», был имам-хатыбом Нижегородской Ярмарочной мечети в 1912–1917 гг., входил в состав разных общероссийских религиозных организаций в послереволюционные годы¹⁰, и стал имамом Московской мечети, когда её возглавлял ещё Вадуд-хазрат.

Муэдзином тогда был Муса Вахитов (1895–1938), происходивший из потомственной династии мулл нижегородского села Медяна¹¹. После Сулеймани, возможно, тоже арестованного, Муса-хазрат возглавил 2-ю мечеть и оставался на этом посту до 1936 года. В тот год, после смерти муфтия Ризаэтдина Фахрутдина, власти инспирировали «дело о заговоре руководителей ЦДУМ» с целью посеять раскол среди российского мусульманства. Его главной жертвой стал Кашшаф Тарджемани, исполнявший обязанности муфтия, но репрессии коснулись и московских мусульман. Были арестованы многочисленные знакомые Тарджемани, а также руководство обоих

¹⁰ Ислам в Москве... С. 243.

¹¹ Там же. С. 43–44.

мусульманских храмов Москвы, в том числе имам-хатыб Исторической мечети Абдулла Шамсутдинов, а также Габдулла Сулеймани, Муса Вахитов (вместе со своими ближайшими родственниками). Не избежали репрессий и священнослужители на самой Нижегородчине, и этот скорбный список насчитывает свыше пятидесяти имён¹².

После этих событий и закрытия московской Исторической и многих других мечетей, в том числе Ленинградской, 2-я мечеть в Москве, ставшая Соборной, осталась единственным действующим мусульманским храмом во всей Центральной России. Но и её деятельность оказалась практически парализованной, и всё надо было начинать заново. За эту работу взялся новый имам московской мечети Халил Насретдинов (Насруддинов) (1890–1964)¹³, происходивший из семьи потомственных имамов из марийской деревни Параньга. Его назначение многие связывают с тем, что он был очень дружен с новым муфтием ЦДУМ Абдурахманом Расули. Как бы то ни было, Насретдинову удалось наладить работу Соборной мечети Москвы, и он возглавлял её до 1953 года. Особенно примечательной была роль мечети в годы войны, когда она стала не только местом богослужения и почитания памяти погибших, но и центром по сбору средств в фонд помощи фронту. На эти средства была сформирована танковая колонна, а в адрес мусульман поступила даже приветственная телеграмма Сталина с благодарностью от Красной Армии.

Верным помощником имама Насретдинова был Шайхуль-ислам Саламов (1883–1965), уроженец нижегородского села Пица, который до конца жизни служил муэдзином¹⁴. Он появился в мечети ещё при Абдулвадуд-хазрате, стал муэдзи-

¹² Об этом: Хафизов М.З. Трагедия в татарской деревне. Н. Новгород, 1999.

¹³ Ислам в Москве... С. 178–179.

¹⁴ Ислам в Москве... С. 229.

ном, был призван в армию, а после войны вернулся в Москву. Он являлся хранителем традиций, пользовался большим уважением прихожан и при смене главного имама выполнял роль надёжного посредника.

Это было особенно важно в 1953–56 гг., когда хрущёвская администрация грубо вмешалась в дела московской мечети. Для начала на мусульманскую общину был наложен непомерный налог, а затем был снят с должности имам Насретдинов. Из Троицка Челябинской области в качестве имама был прислан Исмаил Рахматуллин, остававшийся на этом посту в течение года. Его сменил более подготовленный имам Исмаил Муштари из татарстанского города Чистополя, но и он прослужил здесь чуть более года.

Послевоенный период

Власти понимали, конечно, что такая неопределённость вредит имиджу руководства страны, ставит под сомнение его отношение к религии. Ведь это был период, когда разворачивалась антиколониальная борьба в странах «третьего мира», включая целый ряд мусульманских. А их представителям, приезжавшим в Москву, надо было показать, что в СССР с исламом всё в порядке. Тем более что желание посетить Московскую Соборную мечеть выражали не только обычные верующие, но и руководители арабских и других мусульманских государств. Среди них были такие известные личности, как президент Египта Гамаль Абдель Насер, президент Индонезии Сукарно, шахиншах Ирана Реза-шах Пехлеви и другие.

Начиная с 1956 года, в течение продолжительного времени Московскую Соборную мечеть возглавляли весьма уважаемые имамы из мишарей. В 1956–63 гг. её имам-хатыбом был Камаретдин (Камаруддин) Салихов (1891–1963)¹⁵, уроженец

¹⁵ Там же. С. 228–229.

деревни Альшиганово (Альшик) нынешнего Буинского района Татарстана. Тут следует уточнить, что этот район, как и соседний Дрожжановский в том же Татарстане, населён в основном мишарями, и раньше эти земли входили в состав Симбирской губернии. Камаретдин-хазрат окончил медресе в Буинске, испытал все невзгоды 20–30-х годов, его не раз арестовывали, но от репрессий его спасло, очевидно, крестьянское происхождение. После войны он служил имам-хатыбом в хорошо известной казанской мечети «Марджани», затем в Астрахани, и в 1956 году переехал в Москву, где пользовался большим уважением верующих. Он был прекрасно образован и отлично владел арабским языком, что позволяло ему непосредственно общаться и с самыми высокими иностранными гостями Московской мечети. Под предлогом необходимости их достойного приёма при нём на территории мечети было построено новое кирпичное здание, которое позже стало использоваться и в религиозных целях.

После смерти Камаретдина Салихова имам-хатыбом Соборной мечети стал Ахметзян (Ахметджан) Мустафин, один из самых уважаемых имамов среди московских мусульман за весь послевоенный период. Он родился в нижегородском селе Шубино (Шуб Иле), в семье муллы Мустафы Люкманова, который тоже был репрессирован в 1937 году. Вот что рассказала мне об Ахметзян-хазрате его племянница и приёмная дочь Хабиба Якубова¹⁶:

– Мой дядя родился в марте 1902 года и был старшим из тринадцати детей Мустафа-муллы. От отца Ахмедзян унаследовал тягу к знаниям, изучая с детства основы ислама. В 12 лет отец отвёз его в Казань, в медресе «Мухаммадия», но из-за волнений в стране он вернулся в родные края и продолжил образование у известного богослова Хамидуллы Альмушева в

¹⁶ Баутдинов Г. Ахмедзян-хазрат Мустафин (беседа с его племянницей) // Татарские новости: Газета, 2003. № 4.

селе Петряксы. После женитьбы отправился в Казань, где супруги поступили в педагогический институт, а перед войной переехали в Москву. Здесь дядя работал в разных местах, и довольно скоро он стал своим человеком в московской мусульманской общине. А в июне 1956 года произошло важное событие в его жизни – он был назначен имам-хатыбом Соборной мечети. Не буду говорить обо всём том, что он сделал за годы служения в мечети, ставшей подлинным духовным центром для верующих. Но он прекрасно понимал, что иные нуждаются не только в моральной, но и в материальной поддержке. Помню, например, как перед каждым мусульманским праздником он лично составлял «списки факиров», которым следовало помочь в первую очередь. Он много ездил по стране, побывал также в Марокко, Индонезии, Афганистане, Финляндии, и, главное, сумел дважды в 60-х и 70-х годах совершить хадж в Священную Мекку, побывав и у могилы Пророка Мухаммада в Медине. Ахмедзян-хазрат умер 26 ноября 1986 года и был похоронен на мусульманском кладбище в подмосковном Пушкино.

Продолжая рассказ о московских имамах, отметим, что в период пребывания Ахметзяна Мустафина на посту имам-хатыба Соборной мечети его верным сподвижником был второй имам этой мечети Ризаутдин (Ризауддин) Басыров (1907–1994)¹⁷. Он тоже был родом с Нижегородчины, но из другого села – Ключищи (по-татарски «Суык Су»). Происходил из семейства по-томственных имамов, а его отец Салахетдин (Салахутдин) Башаров был репрессирован в 1937 году вместе с большой группой нижегородских священнослужителей. Молодой Ризаутдин учился в одном из казанских медресе, но драматические события тех лет многое изменили в его судьбе.

¹⁷ Сафаров М. Судьба имама: Жизнь и деятельность Ризаутдина Басырова // Наши соотечественники – Ватандашлар: Газета, 2001. № 23.

Он поездил по стране, работал по разным специальностям, в годы Великой Отечественной войны был на фронте и получил тяжелое ранение в боях под Кёнигсбергом. В начале 50-х годов учился в Бухаре, в медресе «Мир-Араб», которое являлось единственным исламским учебным заведением в стране. После окончания учёбы Басыров стал имамом в Астрахани, а затем вернулся в Москву, где сначала исполнял религиозные обязанности при мусульманской части Кузьминского кладбища, а с 1964 года служил в Московской Соборной мечети. Здесь он проводил пятничные намазы попеременно с Ахметзян-хазратом, а в связи с отъездом последнего в Уфу в 1974–75 гг. Риза-хазрат исполнял обязанности имам-хатыба. Он был похоронен на Даниловском мусульманском кладбище в Москве, где покоится прах имам-хатыбов Соборной мечети Халила Насретдинова и Камаретдина Салихова.

Новые времена

После смерти Мустафина в конце 1986 года в жизни Соборной мечети настал период некоторой неопределённости. В силу преклонного возраста Басыров не мог в полной мере исполнять обязанности имам-хатыба, и в течение короткого периода на этом посту находился 36-летний Шамиль Юнеев¹⁸. Родившийся в подмосковном Вострякове, он тоже имел мишарские корни: его отец был выходцем из пензенского села Мансуровка, а мать – из нижегородского села Петряксы. Юнеев учился в Бухаре, Ташкенте и Тунисе, но он не приобрёл популярности среди прихожан Московской мечети и ныне возглавляет молельное помещение для мусульман в аэропорту «Домодедово».

В 1987 году в руководство Московской Соборной мечети пришли другие люди, и имам Ризаэтдин Басыров представил

¹⁸ Ислам в Москве... С. 301.

прихожанам нового имам-хатыба. Им стал 37-летний уроженец татарстанского села Шали Равиль Гайнутдин, тоже выпускник бухарского медресе «Мир-Араб». С ним связана дальнейшая история мусульманского прихода в Выползовом переулке. Через несколько лет шейх Равиль стал муфтием, затем председателем Совета муфтиев России, учреждённого в 1996 году, и Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР) – в 1998-м.

В связи с большими изменениями в жизни страны российские мусульмане получили значительные возможности для вероисповедания, удовлетворения своих духовных запросов, более широкого знакомства с основами ислама и мусульманской истории и культуры. Активно развивалась также международная деятельность ДУМЕР. Ещё в 1987 году при Соборной мечети было открыто медресе, директором которого с 1993 года является Жафяр Фейзрахманов, уроженец нижегородского села Красный Остров¹⁹. В 1994 году при ДУМЕР был создан Московский высший духовный исламский колледж, а в 1999 на его основе – Московский исламский университет (ректор Марат Муртазин). Выпускниками этих религиозных учебных заведений стали и многие молодые люди, имеющие мишарские корни. Ныне они служат в мусульманских храмах Москвы, ряда городов Подмосковья и других регионов. А один из них, Рамиль Беляев, уроженец нижегородского села Сафаджай²⁰, бывший прежде имамом в подмосковной Коломне, является ныне имам-хатыбом мусульманской общины финских татар в Хельсинки. Кстати, их предки выехали в Финляндию большей частью из сёл и деревень Нижегородчины.

¹⁹ Баутдинов Г. Медресе Московской Соборной мечети в преддверии нового учебного года (интервью с Ж.Фейзрахмановым) // Татарские новости: Газета, 2003. № 9.

²⁰ Баутдинов Г. Коломна. Там, где Москва-река сливается с Окой (беседа с Р. Беляевым) // Татары Подмосковья. М., 2009. С. 151–154.

Наконец, священнослужители родом из мишарей являются имам-хатыбами других мечетей Москвы. В Исторической мечети – это Хасан Фехретдинов, уроженец нижегородского села Ендовищи, в Мемориальной мечети на Поклонной горе – Шамиль Аляутдинов, потомок выходцев из села Чембилей той же Нижегородчины, а в мечети «Ярдям» при Духовно-просветительском центре в Отрадном – Махмут Велитов, из семьи уроженцев села Зимнице Старокулаткинского района Ульяновской области. Его старший брат, Абдулкадыр Валитов, во второй половине 70-х годов возглавлял в Московской Соборной мечети «двадцатку», как тогда в быту назывался приходской совет религиозных общин. И он многое сделал для того, чтобы предотвратить снос этой мечети, якобы мешавшей строительству дворца спорта «Олимпийский».

Однако историческое здание Соборной мечети было снесено в 2011 году, что вызвало неоднозначную реакцию среди мусульман. Сейчас в Выползовом переулке строится более обширный религиозный комплекс, и будем надеяться, что в новой мечети будет достойно отражена память о тех имамах, которые в течение целого столетия верно служили исламу.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРЕЙШИНЫ ОРЕХОВСКИХ ТАТАР

Несколько раскинутых по берегам реки Клязьмы селений получили статус единой административной единицы, а именно города, лишь летом 1917 года. Однако эти места были известны очень давно – по мнению историков история Зуево восходит к 1209 году. А в начале 1238 года здесь по заснеженному ледяному покрову Клязьмы проходили войска Батухана, направлявшиеся после захвата Москвы к Владимиру и Суздалю. Позже, в XVII веке в этих местах, окруженных топкими болотами, скрывались от царских ищеек старообрядцы,

именно им, а особенно Морозовым, Кузнецовым и Зиминым, Орехово-Зуево и обязано своим последующим развитием. Присутствие же татар, или «магометан», зарегистрировано здесь сравнительно недавно, на рубеже XIX–XX вв. Но это были эпизодические появления, когда отдельные группы татар, прибывавшие на заработки, работали возчиками при Морозовских фабриках или служили на фарфоровом производстве Кузнецовых в соседнем Дулёве. И только с начала 1930-х гг. начинается массовое переселение сюда татар – преимущественно выходцев из юго-восточной части нынешней Нижегородской области, в частности из того района, который ранее входил в состав Курмышского уезда Симбирской губернии. Это такие села и деревни (а для нас, татар, всегда – «авыл»), как Большой и Малый Рыбушкин, Красный Остров, Сафаджый (Красная Горка), Петряксы, Старый и Новый Мочалей, Чембилей, Медяны. Среди приезжих были также и выходцы из некоторых других населенных пунктов Нижегородской области, и не только ее, прежде всего Маклаково. То был, как известно, период коллективизации, когда часть крестьян, именуемых «кулаками», была сослана, а другая, в первую очередь молодежь, поехала попытать счастья в город. Но не всем пришлось по душе шумная жизнь городов, ибо там не хватало людям привычной им с детства земли. И они ее нашли в Орехово-Зуево, компактно поселившись в ее зеленой, еще не обжитой части, называемой и поныне Новой Стройкой. Таким образом здесь образовалась своего рода татарско-мусульманская махалля, и об этом рассказывал незадолго до своей смерти в 2001 году ее старейшина, Измаил-эфэнде Измайлов:

– Мы приехали в Орехово в 1931 году, когда мне было 22 года, а родился я в 1909 году. Так что живу здесь почти 70 лет. Почему мы оказались в Орехово? В деревне, в Рыбушкине, мы были простыми, можно сказать, черными крестьянами, потому, что мы носом рыли землю. Но нас

почему-то записали в кулаки и поэтому не принимали в колхоз. Может быть, вспомнили, что наш дед, Сабир-бабай, до революции был купцом, причем весьма деловитым и самостоятельным. У него в деревне стоял добротный двухэтажный каменный дом, и на его нижнем этаже находилась торговая лавка, где можно было купить все, что угодно. Однако, после революции его лишили состояния, и он оказался в Орехово раньше нас. А в годы начавшейся коллективизации нас объявили «раскулаченными», отобрали дом и постройки, выгнав просто на улицу. Наше положение тогда походило на то, в каком находятся сейчас беженцы в России. И пострадали не только мы. Тогда кто-то из наших односельчан поехал в Казань, кто-то в Нижний Новгород, а кто-то – в Москву. Мы же решили направиться в подмосковное Орехово, где уже проживали некоторые наши родственники и земляки из Рыбушкина и некоторых соседних деревень. Так, еще в 1917 году, помимо деда, приехала сюда абыстай – моя старшая сестра, а позже появились и мои родители, в то время как некоторые наши родственники и односельчане остались после революции в Финляндии. Абыстай со своей семьей жила тогда на 2-й улице Новой Стройки, она была очень гостеприимной, и вот мы у нее и поселились. Она приняла нас, хотя и без нас у нее хватало жильцов, и места находилось лишь где притулиться.

– Каково было вам здесь, в Орехово, на первых порах?

– Положение наше, конечно, желало составлять лучшего. Ведь у нас на руках не было даже паспортов, а только справки с указанием имени и года рождения. С таким «документом» нас не принимали на работу, пытаясь упрекать в том, что мы пробрались сюда будто бы тайком. Лишь года три спустя, когда началась паспортизация, нам наконец выдали паспорта, но опять же не всем. А кого-то вовсе заставили покинуть город, и они нередко возвращались к себе в деревню.

– А как вы устроились с работой?

– Сначала, конечно, больше рассчитывали на помощь со стороны родных и близких, а они в основном были заняты извозом на лошадях. Например, муж нашей абыстай, Билял абый, хорошо знал конное дело, хотя всю жизнь прожил в городе. Будучи возчиком, он вместе с другими перевозил торф для городских фабрик, дрова для столовых, товары для магазинов. Я тоже успел поработать на лошади, перевоза с торфяных разработок топливо для жилых «морозовских» казарм. А потом сама жизнь подсказала свои варианты. Я стал работать землекопом на строительстве городской АТС, кто-то устроился на завод или фабрику, кто-то освоил специальность электромонтера, а более крепкие парни пошли в грузчики...

Здесь на минуту прервем рассказ Измаил-эфэнди и напомним, что Орехово-Зуево в 1920-е и, особенно, в 1930-е годы, несмотря на все сложности тех лет, бурно развивалось. Бывшие морозовские фабрики были объединены в Ореховский хлопчатобумажный комбинат, ставший одним из крупнейших предприятий отрасли в стране. Здесь построен и первый в Союзе завод «Карболит», специализирующийся на производстве пластмасс. В пригородном поселке Ликино поднялся завод, который затем стал широко известен повсюду своими автобусами ЛиАЗ. А еще были «Респиратор», «Стекломаш», «Прибордеталь», «Торфомаш», Дулёвский фарфоровый (прежний Кузнецовский) и другие предприятия. В последние годы здесь появилось новое предприятие общероссийского значения – завод по производству вагонов для электропоездов, находящийся в Демихово, пригороде Орехово-Зуево. Но вернемся к нашему собеседнику.

– Насколько изменились ваша жизнь, быт?

– Вначале многие приезжие обитали кто где как мог, проживая у родственников или знакомых односельчан, или

же снимая комнату. А потом, постепенно, с приездом новых групп наших односельчан и земляков, они стали осваивать район Новой Стройки. После заселенных 1-й и 2-й улиц новые дома стали ставить и дальше. Мы же поставили свой дом в 1937 году на стыке 3-й и 4-й улиц.

Добавим к сказанному Измаилом-эфэнде, что дома ореховских татар превратились со временем в настоящие усадьбы с огородом, садом, баней, другими пристройками, включая стойло или хлев у тех, кто держал лошадей, коров или иную живность. Несколько патриархально-сельский облик этого района сохранился до сих пор с одним лишь видоизменением: многие прежние деревянные дома уступили место двухэтажным каменным особнякам. А живущие на Новой Стройке ататры и содали ту компактную общину, которая стала ядром нынешней местной национально-культурной автономии.

– А что было в годы войны?

– Конечно, война потребовала напряжения всех сил. Кто-то ушел на фронт, а кто-то трудился в тылу. В те годы я работал слесарем на железной дороге, занимаясь ремонтом и профилактикой подвижного состава. Вместе со мной работали и некоторые наши земляки: Якуб абый, Бадриддин абый, Абдулла абый с сыном, а также Самиулла абый и Анвар из Красного Острова. И тут нам выдали бронь на период военного времени. (Между прочим, проходящая через Орехово-Зуево железнодорожная магистраль обеспечивала связь между Москвой и тылом, в частности Уралом и Сибирью, откуда поступало все необходимое для фронта – Г.Б.).

– Если от земных дел перейти к сокровенному, духовному, к вопросам веры и религии, что можно сказать об ореховских татарах?

– Воспитанные на исламе, мы старались никогда не забывать об этом. Хотя каждый из нас приехал сюда с разным багажом знаний, но мы стремились быть всегда вместе,

когда речь заходила об исполнении известных обрядов и проведении праздников, о том, как отметить то или иное событие в жизни человека – от рождения до последнего его часа жизни на земле. Среди нас выделялись более грамотные и подготовленные люди, и они совершали наиболее важные обряды. Но первым настоящим лидером нашей общины стал Шакирджан Рахматуллин, которого все звали Казан-бабай, приехавший в Орехово как раз в 1941 году. У него тоже был свой дом на Новой Стройке, между 7-й и 8-й улицами, и он проводил у себя пятничный намаз в течении 10-15 лет, тем более, что было рискованно устраивать это в частном порядке.

(Уточним: так было до хрущёвских времен, когда еще более усилился запрет совершать коллективные молитвы в частных домах, что вынуждало ореховских татар делать этой тайно, в разных домах, с выставлением «наружного наблюдения», в котором участвовали и дети – Г.Б.)

Казан-бабай не только совершал религиозные обряды, но и неумолимо призывал всех единоверцев следовать предписаниям ислама, действуя и словом, и делом. У него, например, была своеобразная манера привлечения к молитве. Тогда в городе работал рынок, где занимались торговлей и татары. И помнится, как Казан-бабай в традиционной мусульманской феске ис посохом в руках с утра в пятницу приходил туда, чтобы напомнить людям о намазе. Он приветствовал каждого и непременно добавлял при прощании: «Джумага! Джумага!» (то есть на пятничную молитву). И ни одно событие в жизни наших татар не обходилось без его участия.. Правда, у него не было официального звания имама, и, возможно, он не сумел получить классическое религиозное образование, но это был человек, глубоко преданный слову Аллаха, открытый людям и, особенно, детям, и вряд ли кто из помнящих Казан-бабая забудут его приветливую улыбку.

– А кто ему наследовал после его смерти?

– К счастью, свет веры у нас здесь никогда не угасал, и слово Божье всегда жило в наших сердцах. Казан-бабая сменили по очереди несколько прекрасно подготовленных имамов, которых мы называли хазратами или муллами. Первым из них приехал в Орехово Якуб-хазрат, бывший ранее имамом в Ленинграде. Как известно, там находится крупнейшая мечеть, и он служил в ней. А когда имамов и других религиозных деятелей стали отправлять в места не столь отдаленные, он тоже оказался в заключении и пробыл там пять лет. После освобождения ему было запрещено возвращаться в Ленинград, в Москве он также не смог устроиться, и тогда он приехал к нам в Орехово. Здесь его прописал у себя покойный Якуб-абый, а его отец, занимавшийся торговлей, знал Якуб-хазрата еще по Ленинграду. Потом к нему перебралась жена, и в течение нескольких лет он возглавлял мусульманскую общину в Орехове, пока не заболел и не умер.

Потом его сменил другой приехавший мулла – Мустафа-хазрат из села Маклаково. Ему наследовал Хамид-хазрат, который поселился у нас, у своего «ученика». Дело в том, что в юности я успел год поучиться в Казани. Правда, это было не официальное учебное заведение, а занятия проходили на дому у известных имамов при мечетях. Моим учителем был как раз Хамид-хазрат. Но вскоре, в 1925 году я переехал в Ярославль, поскольку там жил один из наших родственников, и я продолжил учебу у нашего знакомого имама, Хусаин-абый, при Ярославской мечети. И вот, спустя много лет, я встретился со своим первым учителем из Казани – Хамид-хазратом.

После него предстоятелями на намазе были у нас Абу-бакр-абый, затем Абдулкадир, позже Салих. Надо отметить, что первые муллы в послевоенные годы были людьми

очень образованными. За их плечами стояла учеба в авторитетных исламских учебных заведениях, и, разумеется, многие из них знали на память весь Священный Коран, свободно ориентировались в Тафсире – его толковании. В своих проповедях, они, со знанием дела и доходчиво разъясняли суть исламского учения, и, к примеру, взяв несколько аятов из Корана, они могли без запинки в течении часа-другого подробно рассказывать их смысл. Таким был, в частности, упомянутый мною Мустафа-хазрат из Питера, унаследовавший склонность к учению от своих отцов-дедов. Такими были и его братья, и все они вынуждены были скитаться по стране, пока не находили где-то приюта.

– Как же вы обратились без мечети или молитвенного дома?

– По мере того, как сюда постепенно приезжали наши земляки из Рыбушкина, Красного Острова, Сафаджя, Петряксы и других соседних деревень Нижегородчины, этот вопрос, действительно, становился все острее. И когда число наших братьев по вере достигло солидной цифры, тогда мы начали хлопотать перед местными властями о выделении нам какого-нибудь помещения для совершения пятничного намаза и проведения главных мусульманских праздников. На первых порах нам выделяли какие-то помещения в морозовских казармах, и в этом деле нам здорово помогал Юсуф-бабай, который всю жизнь работал на 4-м заводе («Прибордеталь»). Пользуясь доверием властей, он как передовой рабочий добивался выделения нам помещения для отправления культа, особенно когда мы отмечали Рамадан и Курбан-Байрам. Но случалось, что приходилось совершать молитву и в чистом поле – благо оно примыкало прямо к нашим огородам на Новой Стройке. В остальном, в течении многих лет мы могли всегда рассчитывать на Казан-бабая, о котором я уже говорил. Однако, в великие праздники, когда

отмечался наплыв людей, в том числе из района и соседних городов, мы совершали праздничный намаз на открытой площадке на территории мусульманского кладбища, если, конечно, позволяла погода.

– А какова история этого кладбища?

– Когда мы приехали в Орехово, его еще не было. Но вскоре встал вопрос об этом, так как некоторые приезжали сюда со своими пожилыми родителями. Вопросом о выделении участка для захоронений начал первым заниматься наш отец, но, пожалуй, больше всех помогла общине в этом деле Амина Салахетдинова из Красного Острова. Самое любопытное, что она была идейной коммунисткой и очень активно работала не только для города в целом, но и для нашей общины. Это она поставила вопрос о мусульманском кладбище перед горисполкомом и добилась в конце концов разрешения выделить нам приличный участок, примыкавший к главному кладбищу города. (Добавим, что это кладбище теперь уже практически заполнено, и поэтому несколько лет назад местная татарская община добилась выделения другого участка при новом кладбище, находящемся уже вне города. – Г.Б.)

– Что можно еще сказать о послевоенной жизни?

– После войны жизнь постепенно налаживалась. Сам я стал работать на заводе «Карболит», но все больше времени требовало домашнее хозяйство, семья, дети, пока не появились внуки, а теперь и правнуки. Сейчас многое изменилось в жизни. Мы живем в благоустроенных домах, носим добротную одежду, вкушаем вкусную пищу. Но в отношениях между людьми, даже между родственниками что-то изменилось. Раньше эти отношения были более устойчивыми, люди чаще справлялись друг о друге, чаще навещали не только не только родственников, но и знакомых. Помнится, наши родители старались на неделе обязательно сходить к кому-нибудь чтобы спокойно поговорить, обменяться мнениями,

обсудить какие-то общие дела. И мы старались следовать их примеру. А сейчас мы видимся с сородичами только в гостях. И веселья тогда хватало. Устраивались шумные свадьбы, играла гармонь и даже скрипка, звучали всякие песни. А нравы были скромнее. Например, я женился в 17 лет, столько же было и моей невесте. После обряда венчания никаких. Свадьба прошла очень скромно, и нас, молодых, чествовали не так, как сейчас, когда молодоженам вручают в виде свадебных подарков ковры и другие дорогие вещи. Раньше же в деревне в качестве подарка преподносились всякие полотенца, которые были в дому, и никаких излишеств как сегодня. Не думайте, что это старческое брюзжание. Просто надо помнить, что иной раз погоня за земными благами не оставляет людям времени подумать о вечном, о душе, о помощи страждущим...

Да, нельзя не согласиться с уважаемым Измаилом-эфэнди, ставшим для нас, ореховцев, одним из живых символов нашей общины. Несмотря на то, что он уже прошел свой почтенный 90-летний рубеж, его до последнего момента можно было видеть идущим в «город» (так у нас называют его центральную часть) или внимательно наблюдающим в саду или огороде за тем, какой урожай готовит осень. И редкий маджлис (праздник) обходился без его участия. Измаил-эфэнди, вопреки возрастным недугам, старался не пропускать пятничного намаза и он принял участие на первом торжественном намазе в здании новой Орехово-Зуевской мечети в конце 2000 года, о которой мечтал он сам и вся ореховская мусульманская община.

*Расспрашивал Измаила-эфэнде его внук,
Ильдар Измаилов.*

Материал подготовил к печати Гамэр Баутдинов.

СТАРОВЕРИЕ МЕЩЁРЫ

Выпуск 2

Сборник в сборнике

Главный редактор – С.С. Михайлов

Сергей Сергеевич Михайлов

главный редактор альманаха «МЕЩЁРА-край»

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ МОЛЕННОЙ В ГЖЕЛЬСКОМ СЕЛЕНИИ КУЗЬЯЕВО

Селение Кузьево исстари входило в состав Гжельской волости. После административной реформы Екатерины II Кузьево и несколько других селений оказались в составе новообразованного Богородского уезда, тогда как основное ядро Гжели стало частью уезда Бронницкого.

Согласно местным преданиям, которые мне довелось услышать в 2001 году от уроженца деревни Бахтеево Александра Михайловича Решикова, самая первая общественная старообрядческая моленная в Кузьево появилась благодаря Петру I. Когда в годы его правления у местных старообрядцев случился какой-то инцидент с властями, дело дошло до него самого. Первый русский император повелел кузьевских старообрядцев не трогать, так как они считались «записными», т.е. исповедующими свою веру официально и платили положенный в таком случае двойной оклад.

Мы же обнаружили упоминание о старообрядческой общественной моленной в деревне Кузьевой Богородского уезда, которая принадлежала помещице Власьевой, в «Ведомости о состоящих в Москве и ее губернии старообрядческих и раскольнических моленных и часовнях», составленной в 1826 году. Это молитвенное здание показано здесь существующим с давнего времени, устроенным «самовольно» и находящимся в прочном состоянии¹. Скорее всего, упоминаемая

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 155 об.

в «Ведомости...» моленная была построена после 1812 года, вместо своей более ранней предшественницы. От старожилов соседней деревни Коломино мне удалось узнать предание о том, что в 1812 году через их селение прошли французы, двигавшиеся в сторону Вохны (ныне г. Павловский Посад). Они сожгли какое-то количество деревенских домов и общественную старообрядческую моленную во имя Прасковей Пятницы. Возможно, что в это же время пострадало и Кузеево, которое находилось вблизи дороги из Гжели на Вохну.

Молитвенное здание в Коломино, по крайней мере в начале XIX века, имело Пятницкое посвящение. Моленная в Кузеево, судя по тому, что главным праздником в деревне считался Георгиев День, была посвящена Георгию Победоносцу. Это весьма логично, поскольку рядом исстари находится Георгиевский храм в селе Игнатьево. Кузеево числилось в его приходе. Однако, возможно, что ранее здесь также могло быть посвящение Прасковее Пятнице, впоследствии утраченное. Также непонятно, откуда взялось Пятницкое посвящение моленной в Коломино, тогда как рядом нет никакой Пятницкой церкви.

В 1835 году старообрядческое молитвенное здание в селении Кузеево упоминается в деле канцелярии московского гражданского губернатора, в котором также фигурируют и моленные деревень Новохаритоново, Речицы и Фрязиново. Дело началось с доноса священника соседней православной церкви села Игнатьева, в приходе которой данные населенные пункты находились, Семена Харитонова с причтом. Его беспокоили те обстоятельства, что старообрядцы названных деревень беспрепятственно совершали свои богомоления, на которые из «любопытства» заходили и немногочисленные православные жители, которые, разумеется, «соблазнялись».

Кузеевская моленная находилась позади деревенских дворов, при доме крестьянина Петра Тимофеева Фомина. По другой версии, встречающейся в документах дела, она нахо-

дилась на общественной земле. Из проведенного чиновником по особым поручениям Кобылинским расследования видно, что в кузьевской моленной службу проводили местные крестьяне Елисей Алексеев и, иногда, Ермил Иванов, которые совершали Вечерню, Часы, Утреню и другие молебствия, не требующие участия священника, поскольку престола здесь явно не было. Упоминается и крестьянин Петр Пузанов, который специализировался на чтении канонов по усопшим и Псалтыря.

Из дела нам также интересна и моленная в деревне Фрязиново (Фрязево), которая находилась при доме купцов Гулиных (или Гуликовых). По сведениям Кобылинского, полученным из опроса данных хозяев, она существовала до 1827 года, когда ее упразднили, а помещение приспособили под амбар для складирования готовой фарфоровой посуды. Гулины же устроили домашнюю моленную в своем доме, в горнице. В нее ходили исключительно члены семейства, кто-то из которых и руководил молением. Сюда также часто навещался кузьевский крестьянин Илларион Иванов Маслов, который и проводил службы в дни своих посещений. Скорее всего, данное лицо было деревенским уставщиком.

Дело закончилось тем, что все моленные, кроме находящейся во Фрязиново, было решено оставить существующими, поскольку правительству о них было известно и ранее. Моленная же Гулиных, как устроенная уже после выхода закона 1829 года, подлежала уничтожению².

В молитвенном здании в деревне Кузьево в ведомостях канцелярии московского гражданского губернатора и московского генерал-губернатора показано отсутствие престола. Таковой был в моленной ближайшей деревни Новохаритоново, где, судя по всему, был центр старейшего местного прихода, куда ранее входила вся старообрядческая Гжель³.

² ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 60. Л. 1–10 об.

³ ЦИАМ. Ф. 16, Оп. 110. Д. 538. Л. 26 об. – 27.

В «Ведомости о раскольниковских молитвенных зданиях Московской губернии за 1855 год» по Богородскому уезду и других подобных «Ведомостях...» середины XIX столетия, среди остальных моленных мы видим и моленную без престола, которая находилась в селении Кузьево⁴.

К концу XIX столетия в том уголке Гжели, где находилось Кузьево, существовали старообрядческие молитвенные здания в деревнях Фрязино и Коломино. О том, в каком именно селении история молитвенного здания началась ранее, мы не знаем. Возможно, что упомянутые моленные возникли примерно в то же время, когда и кузьевская, но не исключено, что общества их прихожан в свое время выделились из кузьевского общества-прихода. Вспомним, что в 1835 году домашняя моленная купцов Гулиных обслуживалась уставщиком Масловым из Кузьево. О том, что моленная в Коломино существовала уже в 1812 году, мы вам уже рассказали.

В фонде канцелярии московского губернатора сохранилось дело по прошению уполномоченного от кузьевского старообрядческого общества Никифора Карпова Люсина о ремонте моленной, датированное 1895–1896 гг. Люсин был уполномочен приговором схода кузьевских крестьян от 20 ноября 1894 года. В прошении говорилось, что данное здание моленной существует с 1819 года и на него был снят план в 1830 году. Здесь есть рапорт богородского уездного исправника от 11 февраля 1895 года, где рассказывается, что молитвенное здание существует «лет 80», устроено оно было без разрешения властей. Просимые ремонтные работы заключались: в замене пришедшей в крайнюю ветхость тесовой кровли на железную, двух сгнивших нижних венцов на новые, исправлении пола и стен, а также в обивке внешних стен тесом. Здание было необходимо срочно ремонтировать. По сведениям ис-

⁴ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 188 об. – 190.

правника, в Кузьевской моленной было 737 прихожан, из которых 225 были жителями соседних селений.

Согласно акту осмотра кузьевской моленной 16 ноября 1895 года архитектором Кокориным, она представляла собой одноэтажный деревянный дом, с деревянными сенями «на деревянных столбах углубленными в землю». Нижний венец моленной был гнилым и лежал ниже уровня земли, т.е. здание действительно было старым и вросло в землю. Гнилыми были и некоторые бревна с внешней стороны сруба. Обшивки здание не имело, что способствовало более быстрому гниению бревен. Потолки внутри моленной были искривлены, также и полы «уклонились от горизонтального положения в следствие гнилости переводов». Крыша на самом здании и на сенях была тесовая и весьма ветхая, она провисла и требовала немедленного ремонта.

Власти разрешили произвести ремонт молитвенного здания, но, в силу опасений Московской Духовной Консистории, что моленная может служить «соблазном» к уклонению в старообрядчество окрестным православным, моленную и ее прихожан решили держать под особым наблюдением⁵.

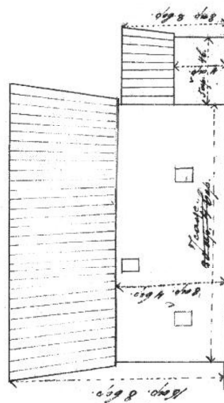
В 1898 году, по приказу губернских властей, богородский уездный исправник Гранский составил список-рапорт старообрядческих молитвенных зданий, которые существовали на подведомственной ему территории. Это один из самых точных источников о числе моленных, количестве их прихожан и примерном времени их построения. Конечно же, у Гранского есть и ошибки, и не все моленные а большом Богородском уезде он заметил. В этом рапорте мы встречаем и моленную в Кузеево, которая существовала «с незапамятных времен» и обслуживала духовные потребности 560 неокружников. Поблизости еще указана моленная при доме братьев Барминых, в деревне

⁵ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 660. Л. 1–18.

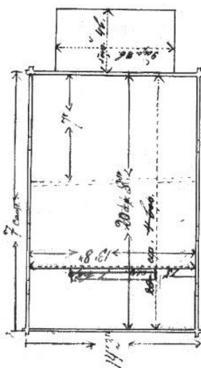
План и сечение

внутреннего в плане здания, расположенного в плане, сечение
по линии, указанной на плане, сечение.

Сечение.

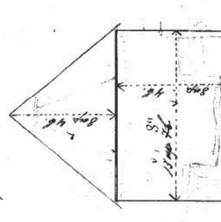

План

План и сечение в плане здания (внутр. 8 в. 10) сечение
по линии, указанной на плане, сечение.

Сечение

План и сечение в плане здания (внутр. 8 в. 10) сечение
по линии, указанной на плане, сечение.

22

Фрязиной, которая существовала «более 56 лет» и обслуживала 100 неокружников⁶. Барминская моленная, судя по всему, заняла место упоминаемой в 1835 году моленной Гулиных. Моленная неокружников в деревни Коломино, которая по крайней мере в начале XX столетия, по рассказам старожилов, существовала как отдельное общественное здание, в рапорте Гранского не упомянута.

Весьма интересна и конфессиональная принадлежность молитвенного здания в Кузяево. В начале XX столетия Кузяево оставалось последним бастионом неокружников-иосифовцев, тогда как основная масса других старообрядцев-неокружников Гжели принадлежала к пастве епископа Иова («иовцы»). Также иовцы жили в западной части Гуслиц (Молоково, Смолево и др.). В других частях Гуслиц неокружническое население относилось преимущественно к пастве епископа Даниила Богородского («даниловцы»). В 1916 году по тракту «Фрязево-Бронницы», через Гжель проехал А.И. Морозов, написавший по данному поводу небольшую заметку в старообрядческом журнале «Слово Церкви». Он, будучи ярым приверженцем Рогожского окружничества, сетовал, что по маршруту следования он наткнулся на три молитвенных здания «раздорствующих», которые относились к разным неокружническим течениям. Во Фрязеве он встретил даниловцев, в Кузяево – иосифовцев, а в Новой Деревне (Новохаритоново) – иовцев⁷. Несколько позже кузяевские иосифовцы явно присоединились к иовцам, поскольку никто из старожилов конца XX столетия уже не помнил ни о какой разнице в вере между старообрядцами Новохаритоново, Кузяево, Речиц и прочих неокружнических селений.

⁶ «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край. Ногинск, 2001. №1. С. 21.

⁷ Морозов А. Прискорбное явление // Слово Церкви. М., 1916, № 24. С. 535.

В Кузьево, еще на памяти поколения нынешних старожилов, жил священник Зиновий Кузьмич Маслов. Он окормлял не только жителей деревни, но и старообрядцев ряда соседних деревень. О его конкретной «конфессиональной» принадлежности к иосифскому или иовскому направлениям неокружничества никто сказать ничего не смог. Он служил в деревянном храме в соседнем селе Игнатьево. Отец Зиновий умер приблизительно в 1933 году в возрасте 54 лет. Это фактически помогло ему избежать репрессий, которые вскоре коснулись большинства старообрядческих священников и многих начетчиков.

После прихода к власти большевиков, которые стали проводить в стране безбожную политику, перед лицом исходящей от них опасности верующие разных вероисповеданий стали терпимее относиться друг к другу. Причт соседней православной Георгиевской церкви села Игнатьево в 1920-х отдал старообрядцам находившуюся рядом древнюю деревянную церковь, которая фактически с 1864 года стояла без дела. Скорее всего это могло произойти в виду того, что старообрядцы потеряли собственное молитвенное здание, которое находилось в Кузьево.

В 2002 году мне довелось беседовать со старожилами деревни. В основном это были женщины 1930-х годов рождения, которые были прихожанами старообрядческого храма в Новохаритоново. Никто из этих людей не смог вспомнить о факте существования в деревне общественной моленной. Они рассказали, что раньше большинство жителей Кузьева были старообрядцами, и вера у них считалась очень крепкой.

В 1920–1930-х гг. они ходили молиться в древний деревянный храм в Игнатьево, который причт местной церкви господствующего исповедания любезно передал старообрядцам. После его закрытия верующие молились по домам своих односельчан. Изначально в кузьевском старообрядческом обществе было много мужчин, которые и руководили богомолениями. Но

они постепенно вымирали и инициатива переходила к женщинам-старообрядкам. Последние активные мужчины в обществе были живы в 1970–1980-х гг.

Кузьевское старообрядчество погубило наличие в самом селении и вокруг него относительно большого числа предприятий на которые приезжало и оседало пришлое население. Также свою роль сыграли и храмы по новой вере в селах Игнатьево и Речицы. Если ранее, при жизни старших поколений крепких старообрядцев крестили сами начетчики и уставщики, старались держаться старообрядческих храмов, пусть даже и территориально далеких, то затем такая практика была утрачена. Уже в 1980-х гг., до открытия Новохаритоновского храма, старшее поколение в старообрядческих семьях носило детей на крещение в Игнатьево, в никонианский храм. Там же стали исполнять и другие требы. В результате местная молодежь практически вся оказалась для старообрядчества потерянной. Аналогичная ситуация наблюдается и в остальных гжельских старообрядческих селениях. В 2000-х гг. картина в Новохаритоновском приходе наблюдалась следующая: старшее поколение, преимущественно женщины, считали себя старообрядками и были ориентированы на старообрядческий храм. Средний возраст и особенно молодежь, даже зная о своих старообрядческих корнях, уже считали себя «православными» и были ориентированы на церкви господствующего исповедания в Игнатьево, Речицах и Карпово. У бабушек-старообрядок внуки посещали воскресные школы храмов по новой вере...

Рядом с деревней сохранилось отдельное старообрядческое кладбище, которое по внешнему своему облику почти не имеет ныне характерных элементов старообрядческой специфики, хотя на нем сохраняются могилы некоторых старообрядческих священников, а также одного из последних неокружнических епископов.

Владимир Андреевич Соколов

г. Казань

СТАРООБРЯДЦЫ ДЕРЕВНИ СМОЛЕВО И КОСТИНО: О «ЗАИМСТВОВАНИИ» ФАМИЛИЙ

Я предвижу, что вздохнете вы грустно и скажете: «Ну, сколько можно о происхождении фамилий слова говорить!?!». Но наберитесь, пожалуйста, терпения – вдруг интересно будет...

Я же не о том собрался говорить, от чего эти самые фамилии сложились: от птичек, рыбок или имен разных. Надо признаться, что это меня и не слишком интересует. Но, каким образом конкретным человеком та или иная фамилия приобретается, вопрос пока открытый. Да, еще и каким путем. Общепринятый путь – от родителей, но мы его за очевидностью рассматривать не будем.

Вместе с тем, факты таковы: в соседних деревнях существуют одинаковые фамилии и объяснить их появление передачей фамилии от родителей не удастся. Так, в частности, Волковы есть в Смолево и Лопаково, да еще и в Асташково встречаются, а родственной связи между ними я не нахожу. Шлыковы всегда жили в Лопаково и Костино, а Казаковы – в Молоково, Лопаково и Кузяево. Обращаю ваше внимание на слово «всегда». Это означает, что предки семей с этими фамилиями легко прослеживаются до самых дальних документов, где у них еще и фамилий не было.

Я бы согласился, что это как раз тот случай, когда речь идет о так называемых однофамильцах. Если бы не Корчагины...

Вот о Корчагиных я и собираюсь вам рассказать, да еще и выдвинуть на основании этого рассказа предположение, что могли быть и другие пути «присвоения» фамилий. Ну, например, тот, который я мог бы назвать «заимствованием». Есте-

ственно, что «заимствование» ни в коем случае не объясняет все возможные варианты появления однофамильцев в соседних селениях. Мало того, еще раз подчеркиваю, что это всего лишь предположение.

Итак, Корчагины были в Костино и в Смолево. А «офамилились» они следующим образом... Жил в Смолево Никита Исаев 1676 года рождения, который успешно дожил до середины 18 века и упоминается во второй ревизии 1748 года.

Я почти уверен, что он является родным братом моего предка Козмы Исаева 1666 года рождения, но нет у меня на сей счет никакого доказательного документа, например, переписной книги 1676–1678 годов, где в одной семье собрались бы вместе оба брата, потому оставляю это соображение на уровне предположения...

У Никиты известны мне из детей четверо мальчиков, Петр, Павел, Козма и Иван, и одна девочка – Домна. Меня сейчас собственно только **Домна Никитична** и интересует – своим замужеством. Вышла она замуж в Смолево за **Григория Ермиловича**.

Появление Григория Ермиловича для нас является важным, поэтому разберемся с этим делом подробнее. Все началось с Елены Агаповны, которая дважды была замужем. Второй раз – за Алфером Федоровичем, а от первого брака у нее остались сыновья Ермил Иванович и Сергей Иванович, так что их отца, Ивана, мы реконструировать можем, но непосредственно в доступных нам документах его не находим.

Вот у Ермилы Ивановича с Дарьей Парфеновной Григорий и родился, что Домну Никитичну замуж взял. А у Сергея Ивановича одни девочки рождались, и среди них в 1713 году Анна. **Анна Сергеевна** вышла замуж в Костино за **Федора Агафоновича**.

Дедом Федора Агафоновича был Иван Родионович из Костино, и от него пошло целое семейство костинских фамилий: Агафоновы, Трушаковы, Пышенковы, Черкасовы, Шлыковы и даже Гафилины, которые и фамилию-то свою приобрели, лишь переселившись в Смолево. Ну, а наша Анна Сергеевна в это дело замечательное свою посильную лепту внесла.

У Анны Сергеевны была сестра Фекла и вышла она замуж в Смолево, представьте себе, за Ивана Никитовича, сына Никиты Исаевича. От Ивана Никитовича пошли в Смолево **Корчагины**. Здесь возникает вопрос: носил ли уже фамилию сам Иван Никитович. Вопрос не простой, поскольку единственный документ в моем распоряжении, в котором в XVIII веке фамилии упоминаются – это перепись 1716 года. Но Иван Никитович, будучи рожденным в год этой переписи, ничего нам о своей фамилии сообщить не в состоянии.

Но это мы все о потомках Сергея Ивановича речь ведем. Давайте мы вернемся к Ермилу Ивановичу, его брату. В этом случае нас сыновья интересуют, а их у Ермилы Ивановича было трое: Григорий, Варлам и Карп. Варлам где-то в период с 1767 по 1773 год вместе со своим семейством перешли жить в деревню Сидорово. Очень мне интересно сейчас, не встречалась ли позднее в Сидорово фамилия Кочагин! Дело в том, что дети Григория Ермиловича и Карпа Ермиловича в Смолево все Корчагины.

Но и это еще не все. У Григория Ермиловича с Домной Никитичной среди их троих сыновей был Федор Григорьевич. Так вот он где-то между 1748 и 1763 годом также переселился из Смолево, причем, в Костино. Тем самым мы описали всех действующих лиц в вопросе, который я определил как «заимствование» фамилии.

Итак, как же мог происходить это самое «заимствование»?

Хочется напомнить, что старообрядцам всегда было свойственно уважительное отношение к родственным связям. Впрочем, и те, кто становился крестным (крестной), также как бы входили в этот родственный круг.

Мне в Смолево и других ближних деревнях много раз приходилось слышать упоминание о том, кто и чьим был крестным (крестной). Александра Савельевна, рассказывая мне о родственных связях в Смолево, не забывает упомянуть о том, что крестной бабы Мани (Рыжовой Марии Терентьевны) была тетя Агаша (Шлыкова Агафья Ивановна). Мария Терентьевна 1912 года рождения, а тетя Агаша около 1896 года. И вовсе не потому это делается, что Мария Терентьевна или Агафья Ивановна входят в круг близких родственников Александры Савельевны. Таков статус крестных!

Следовательно, все помнится, связи поддерживаются, причем раньше, насколько я могу судить по публикациям, такие связи поддерживались в значительно большей степени, чем сегодня. Поэтому сообща обговаривались всевозможные вопросы, прислушиваясь к тому, что происходило в родственных семьях и семьях крестных.

Не исключаю, что и в вопросе приобретения фамилий, когда возникла такая необходимость. Главными связующими звеньями в такой ситуации могли быть женщины, поскольку именно для них существовало два дома: родительский и дом родителей мужа, либо свой собственный.

Так и Домна Никитична (1708 – после 1773), например, связала родством две семьи. Но ни в родительской семье, ни в семье мужа фамилии в тот период не было. Я полагаю, что первые Корчагины появилась в семье ее младшего брата, Ивана Никитовича (1716 – между 1773 и 1796).

Мы уже посомневались по поводу того, была ли фамилия у самого Ивана Никитовича, поэтому из осторожности не будем ему фамилию приписывать, мало того, воздержимся от

утверждения, что фамилия была у всех его детей. Но среди них были Абмон и Роман. Вот в отношении этих двоих есть достаточные основания утверждать, что фамилия Корчагины у них появилась. Посудите сами: документально подтверждено, что дети Абмона, Никита 1772, Еремей 1787 и Сидор 1787 года рождения в ревизии 1834 года уже вписаны Корчагиными, поэтому весьма вероятно, что у их родителей она была. То же самое относится и к Роману Ивановичу: Корчагиными в ревизии 1834 года записаны Зиновий Романов 1774 года рождения и внук Романа Егор Петров 1804 года рождения. Таким образом, фамилия Корчагины появилась, вероятнее всего, у племянников Домны Никитичны.

У нас нет оснований утверждать, что хотя бы у кого-то из детей Домны Никитичны была фамилия. Вот у Федора Григорьевича ее точно не было, поскольку среди его потомков были не только Корчагины, но и Собакины. Корчагины же начались документально с внука Федора Григорьевича (и правнука Домны Никитичны) Андрея Карповича 1787 года рождения. Числится Корчагиным в ревизии 1834 года внук Домны Никитичны Гавриил Прокофьевич того же 1787 года рождения.

Учитывая, что племянники Домны Никитичны Абмон Иванович 1746 и Роман Иванович 1750 года рождения, можно думать, что фамилия Корчагины появилась у них в период 1780–1800 годов и, скорее всего, при жизни Домны Никитичны. В этот период Домна Никитична в окружении своих детей, внуков, правнуков и племянников остается старшей. Не исключая вариант, когда кто-то из внуков стал бы ее спрашивать: «Бабушка Домняша, тут все какие-то фамилии придумывают. Нам-то какую взять?». «Да, вон возьмите, как у наших в Смолево, у Абмона с Романом – Корчагины» – и сыграла Домна Никитична содействующую роль в заимствовании фамилии. А кто-то к ней, старшей, и прислушался.

Впрочем, точно такую же, содействующую роль в приобретении фамилии Корчагины путем «заимствования» вполне могли сыграть Анна Сергеевна, что вышла замуж в Костино за Федора Агафоновича, и ее сестра Фекла Сергеевна. Муж Домны Никитичны, Григорий Ермилович, одновременно являлся двоюродным братом Анне Сергеевне. А мужем Феклы Сергеевны был Иван Никитович, как вы помните, родной брат Домны Никитичны.

Все взаимосвязано в этом мире!

Если подводить итог, в базе у меня существуют: Корчагины из Костино, Корчагины из Смолево (потомки Никиты Исаевича) и еще одни Корчагины из Смолево (потомки Ермилы Ивановича). Мне думается, что главными связующими звеньями такой ситуации было три женщины смолевские: Домна Никитична, Анна Сергеевна и Фекла Сергеевна.

Еще не все. Пока я ходил и думал в отношении этой статьи, получил письмо от Ольги Мокрушиной, в котором она сообщала, что среди ее фамилий тоже Корчагины есть. Я, естественно, заинтересовался, да что и как у Ольги спрашиваю, а она в ответ еще одно письмо вот такого содержания присылает:

«...посылаю листы переписи 1710 года (РГАДА 350–1–250) д. Котлы. На листе 267об. вверху упомянута Катерина Исаева 45 лет с мужем Андреем Семеновым и детьми, по ревизии 1716 года у Андрея уже другая жена, он живет с матерью вдовою Домной Тимофеевой и впервые упомянут как сын КОРЧАГА».

Ольга, – отвечаю: а, если посмотреть перепись 1716 года, то, например, во всей Селинской волости Исаевых не так уж и много. В Мещерах жили в то время Евстифий, Панкрат и Семен Исаевы соответственно 60, 50 и 40 лет, по-видимому, братья. В Аринино жил Михей Исаев 40 лет, такого же возраста

был Панкрат Исаев в Минино. Наконец, в Костино записана Марья Борисова Исаевская жена Родионова 60 лет. Вот и все.

Если вспомнить, что в Смолево **Никита Исаев 1676** года рождения, мой **Козма Исаев – 1666** первым, то уж не сестра ли им твоя **Катерина Исаева 1665** года рождения? Смелое, конечно, предположение. Но есть важный аргумент: наличие одной и той же фамилии (Корчагины), а, если принять во внимание, что заимствование фамилии Корчагины из Смолево в Костино осуществлялось, по-видимому, с очевидным участием женщин, то почему бы и Катерине Исаевой не выполнить такую миссию. В этом случае может оказаться, что фамилия Корчагины «пришла» из ближнего Подмоскovie – деревни Котлы.

Но, чтобы говорить обоснованно, нужна, конечно, запись о семье некоего Исаея, в которой был бы прописан Козма Исаев 10-12 лет, а, если повезет, то и Никита Исаев в младенчестве. Вот мы бы и увидели, есть рядом с ними сестра их Катерина лет 13 или нет. Для этого нужны переписные книги 1676–1678 годов по деревне Смолево. Если не будет такой семьи в Смолево, то, не исключено, что она окажется в ближних к Смолево деревнях, например, Костино, Молоково. Почему в этом списке возникло Молоково? Да потому, что в переписных книгах 1646 года именно в Молоково записан Исачка Никифоров. Позднее, в переписи 1716 года, в Молоково из «Исаевых» числится одна только Домна Исаева 60 лет...

Далее мы приводим две выборки из родословных росписей, кратко описывающие поколения Корчагиных, живших в деревнях Смолево и Костино в период XVIII и XIX веков.

Предварительное пояснение к родословным росписям

Классический порядок расположения персон в родословной росписи следующий: первое поколение – самый дальний из известных предков, либо тот предок, который для данного случая принят в качестве исходного (1), второе поколение – его дети в порядке старшинства (предположим, что их трое, в этом случае в росписи они примут следующие номера 2–1, 3–1, 4–1), третье поколение – внуки исходного предка, записанные последовательно в таком порядке (пусть у каждого из детей их будет по трое): дети старшего сына (или дочери) – 5–2, 6–2, 7–2, дети среднего сына (или дочери) – 8–3, 9–3, 10–3, дети младшего сына (или дочери) соответственно 11–4, 12–4, 13–4.

Порядок этот, как я уже сказал, стандартный и достаточно удобный в том случае, когда мы публикуем результаты генеалогического исследования. Но порядок этот совершенно неудобен для заинтересованного читателя, который вдруг находит (как правило, среди персон последнего колена подготовленной нами родословной росписи) кого-то из своих предков. Этому, заинтересованному читателю, сразу хочется увидеть всю семью, причем не разбросанную по росписи. В этом случае читателю ничего не остается, как последовательно выписывать из росписи интересующую его веточку. Это особенно сложно, если родословная роспись включает порядка 200-300 персон.

Чтобы устранить данное неудобство прочтения росписей нами предлагается несколько иной вид родословной росписи, в соответствии с которым построены приводимые ниже выборки из родословных росписей.

Поколения в этом случае выделены величиной отступа от левой границы страницы записи персон, отнесенных к этому поколению. Но это не главное. Важно то, что вся последовательность записи персон носит выраженный «семейный»

характер. Пользуясь примером в данном пояснении, персоны будут записаны в таком порядке: отец (1), старший сын или дочь (2–1), старший внук от старшего сына или дочери (5–2), причем, если что-то известно о потомках последнего, то это здесь же далее и записывается с учетом того же введенного нами правила.

Как только описано все, что известно о потомках старшего внука от старшего сына (дочери), переходим к среднему внуку от старшего сына или дочери (6–2), описываем все, что известно о его потомках. Затем идет младший внук старшего сына (7–2). Таким же образом переходим к среднему сыну (3–1) и так далее. При этом особо подчеркиваем, что сохранен порядок нумерации персон, принятый для классического варианта родословной росписи.

**Выборка из родословной росписи XVIII–XIX века
от Никиты Исаева 1676 года рождения
из деревни Смолево. Корчагины (из Смолево)**

1. Никита Исаевич (1676 – после 1748), место жительства: Смолево, жена: Аграфена Герасимовна (1676 – после 1716), дети: Петр, Павел, Домна, Козма, Иван.

2–1. Петр Никитович (1704 – между 1740 и 1748), место жительства: Смолево, жена неизвестна, дети: Федот, Яков.

7–2. Федот Петрович (1732–1771), место жительства: Смолево, жена: Анна Дмитриевна (1737 – между 1773 и 1796), сын Иван.

17–7. Иван Федотович (1767–1771), место жительства: Смолево.

8–2. Яков Петрович (1740 – после 1796), место жительства: Смолево, жена: Дарья Ивановна (1735 – между 1781 и 1796), дети: Ксения, Прасковья, Тимофей, Сергей.

18–8. Ксения Яковлевна (1756 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово, муж Елизар Иванович из Сидорово (1744 – после 1773), дети: Иван, Авдотья.

36–18. Иван Елизарович (1771 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово.

37–18. Авдотья Елизаровна (1772 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово.

19–8. Прасковья Яковлевна (1769 – после 1773), место жительства: Смолево.

20–8. Тимофей Яковлевич (1779 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

21–8. Сергей Яковлевич (1781 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

3–1. Павел Никитович (1708 – после 1773), место жительства: Смолево, жена: Елена Тимофеевна (1708 – после 1773), дети: Кондратий, Семен.

9–3. Кондратий Павлович (1745–1771), место жительства: Смолево, семья неизвестна

10–3. Семен Павлович (1746–1813), место жительства: Смолево, жена: Ксения Андреевна, дети: Козма, Марфа, Иван.

22–10. Козма Семенович (1771 – после 1773), место жительства: Смолево.

23–10. Марфа Семеновна (1774 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

24–10. Иван Семенович (1783 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

4–1. **Домна Никитична** (1708 – после 1773), место жительства: Смолево, муж **Григорий Ермилович**. *О семье см. Поколенную роспись от Ивана около 1650 года рождения из деревни Смолево, 4–2.*

5–1. Козма Никитович (1713 – между 1773 и 1796), место жительства: Смолево, жена: Агафья Никоновна из Елизарово (1715–1767), сын Федот.

11–5. Федот Козмич (1737 – после 1773), место жительства: Смолево, жена: Матрена Моисеевна из Елизарово (около 1730 – после 1773), дети неизвестны, Около 1772 года перешли жить в деревню Елизарово.

6–1. Иван Никитович (1716 – между 1773 и 1796), место жительства: Смолево, жена: Фекла Сергеевна из Смолево (1717 – между 1773 и 1796), дети: Абмон, Аксинья, Роман, Никита, Мавра.

12–6. Корчагин Абмон Иванович (1746 – между 1787 и 1796), место жительства: Смолево, жена: Наталья Прокофьевна (1744 – между 1796 и 1816), дети: Авдотья, Никита, Вукол, Сидор, Сергей, Еремей.

25–12. Корчагина Авдотья Абмоновна (1767 – после 1773), место жительства: Смолево.

26–12. Корчагин Никита Абмонович (1771–1825), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

27–12. Корчагин Вукол Абмонович (1773–1839), место жительства: Смолево, жена 1 Ксения Фадеева (1774 – между 1796 и 1799), жена 2 Лукерья Никифоровна (1782 – после 1815), дети от первого брака: Дарья, Мария, дети от второго брака: Поликарп, Аксинья.

38–27(1). Корчагина Дарья Вуколовна (1792 – после 1816), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

39–27(1). Корчагина Мария Вуколовна (1794 – после 1796), место жительства: Смолево.

40–27(2). Корчагин Поликарп Вуколович (1799–1854), место жительства: Смолево, жена: Корчагина (Микешина) Пелагея Евдокимовна из Смолево (1801 – после 1870), дети: Семен, Мавра, Вера.

57–40. Корчагин Семен Поликарпович (1821 – после 1883), место жительства: Смолево, жена: Корчагина (Телина) Марфа Яковлевна из Костино (1823 – после 1870), дети: Никита, Анна, Василий, Евстигней, Роман, Захар, Яков .

78–57. Корчагин Никита Семенович (27.03.1849 – до 1858), место жительства: Смолево.

79–57. Корчагина Анна Семеновна (08.1850 – до 1858), место жительства: Смолево.

80–57. Корчагин Василий Семенович (20.01.1852 – после 1917), место жительства: Смолево, жена: Капитолина Кузьминична (1852 – после 1917), дети неизвестны.

81–57. Корчагин Евстигней Семенович (1857 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

82–57. Корчагин Роман Семенович (03.1858 – после 1917), место жительства: Смолево, жена: Корчагина (Московская) Марья Матвеевна (1864 – после 1917), дети: Кирилл, Кирилл, Павел.

93–82. Корчагин Кирилл Романович (около 1890 – после 1920), в 1916 году находился в действующей армии, жена: Корчагина (Волкова) Анна Ювенальевна из Смолево (1888–1984), дети: Григорий, Василий, Марта.

94–82. Корчагин Кирилл Романович (31.03.1902–07.05.1976), жена: Марфа Семеновна из Губино (14.09.1905– 01.02.1994), дети: Александр, Антонина, Сергей, Михаил.

95–82. Корчагин Павел Романович (1908–1970), жена: Екатерина из Молоково (1900 –1980), дети: Сергей, Лидия.

83–57. Корчагин Захар Семенович (1863 – после 1917), место жительства: Смолево, жена неизвестна, сын Мирон.

96–83. Корчагин Мирон Захарович (17.08.1896–21.08.1966), жена: Корчагина (Карпова) Евдокия Кирилловна (15.03. 1901 –28.02.1945), дети: Людмила, Надежда, Михаил, Евгения, Елизавета.

84–57. Корчагин Яков Семенович (1870 (?)), место жительства: Смолево.

58–40. Соколова (Корчагина) Мавра Поликарповна (около 1825 – после 1870), место жительства: Смолево, муж Соколов Зиновий Анофриевич из Смолево (1826 – между 1858 и 1870), дети: Семен 1847, Леонтий 1850, Потапий 1852 года рождения.

59–40. Корчагина Вера Поликарповна (1831 – после 1834).

41–27(2). Корчагина Аксинья Вуколовна (1815 – после 1816), место жительства: Смолево.

28–12. Корчагин Сидор Абмонович (1776–1845), место жительства: Смолево, отдан в рекруты в 1814 году, причислен из выходцев в 1817 году, жена: Лукерья Мокеевна (1784 – между 1834 и 1850), дочь Марья.

42–28. Корчагина Марья Сидоровна (1807 – после 1816), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

29–12. Корчагин Сергей Абмонович (1781 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

30–12. Корчагин Еремей Абмонович (1787 – после 1850), жена 1: Аксинья Матвеевна (1787 – между 1816 и 1819), жена 2: Анна (1789 – между 1834 и 1850), дети от первого брака: Федор, Домна, Акулина, дети от второго брака: Климент, Ульяна.

43–30(1). Корчагин Федор Еремеевич (1809 – между 1870 и 1883), жена: Корчагина (Соколова) Марина Силантьевна из Смолево (1815 – после 1870), дети: Фрол, Мавра.

60–43. Корчагин Фрол Федорович (1837 – после 1850), семья неизвестна.

61–43. Боброва (Корчагина) Мавра Федоровна (1846 – после 1917), муж Бобров Иван Максимович из Смолево (1835 – после 1883), сын Архип 1868 года рождения.

44–30(1). Корчагина Домна Еремеевна (1811 – после 1816).

45–30(1). Корчагина Акулина Еремеевна (1816 – после 1834), семья неизвестна.

46–30(2). Корчагин Климент Еремеевич (1819 – после 1870), жена 1: Корчагина (Моисеева) Афимья Поликарповна из Костино (1824 – между 01.1852 и 07.1853), жена 2: Анна Борисовна из Ляхово (1827 – до 1850), жена 3: Ефросинья Петровна (1820 – после 1870), дети от первого брака: Матрена, Матрена, Дарья, Иван, дети от второго брака: Мария, Василий, дети от третьего брака неизвестны.

62–46(1). Корчагина Матрена Климентьевна (1844 – после 1858), семья неизвестна.

63–46(1). Корчагина Матрена Климентьевна (1846 – после 1858), семья неизвестна.

64–46(1). Корчагина Дарья Климентьевна (06.03.1850 – после 1858).

65–46(1). Корчагин Иван Климентьевич (27.01.1852 – после 1870), семья неизвестна.

66–46(2). Корчагина Мария Климентьевна (16.07.1854 – после 1870), семья неизвестна.

67–46(2). Корчагин Василий Климентович (1857 – после 1858).

68–53. Корчагин Иван Андреевич (10.04.1841 – после 1870), жена: Корчагина (Попова) Марфа Степановна из Смолево (1849 – после 1870), дети неизвестны.

47–30(2). Корчагина Ульяна Еремеевна (1826– между 1844 и 1848), муж Корчагин Семен Гаврилович из Смолево (1825 – после 1883), дети неизвестны.

13–6. Акси́нья Ивановна (1747 – после 1780), муж: Марка Евсеевич из Костино (1745–1810), сын Давыд.

14–6. Корчагин Роман Иванович (1750 – между 1796 и 1811), жена: Мавра Никифоровна из Смолево (1753 – после 1796), дети: Зиновий, Петр, Акилина, Назар, Яков.

31–14. Корчагин Зиновий Романович (1771–1825), жена 1: Марья Антоновна (1775 – после 1816), жена 2: Лукерья (1774 – между 1834 и 1850), дети от первого брака: Марья, Анна, Авдотья, Анна, Татьяна, Андрей, дети от второго брака неизвестны.

48–31(1). Тыркина (Корчагина) Марья Зиновьевна (1794 – после 1870), муж: Тыркин Макар Иосифович из Смолево (1795–1858), дети: Иов 1822, Степан 1825, Марфа 1827, Елена 1834 года рождения.

49–31(1). Корчагина Анна Зиновьевна (1803 – после 1816), семья неизвестна.

50–31(1). Соколова (Корчагина) Авдотья Зиновьевна (1811 – после 1850), муж Соколов Ульян Аввакумович из Смолево (1810 – между 1870 и 1883), дети: Иван 1834, Ирина 1836 года рождения.

51–31(1). Корчагина Анна Зиновьевна (1814 – после 1816).

52–31(1). Корчагина Татьяна Зиновьевна (1815 – после 1870), семья неизвестна.

53–31(1). Корчагин Андрей Зиновьевич (1816 – после 1883), жена: Корчагина (Бубнова) Аграфена Тимофеевна (1835 – после 1870), дети: Иван, Мавра, Матрена, Федор, Лукьян, Елисей.

69–53. Корчагина Мавра Андреевна (07.05. 1854 – до 1858).

70–53. Карпова (Корчагина) Матрена Андреевна (1860 – после 1917), муж Карпов Иван Максимович из Смолево. *О семье см. Поколенную роспись от Ивана около 1650 года рождения из деревни Смолево, 124-66.*

71–53. Корчагин Федор Андреевич (1865 – после 1870).

72–53. Корчагин Лукьян Андреевич (1867 – после 1870).

73–53. Корчагин Елисей Андреевич
(1869 – после 1870).

32–14. Корчагин Петр Романович (1778 – после 1813),
в рекрутах с 1813 года, жена: Акилина Ларионовна
(1781 – между 1811 и 1816), дети: Егор, Лукерья, Фев-
ронья.

54–32. Корчагин Егор Петрович (1806 – между 1858
и 1870), жена: Настасья Ивановна (1806 – между
1858 и 1870), дети: Мария, Яков, Федосья, Василий.

74–54. Корчагина Мария Егоровна (около 1825-
после 1834), семья неизвестна.

75–54. Корчагин Яков Егорович (1826 – после
1870), жена: Корчагина (Боброва) Татьяна Мак-
симовна из Смолево (1824 – после 1870), дети:
Иван, Анна, Иван, Петр, Антон, Иван.

85–75. Корчагин Иван Яковлевич (24.04.
1852 – до 1858).

86–75. Корчагина Анна Яковлевна (1854 – по-
сле 1858).

87–75. Корчагин Иван Яковлевич
(23.07. 1854 – после 1870), семья неизвестна.

88–75. Корчагин Петр Яковлевич (1859 – по-
сле 1889), жена неизвестна, сын Наум.

97–88. Корчагин Наум Петрович (1889–
24.09.1915), семья неизвестна.

89–75. Корчагин Антон Яковлевич (1863 – по-
сле 1917), жена: Корчагина (Мухина) Степа-
нида Михайловна из Смолево (1866 – после
1917), дети неизвестны.

90–75. Корчагин Иван Яковлевич (1866 – после 1917), жена неизвестна, сын Иван.

98–90. Корчагин Иван Иванович (1894–1965), жена Ксения Ивановна из Павловского Посада (1896–1937), дети: Михаил, Клавдия, Иван, Екатерина, Лидия, Клавдия.

76–54. (Корчагина) Федосья Егоровна (1835 – после 1853), муж: Артамон Алексеевич из Пласкинино, дети неизвестны.

77–54. Корчагин Василий Егорович (1840 – после 1883), жена: Марья Тарасовна (1840 – после 1870), дети: Антон, Ефрем.

91–77. Корчагин Антон Васильевич (1863 – между 1917 и 1920), жена: Агафья Григорьевна из Пласкинино (1865 – после 1917), дети: Василий, Анисим, Федосья, Максим, Стефан.

99–91. Корчагин Василий Антонович (15.03.1904–10.08.1962), жена: Агрипина Феоктистовна (06.07.1908–20.08.1996), дети: Зоя, Вера, Надежда, Раиса, Валентина, Николай.

100–91. Корчагин Анисим Антонович (Около 1905 – около 2000), жена неизвестна, сын Николай 1946 года рождения.

101–91. (Корчагина) Федосья Антоновна (около 1910 (?)).

102–91. Корчагин Максим Антонович (12.02.1915–02.05.1915).

103–91. Корчагин Стефан Антонович (07.07.1916 (?)).

92–77. Корчагин Ефрем Васильевич (1870 – после 1917), жена: Мария Егоровна (1874 – после 1917), дети: Аграфена, Фекла.

104–92. Корчагина Аграфена Ефремовна (1895 – после 1917).

105–92. Корчагина Фекла Ефремовна (1896 – после 1917).

55–32. Корчагина Лукерья Петровна (1809 – после 1815).

56–32. Корчагина Февронья Петровна (1811 – после 1815).

33–14. Корчагина Акилина Романовна (1782 – после 1796), семья неизвестна.

34–14. Корчагин Назар Романович (1784 – после 1796), семья неизвестна.

35–14. Корчагин Яков Романович (1786 – после 1796), семья неизвестна.

15–6. Никита Иванович (1756 – после 1773), семья неизвестна.

16–6. Мавра Ивановна (1764 – после 1773), семья неизвестна.

**Выборка из родословной росписи XVIII–XIX века от
Ивана около 1650 года рождения из деревни Смолево.**

***Карповы (из Смолево), Корчагины (из Смолево),
Корчагины (из Костино), Собакины (из Костино)***

1. Иван (около 1650 – между 1686 и 1691), место жительства: Смолево, жена: Елена Агаповна (1654 – после 1716), дети: Ермил, Сергей.

2–1. Ермил Иванович (1676 – между 1736 и 1748), место жительства: Смолево, жена: Дарья Парфеновна из Смолево (1691 – между 1736 и 1773), дети: Григорий, Соломонияда, Варлам, Карп.

4–2. **Григорий Ермилович** (1704–1765), место жительства: Смолево, жена: **Домна Никитична** (1708 – после 1773), дети: Михаил, Федор, Прокофий, Анна.

12–4. Михаил Григорьевич (1737 – между 1770 и 1773), место жительства: Смолево, жена: Ирина Захаровна (1739 – после 1773), дети: Татьяна, Михей, Василий.

25–12. Татьяна Михайловна (1750 – после 1796), место жительства: Смолево, муж: Гафилин Артем Трофимович из Костино (1746–1818), дети: Савелий 1773, Ксения 1779, Петр 1783 года рождения, между 1773 и 1796 годом перешли в деревню Смолево.

26–12. Михей Михайлович (1758 – до 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

27–12. Василий Михайлович (1770 – после 1773), место жительства: Смолево.

13–4. **Федор Григорьевич** (1741–1805), место жительства: Смолево, Костино, жена: Акулина Иудовна (1738 – после 1774), дети: Карп, Потап, Евдокия, Марина.

28–13. Карп Федорович (1757 – между 1789 и 1796), место жительства: Костино, жена неизвестна, дети: Андрей, Афанасий.

50–28. Корчагин Андрей Карпович (1787 – после 1858), место жительства: Костино, жена: Домна Ивановна (1792 – между 1850 и 1858), дети: Ти-

мофей, Сидор, Федот, Ирина, Федосья, Фекла, Никифор.

71–50. Корчагин Тимофей Андреевич (1813 – после 1858), место жительства: Костино, жена 1: Федосья Ивановна (1820 – после 1850), жена 2: Ефросинья Андреевна из Москвы (1818 – после 1858), дети от первого брака: Матрена 1838, Пелагея 1838, Ольга 1844 года рождения, дети от второго брака неизвестны.

72–50. Корчагин Сидор Андреевич (1814 – после 1858), место жительства: Костино, жена 1 неизвестна, жена 2: Авдотья Парфеновна из деревни Яковлевская (1819 – после 1858), сын от первого брака: Максим 1842 года рождения, дети от второго брака неизвестны.

73–50. Корчагин Федот Андреевич (1820 – между 1858 и 1869), место жительства: Костино, жена: Матрена Федоровна (1820 – после 1869), дети: Иван 1848, Макар 1850, Анна 1850 года рождения.

74–50. Шлыкова (Корчагина) Ирина Андреевна (1826 – после 1850), место жительства: Костино, муж Шлыков Василий Павлович из деревни Костино (1818 – после 1858), дети неизвестны.

75–50. Корчагина Федосья Андреевна (1828 – после 1834), место жительства: Костино,

76–50. Афони́на (Корчагина) Фекла Андреевна (1832 – между 1858 и 1869), место жительства: Костино, муж Афони́н Игна́т Родионо́вич из Костино (1829 – после 1869), дети: Пелагея 1850, Евдокия 1852, Потап 1853, Ирина 1858 года рождения.

77–50. Корчагин Никифор Андреевич (1836 – после 1858), место жительства: Костино, жена: Лукерья Ивановна (1838 – после 1858), дети: Тимофей 1857, Авдотья 1858 года рождения.

51–28. Корчагин Афанасий Карпович (1789–1843), место жительства: Костино, жена: Ирина Кондратьевна (1794 – после 1858), дети: Иван, Григорий, Матрена, Авдотья.

78–51. Корчагин Иван Афанасьевич (1816 – после 1869), место жительства: Костино, жена: Анна Ивановна (1815 – после 1869), дети: Авдотья 1838, Елена 1843, Анна 1845, Анна 1848, Андреян 1850, Устин 1852, Марья 1853, Иван 1854, Прасковья 1858, Марья 1863 года рождения.

79–51. Корчагин Григорий Афанасьевич (1819 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

80–51. Корчагина Матрена Афанасьевна (1822 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

81–51. Корчагина Авдотья Афанасьевна (1831 – после 1834), место жительства: Костино.

29–13. Собакин Потап Федорович (1759–1820), место жительства: Костино, жена Дарья (1767 – после 1834), дети: Григорий, Семен, Максим, Терентий.

52–29. Собакин Григорий Потапович (1790–1804), место жительства: Костино, семья неизвестна.

53–29. Собакин Семен Потапович (1791–1844), место жительства: Костино, жена: Аграфена (1800 – после 1834), дети неизвестны.

54–29. Собакин Максим Потапович (1793 – после 1811), место жительства: Костино, семья неизвестна.

55–29. Собакин Терентий Потапович (1797 – после 1858), место жительства: Костино, жена: Анна Николаевна (1804 – после 1850), дети: Акси́нья, Акси́нья, Иван, Иван, Илья, Настасья, Евстигней, Степан, Сергей, Сергей.

82–55. Сергеева (Собакина) Акси́нья Терентьевна (1823 – после 1900), место жительства: Костино, муж: Сергеев Леонтий Петрович из деревни Костино (1828 – после 1869), дети Агафья 1854, Наталья 1858, Евдокия 1861, Моисей 1864, Антон 1866, Ирина 1868 года рождения.

83–55. Кокорева (Собакина) Акси́нья Терентьевна (1825 – после 1869), место жительства: Костино, муж: Кокорев Антон Лазаревич (1826 – после 1858), дети: Ирина 1848, Марья 1850, Георгий 1853, Павел 1854, Филипп 1857, Варвара 1858 года рождения.

84–55. Собакин Иван Терентьевич (1828 – после 1900), место жительства: Костино, жена: Собакина (Шлыкова) Домна Викуловна из Костино (1834 – после 1900), дети: Авдотья 1851, Евфимья 1852, Ефим 1854, Аграфена 1857, Фекла 1857, Анисья 1861 года рождения.

85–55. Собакин Иван Терентьевич (1830 – после 1869), место жительства: Костино, отдан в рекруты в 1851 году, в переписи 1869 года – отставной солдат, жена: Евдокия Васильевна (1840 – после 1900), дети: Матрена 1866, Ульяна 1868, Игнатий 1870, Яков 1877 года рождения.

86–55. Собакин Илья Терентьевич (1832 – после 1900), место жительства: Костино, жена: Авдотья Нефедовна (1834 – после 1869), дети: Акси́нья 1850, Иоанн 1854, Афимья 1856, Кирилл 1858, Фома 1863, Маркел 1865, Леонтий 1867 года рождения.

87–55. (Собакина) Настасья Терентьевна (1834 – после 1858), место жительства: Костино, муж: Григорий Трифионович из Костино (1837 – после 1858), дети неизвестны.

88–55. Собакина Акси́нья Терентьевна (1836 – после 1850), место жительства: Костино, семья неизвестна.

89–55. Собакин Евстигней Терентьевич (1837 – после 1900), место жительства: Костино, жена: Авдотья Васильевна (1834 – между 1874 и 1900), дети: Савелий 1861, Евстигней 1874 года рождения.

90–55. Собакин Степан Терентьевич (1840 – после 1900), место жительства: Костино, жена: Настасья Иудовна, дети: Петр 1861, Феклист 1866 года рождения.

91–55. Собакин Сергей Терентьевич (1843 – после 1900), место жительства: Костино, жена 1: Настасья Моисеевна (1844 – между 1869 и 1874), жена 2: Ксения Кирьяновна (1853 – после 1900), дети от первого брака: Ефим 1865, Аграфена 1868, дети от второго брака: Иоаким 1874, Мария 1881, Иван 1885, Степан 1887, Александра 1893 года рождения.

92–55. Собакин Сергей Терентьевич (02.12.1846 – до 1850), место жительства: Костино.

30–13. Евдокия Федоровна (1759 – после 1773), место жительства: Костино, семья неизвестна.

31–13. Марина Федоровна (1774 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

14–4. Прокофий Григорьевич (1741 – после 1801), место жительства: Смолево, жена 1: Васса Евдокимовна (1739 – между 1773 и 1776), жена 2: Ульяна Афанасьевна (1738 – после 1801), дети от первого брака: Анна, Анисья, дети от второго брака: Устинья, Анна, Гаврила, Мария, Васса, Татьяна.

32–14(1). Анна Прокофьевна (1766 – после 1773), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

33–14(1). Анисья Прокофьевна (1770 – после 1773), место жительства: Смолево.

34–14(2). Устинья Прокофьевна (1776 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

35–14(2). Анна Прокофьевна (1777 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

36–14(2). Корчагин Гаврила Прокофьевич (1786–1839), место жительства: Смолево, жена: Дарья (1788 – между 1834 и 1850), дети: Акулина, Василий, Петр, Семен, Анна.

56–36. Корчагина Акулина Гавриловна (1812 – после 1816), место жительства: Смолево,

57–36. Корчагин Василий Гаврилович (1816 – после 1883), место жительства: Смолево, жена: Матрена Осиповна (1824 – после 1870), дети: Василий, Михаил, Анна, Пелагея, Потапий, Акулина, Ирина, Самойла, Мирон.

93–57. Корчагин Василий Васильевич (1847 – после 1913), место жительства: Смолево, жена неизвестна, сын Василий 1872 года рождения.

94–57. Корчагин Михаил Васильевич (03.07.1848 – после 1917), место жительства: Смолево, жена: Наталья Федоровна (1873 – после 1917), дети Александр 1896, Ефим около 1900, Дорофей около 1900, Николай 1913 года рождения.

95–57. Корчагина Анна Васильевна (1849 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

96–57. Корчагина Пелагея Васильевна (01.05.1850 – после 1858), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

97–57. Корчагин Потапий Васильевич (28.11.1852 – после 1858), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

99–57. Корчагина Ирина Васильевна (1861 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

100–57. Корчагин Самойла Васильевич (1865 – до 1917), место жительства: Смолево, жена неизвестна, сын Федор 1887 года рождения.

101–57. Корчагин Мирон Васильевич (1867 – после 1917), место жительства: Смолево, жена неизвестна: дети: Лука 1882, Петр 1893, Павел 1896 года рождения.

58–36. Корчагин Петр Гаврилович (1818 – после 1883), место жительства: Смолево, жена: Федосья Ефимовна (1820 – после 1870), дети:

Григорий, Мария, Федор, Мария, Афонасий, Александра.

102–58. Корчагин Григорий Петрович (1845 – после 1887), место жительства: Смолево, жена: Корчагина (Соколова) Дарья Михайловна (1845 – после 1887), дети: Кирилл 1868, Настасья 1869, Кондрат 1874, Артемий 1887, Егор 1887 года рождения.

103–58. Корчагина Мария Петровна (03.04.1849 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

104–58. Корчагин Федор Петрович (26.01.1852 – до 1858), место жительства: Смолево.

105–58. Соколова (Корчагина) Мария Петровна (1855 – после 1917), место жительства: Смолево, муж: Соколов Иван Степанович из Смолево (1861 – после 1917), дети неизвестны.

106–58. Корчагин Афонасий Петрович (1858–05.04.1906), место жительства: Смолево, жена неизвестна, сын Зиновий 1881 года рождения.

107–58. Корчагина Александра Петровна (1864 – после 1870), место жительства: Смолево.

59–36. Корчагин Семен Гаврилович (1825 – после 1883), место жительства: Смолево, жена 1: Корчагина Ульяна Еремеевна из Смолево (1826 – между 1844 и 1848), жена 2: Корчагина (Захваткина) Марья Ефимовна из Костино (1825 – после 1858), дети от первого брака неизвестны, дети от второго брака: Прасковья, Ольга, Ефим, Егор, Федор.

108–59(2). Корчагина Прасковья Семеновна (1848 – после 1858), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

109–59(2). Соколова (Корчагина) Ольга Семеновна (1850 – после 1917), место жительства: Смолево, муж: Соколов Семен Никифорович из Смолево (1845 – после 1870), сын Павел 1870 года рождения.

110–59(2). Корчагин Ефим Семенович (10.07.1850 – до 1858), место жительства: Смолево.

111–59(2). Корчагин Егор Семенович (1856 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

112–59(2). Корчагин Федор Семенович (1858 – после 1896), место жительства: Смолево, жена: Корчагина (Волкова) Мария Егоровна из Смолево (1857 – после 1898, дети: Афанасий 1887, Екатерина 1888 года рождения).

60–36. Корчагина Анна Гавриловна (1829 – после 1834), место жительства: Смолево.

37–14(2). Корчагина Мария Прокофьевна (1790 – после 1816), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

38–14(2). Корчагина Васса Прокофьевна (1793 – после 1796), место жительства: Смолево.

39–14(2). Корчагина Татьяна Прокофьевна (1801 – после 1816), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

15–4. Анна Григорьевна (1746 – после 1773), место жительства: Смолево, Гора, муж: Иуда Петрович из деревни Гора (1744 – после 1773), дети неизвестны.

5–2. Соломонида Ермиловна (1711 – после 1716), место жительства: Смолево.

6–2. Варлам Ермилович (1730 – между 1767 и 1773), место жительства: Смолево, Сидорово, жена: Дарья Дмитриевна из Сидорово (1725 – после 1773), дети: Петр, Алексей, Максим, между 1767 и 1773 годами перешли в деревню Сидорово.

16–6. Петр Варламович (1747 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово, жена: Авдотья Прохорова из Сидорово (1746 – после 1773), дети: Максим, Ирина, Фекла, между 1767 и 1769 годами перешли в деревню Сидорово.

40–16. Максим Петрович (1767 – после 1773), место жительства: Сидорово.

41–16. Ирина Петровна (1769 – после 1773), место жительства: Сидорово.

42–16. Фекла Петровна (1772 – после 1773), место жительства: Сидорово.

17–6. Алексей Варламович (1753 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово, жена: Ксения Тимофеева из Ариново (около 1755 – после 1773), дочь: Анна, между 1767 и 1773 годами перешли в деревню Сидорово.

43–17. Анна Алексеевна (1772 – после 1773), место жительства: Сидорово.

18–6. Максим Варламович (1757 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово, семья неизвестна, между 1767 и 1769 годами перешел в деревню Сидорово.

7–2. Карп Ермилович (1736 – между 1773 и 1796), место жительства: Смолево, жена: Христина Гавриловна из

Смолево (1734 – между 1773 и 1796), дети: Иван, Авдотья, Устинья, Акилина, Малофей, Анна.

19–7. Иван Карпович (1754-1812), место жительства: Смолево, жена 1: Параскева Митрофановна (1752 – между 1796 и 1807), жена 2: Дарья Андреяновна (1776 – после 1808), дети от первого брака: Ивлий, Иосиф, Александра, сын от второго брака: Иов.

44–19(1). Карпов Ивлий Иванович (1777 – после 1797), место жительства: Смолево, жена: Фетинья Ивановна (1777 – после 1834), дети: Наталья, Агафья, Федор.

61–44. Карпова Наталья Ивлиевна (1791 – после 1796), место жительства: Смолево.

62–44. Карпова Агафья Ивлиевна (1793 – после 1796), место жительства: Смолево.

63–44. Карпов Федор Ивлиевич (1797 – после 1858), место жительства: Смолево, жена неизвестна, дети: Лукерья, Ирина, Иван.

113–63. Карпова Лукерья Федоровна (1822 – после 1834), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

114–63. Карпова Ирина Федоровна (1824 – после 1834), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

115–63. Карпов Иван Федорович (1829 – после 1883), место жительства: Смолево, жена: Мавра Павловна (1830 – после 1870), дети: Григорий 1852, Марфа 1854, Тарас 1856, Григорий 1857, Григорий 1859, Федосья 1869 года рождения.

45–19(1). Иосиф Иванович (1780 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

46–19(1). Александра Ивановна (1784 – после 1796), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

47–19(2). Карпов Иов Иванович (1808 – Между 1870 и 1883), место жительства: Смолево, жена: Агафья Калинична (1809 – после 1870), дети: Прасковья, Максим, Максим, Илья, Семен, Анна, Авдотья.

64–47. Боброва (Карпова) Прасковья Иовлевна (1826-Между 1850 и 1853), место жительства: Смолево, муж: Бобров Петр Максимович из Смолево (1823 – после 1870), дети: Афанасий 1844, Никифор 1846, Макар 1850 года рождения.

65–47. Карпов Максим Иовлевич (1830-После 1883), место жительства: Смолево, жена 1: Анна Ивановна из Давыдово (1831 – до 1854), жена 2: Ирина Леонтьевна (1833 – после 1869), дети от первого брака неизвестны, дети от второго брака: Настасья, Феоктист, Анастасия, Влас, Марья.

116–65(2). Карпова Настасья Максимовна (1855 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

117–65(2). Карпов Феоктист Максимович (1856 – после 1858), место жительства: Смолево.

118–65(2). Дроздова (Карпова) Анастасия Максимовна (1856- – после 1917), место жительства: Смолево, муж: Дроздов Гаврила Андреевич из Смолево (1853 – до 1917), дети: Александра после 1870, Гликерия между 1870 и 1880, Дмитрий 1871, Пахом 1874, Евдокия 1875, Калина 1887 года рождения.

119–65(2). Карпов Влас Максимович
(25.03.1858 – до 1869), место жительства:
Смолево.

120–65(2). Белова (Карпова) Марья Макси-
мовна (1860 – после 1917), место жительства:
Смолево, муж: Белов Олимпий Лаврентьевич
из Смолево (1858 – после 1917), дети: Иван
1887, Куприян 1892 года рождения.

66–47. Карпов Максим Иовлевич (1832 – после
1883), место жительства: Смолево, жена: Карпо-
ва (Полякова) Федосья Кирсановна из деревни
Яковлевская (1830 – после 1870), дети: Сергей,
Мария, Федосья, Иван, Ирина.

121–66. Карпов Сергей Максимович
(20.09.1852– до 1858), место жительства:
Смолево.

122–66. Карпова Мария Максимовна
(27.03.1854 – до 1858), место жительства:
Смолево.

123–66. Карпова Федосья Максимовна
(1861 – после 1870), место жительства: Смо-
лево, семья неизвестна.

124–66. Карпов Иван Максимович (1866 – по-
сле 1894), место жительства: Смолево, жена:
Карпова (Корчагина) Матрена Андреевна из
Смолево (1860 – после 1917), сын Никифор
1894 года рождения.

125–66. Соколова (Карпова) Ирина Макси-
мовна (1868 – после 1917), место жительства:
Смолево, муж: Соколов Дмитрий Иванович из
Смолево (1867 – после 1895), дочь: Авдотья.

67–47. Карпов Илья Иовлевич (1838 – после 1875), место жительства: Смолево, жена: Авдотья Афанасьевна (1844 – до 1917), дети: Марка, Кирилл, Федот, Николай.

126–67. Карпов Марка Ильич (1867 – после 1917), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

127–67. Карпов Кирилл Ильич (1872–1933), место жительства: Смолево, жена: Карпова (Волкова) Екатерина Сидоровна из Смолево (1872–26.01.1951), дети: Евдокия около 1890, Андрей около 1895, Евдокия 1901, Ирина 1906, Евфимий 1909 года рождения.

128–67. Карпов Федот Ильич (1874 – 06.02.1947), место жительства: Смолево, жена 1: Наталья из Щекутово (около 1890 – 1911), жена 2: Карпова (Прошкина) Мария Илларионовна из деревни Кузьево (1882–10.06.1970), дочь от первого брака: Пелагея 1905, дети от второго брака: Евдокия 1914, Евдокия 1919, Федор 1922, Зинаида 1924 года рождения.

129–67. Карпов Николай Ильич (около 1875 – после 1895), место жительства: Смолево, жена: Марфа из деревни Пласкинино (около 1875 – после 1895), дети: Алексей 1892, Харитон около 1895 года рождения.

68–47. Карпов Семен Иовлевич (1843 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

69–47. Карпова Анна Иовлевна (1848 – после 1870), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

70-47. Соколова (Карпова) Авдотья Иовлевна (01.03.1850 – около 1915), место жительства: Смолево, муж: Соколов Иван Михайлович из Смолево (1850–1920), дети: Тимофей 1870, Терентий 1876, Митрофан 1877, Домна 1878, Акси́нья 1878, Елизавета 1890, Анна 1895, Агафья 1896, Марфа 1903.

20–7. Авдотья Карповна (между 1754 и 1764 – после 1773), место жительства: Смолево, Сидорово, выдана замуж в деревню Сидорово.

21–7. Устинья Карповна (между 1754 и 1764 – после 1773), место жительства: Смолево, Лашкино, выдана замуж в помещичью вотчину д. Лашкино.

22–7. Акилина Карповна (1764 – после 1773), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

23–7. Малофей Карпович (1766–1821), место жительства: Смолево, жена: Марфа (1791 – между 1834 и 1850), дети: Семен, Татьяна.

48–23. Карпов Семен Малофеевич (1821 – после 1883), место жительства: Смолево, жена: Карпова (Микешина) Пелагея Анфиногеновна из Смолево (1825 – после 1870), дети неизвестны.

49–23. Соловьева (неизвестна) Татьяна Малофеевна (1821 – после 1870), место жительства: Смолево, муж: Соловьев Пахом Иванович из Смолево (1810 – после 1883), дети: Иван 1836, Марья 1849, Лука 1852, Варлам 1854, Елизавета 1858, Елена 1862 года рождения.

3–1. **Сергей Иванович** (1686 – между 1748 и 1773), место жительства: Смолево, жена: Хавронья Петровна (1686 – до 1773), дети: Степанида, Авдотья, Анна, Фекла.

8–3. Степанида Сергеевна (1709 – после 1716), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

9–3. Авдотья Сергеевна (1710 – после 1716), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

10–3. **Анна Сергеевна** (1713 – после 1773), место жительства: Смолево, Костино, муж: **Федор Агафонович** из Костино (1711 – после 1773), дети: Настасья 1745, Варфоломей 1747, Агафон 1752 года рождения.

11–3. **Фекла Сергеевна** (1717 – между 1773 и 1796), место жительства: Смолево, муж **Корчагин Иван Никитович** из Смолево. *О семье см. Поколенную роспись от Никиты Исаева 1676 года рождения из деревни Смолево, 6-1.*

Не устаю благодарить Ирину Фещенко, Ольгу Мокрушину, Ирину Кепанову, Галину Соколову за помощь в архивах РГАДА и ЦИАМ. Отдельно – Ольгу Мельникову за предоставленные выписки из ревизий и подворной переписи XIX века по деревне Костино.

Архивные документы

ЦИАМ. Фонд 203. Опись 744. Дело 3074. Перепись раскольников Австрийского согласия, проживающих в десяти деревнях, приписанных к Крестовоздвиженской в Селине Богородского уезда церкви. 1900 год. Л. 23–28. Д. Гора; Л. 60–72. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Дело 1720. Ведомость о селениях Карповской волости (1869–1871). Л. 224–245. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 6. Дело 641. Ревизские сказки 1858 года Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа. Л. 454 об. – 475. Д. Смолевой; Л. 546 об. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 398. Ревизские сказки 1850 года. Сентября 24 дня Московской губернии Богородского уезда Удельного ведомства Карповского приказа села Карпово с деревнями Антоновой, Шевлягиной, Вороновой, Мещерой, Аридино, Сидоровой, Молоковой, Лопаковой, Мининой, Смолевой, Яковлевской, Костиной, Горы, Давыдовой, Ляховой, состоящих мужского и женского пола удельных крестьян. Л. 286–304. Д. Смолевой; Л. 350. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 179. Ревизские сказки 1834 года Московской губернии Богородского уезда удельных крестьян. Л. 228 об. Д. Смолевой; Л. 272 об. – 307 об. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51, Оп. 8. Дело 55. Ревизские сказки 1816 года Богородского уезда Московской губернии по 7 ревизии за 1816 год удельного Карповского приказа. Л. 95–99. Д. Смолевой; Л. 162 об. – 189. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 1. Ревизская сказка 1811 года декабря дня о состоящих в Московской губернии Богородской округи Удельного Карповского Приказа нижеописанных селений душах. Л. 94–107. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Дело 1872. «Заразные сказки» 1773 года. Дворцовая Селенская волость. Л. 488 об. – 496. Деревня Смолево; Л. 540–546 об. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Дело 1842. Л. 188–192 об. Вторая ревизия 1748 года. Л. 188–192 об. Д. Смолево; Л. 199 об. – 206. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Дело 1816. Первая ревизия 1719 года. Селинская волость. Л. 953 об. – 954 об. Д. Смолево; Л. 955 об. – 957. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1, Дело 258. Перепись 1716 года. Л. 499–500 об. Д. Смолево; Л. 502 об. – 505. Д. Костино.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 98. Ед. хр. 1. Книга для записи браков в церквах Рогожского кладбища на 1841 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 100. Ед. хр. 1. Книга для записи браков в церквах Рогожского кладбища на 1842 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 101. Ед. хр. 1. Книга для записи брачившихся в церквах Рогожского кладбища на 1843 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 102. Ед. хр. 1. Книга для записи браков в церквах Рогожского кладбища. 1844 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 104. Ед. хр. 1. Книга для записи браков в церквах Рогожского кладбища. 1846 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 107. Ед. хр. 1. Книга записи браков в церквах Рогожского кладбища. 1848 год.

РГБ. ОР. Ф. 246, К. 109. Ед. хр. 1. Книга записи браков в церквах Рогожского кладбища. 1849 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 113. Ед. хр. 1. Книга записи браков в церквах Рогожского кладбища. 1851 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 117. Ед. хр. 1. Книга записи браков в церквах Рогожского кладбища. 1853 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 119. Ед. хр. 1. Книга записи браков в церквах Рогожского кладбища. Январь – август 1854 года.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 120. Ед. хр. 1. Книга записи браков в церквах Рогожского кладбища. Сентябрь – декабрь 1854 года.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 97. Ед. хр. 2. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1841 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 106. Ед. хр. 1. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1848 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 108. Ед. хр. 1. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1849 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 110. Ед. хр. 1. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1850 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 114. Ед. хр. 1. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1852 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 116. Ед. хр. 1. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1853 год.

РГБ. ОР. Ф. 246. К. 118. Ед. хр. 1. Книга для записи крещения детей в церквах Рогожского кладбища. 1854 год.

Владимир Андреевич Соколов

г. Казань

СТАРООБРЯДЦЫ ДЕРЕВНИ КОСТИНО: ПОТРЕБНОСТЬ В ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Если ехать электричкой от Москвы по Казанской ж.д., то непосредственно перед Куровской будет платформа «Подосинки». Как только поезд начнет сбавлять скорость, за перелеском, что тянется вдоль железной дороги справа, будут просматриваться крыши домов. Это деревня Яковлевская. Перед самой платформой – переезд. Влево по обе стороны шоссе сразу начинается деревня Костино. По другую сторону переезда асфальтовая дорога разветвляется на две: одна ведет назад по ходу поезда (в Яковлевскую), а вот вторая – в крупную деревню Анциферово.

В Костино жили потомки Родиона. Правда, в переписи 1716 года в Костино самого Родиона нет. Но в одном из дворов записана «вдова Марья Борисова Исаевская жена Родионова 60 лет», а в другом Иван Родионов 70 лет. Вот и все упоминания о когда-то жившем в деревне Родионе. По-видимому, Исай Родионов с Иваном Родионовым родными братьями были, поскольку более ни в одной деревне Селнинской волости того 1716 года не только еще одного Родиона, но и детей Родионовых более нет, кроме как в деревне Костино. Вероятность того, что в Костино предыдущего периода сразу два Родиона проживали, да еще близкие по возрасту, а во всех остальных деревнях волости вообще Родионов не была, прямо скажем, незначительна. Потому мы и будем полагать, что Родион был один. Родился он, по-видимому, где-то около 1620 года, но, сколько прожил, установить невозможно.

Но о потомках Родиона я кое-что сказать могу, поскольку Родион – фигура знаковая для деревни Костино.

Исай Родионов. У Исаея Родионова с Марьей Борисовой всего один сын в этом дворе прописан – Кирилл 35 лет. Хотя в соседнем дворе еще и Ларион Исаев 30 лет обнаруживается, вполне возможно – брат Кирилла, отдельным двором живущий. Но мы пока только про Кирилла будем думать.

Нужно сказать, что в записях об этой семье как в 1716, так и в 1773 году ошибки писцами допущены. Посудите сами: в 1716 году пишется так: «Вдова Марья Борисовна Исаевская жена Родионова 60 лет у нее дети сын Кирилл 35 лет Елисей 10 лет Александр 8 лет дочь Агафья 5 лет», следовательно, Кирилл, Елисей и Александр должны быть родными братьями.

При этом возникает некоторое сомнение, что, учитывая возраст, у Марьи Борисовны может быть пятилетняя дочь Агафья. Это сомнение благополучно разрешается уже во второй ревизии 1748 года, поскольку у Кирилла Исаева 79 лет записан сын (а не брат) Александр 40 лет. Таким образом, в сказке 1716 после упоминания Кирилла пропущен оборот «у него дети» Елисей, Александр и Агафья.

Обратите внимание на то, что в 1748 году у Александра уже есть свои дети Иван 10 лет и Роман 8 лет. Только мы успели этому обстоятельству порадоваться, как перепись 1773 года преподносит нам новый сюрприз вот такой записью: «Александр Кирилов 68 лет жена его Евдокия Родионова умре 765 у него дети Иван 38 лет, Евдокия взята в Яковлевскую у Ивана жена Елена Федотова 34 лет у них дети Самойла 2 лет Агафия 20 лет Роман 36 лет жена его Ирина Власова 33 лет у них сын Ефим 11 лет...». Маловероятно, что Агафия является дочерью Ивана и уж точно его сыном не может быть Роман. Опять оборот перед написанием Романа пропущен, что-нибудь вроде: «Александра второй сын Роман...».

И вообще непонятно, почему мы разбирается во всех этих хитросплетениях! Но я согласен пояснить вам, почему. Дело в том, что уже в ревизии 1811 года у Романа Александрова, ко-

торый пять лет не дожил до этой ревизии, не только сын Ефим прописан, но и внук Ефим Ефимов 19 лет. Мало того, в ревизии 1834 года у Ефима Ефима 40 лет фамилия появляется: **Захваткин**. Да и не только фамилия, но и сыновья: Феофилакт 18 лет, Семен большой (он доживет только до 1845 года) и Семен меньшей 2 лет. По крайней мере, с этого времени живут Захваткины в Костино тремя дворами. Да, кстати, у Ефима Ефимова пятый сын в 1838 году рождается – Исаак.

Вот лишь сейчас мы обратимся к публикациям про иконописцев деревни Костино. Так, Сергей Федорович Романов в своей статье «Костино» (Гуслицы: Альм., 2006. Вып. 3) так пишет о своих предках – иконописцах из Костино:

*«Семейное предание гласит, что первым иконописцем в роду был Ефим Ефимович **Романов**, который жил во времена Николая I и Александра II». В другом месте (<http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/166-1-0-322>) он добавляет: «... и свое мастерство передал сыновьям Филату и Семену». Был иконописцем и его прадед Исаак Ефимов. Нетрудно заметить, что семьи Захваткиных (по ревизиям 1811, 1834, 1850 и 1858 годов) и Романовых (в соответствии со сведениями Сергея Федоровича Романова) совпадают, вернее, речь идет об одной и той же семье. Таким образом, потомки нашего Родиона составили династию иконописцев Захваткиных – Романовых из деревни Костино. В каком году и кто именно из семьи Захваткиных сменил фамилию «**Захваткин**» на «**Романов**», я сказать не могу, знаю лишь, что не ранее 1858 года.*

Что интересно, на сайте «Богородск – Ногинск» приводится выдержка из письма епископа Томского Агапита Московскому гражданскому губернатору № 69 от 19 июня 1839 г. (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 184. Л. 6). Из нее явствует, что в 1839 году в Томской губернии были задержаны шестеро кре-

стьян деревни Костиной Карповского приказа Богородского уезда: Игнатий и Сысой Родионовы, Кондратий Ефимов, Алимов, Павел и Кирилл Кондратовы, «с иконами, рисункам, книгами, тетрадами и прочими записками». Они подозревались «в намерении действовать к расстройству прихожан Единоверческой Секисовской церкви». При них было: 34 иконы, «оконченные письмом», 24 – «покрыты краскою и подалью с совершенною отделкою, но места для изображения лиц и прочих частей тела просто прогрунтованы», 2 доски – «загрунтованы с изображением некоторых ландшафтов» и 2 – «просто загрунтованы».

Не удивительно, что мы находим там знакомые имена: у Ефима Ефимова Захваткина был брат родной Кондрат Ефимов. Вот он со своими сыновьями Павлом и Кириллом, которым, кстати сказать, в тот год было 17 и 10 лет соответственно, и нарушил покой Томской губернии. Хотя, к безусловной чести епископа Томского, материалы, найденные при иконописцах наших, скорее заинтересовали, чем встревожили, поскольку он пишет следующее:

«...отобранные от крестьян шести человек Московской губернии, по объявлению их – иконописцев, иконы по свидетельству в Консистории оказались все вообще не худо написанными в отношении к простому письму и правильно, исключая того, что в благославляющей руке сложение двух перстов по обыкновению древле бывшему в России, а по 9-му Высочайше утвержденных 27 октября 1800 года культов Московского митрополита Платона то допущено между старообрядцами; по сему все те иконы можно дозволить в употребление между одними только единовѣрцами по здешней Епархии; книги же и тетради, хотя противного Христианскому учению в себе не заключают кроме неправильного письма, но как они могли служить к совращению в старопопщинскую секту для тех крестьян первым способом,

также разные письма их между собой к здешним заводским крестьянам с рисунками и сколками с образов не имеющими правильности в себе и даже противными к употреблению между правоверными, препроводить в Богородский уездный суд... просить дабы выслал [тот суд] на укупорку и пересылку оных вещей 40 рублей. Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорный слуга Агапит Томский».

Что касается остальных задержанных иконописцев костинских, то среди них есть некто Алимов, в отношении которого я полагаю, что это просто неправильно написанное (или прочитанное) имя еще одного сына Кондрата Ефимова – Аммоса 12 лет. Имя это во всех документах писалось, как Бог на душу положит. Мало того, я доложу вам, кто такие Игнатий и Сысой Родионовы. Жил в деревне Костино Алексей Архипов (60 лет в 1716 году), а у него был сын Борис, у Бориса, в свою очередь, сын Афанасий. У Афанасия – сын Кирилл, который для жизни будущий заручился сыном Родионом. А вот уж у Родиона в ревизии 1834 года не только два сына прописаны, Сысой 24 лет и Игнатий 5 лет, но и фамилия определена. Фамилия эта – **Афонины**. Вот вам еще одна фамилия костинских иконописцев.

Да, забыл добавить, что все задержанные крестьяне благополучно домой возвратились, и в ревизии 1850 года прописаны, как будто бы не разгуливали в сибирских дальних краях. Но, как увидим мы дальше, это еще вопрос открытый – возвращались ли они в родную деревню Костино или решили осесть в каких-нибудь дальних краях...

Вернемся к **Ивану Родионову**. Захотелось мне обратиться к статистике. На такой вот манер: «а знаете ли вы, что...?». Так вот, а знаете ли вы, что...:

...от внука Ивана Родионова, Евсея Агафонова 1715 года рождения, в Костино **Черкасовы** произошли, нешуточная по численности семья, шесть дворов Черкасовых в 1858 году, а

дворы-то немалые, у одного только Ириней Иванова Черкасова 25 человек во дворе, да у Елисея Давыдова Черкасова чуть поменьше – 20 человек было;

...от другого его внука, Максима Агафонова 1696 года рождения, образовались **Шлыковы**, (очень интересная для меня семья, поскольку наряду с костинскими Шлыковыми проживали недалече, в Лопаково, тоже Шлыковы, родственные ли им, я пока не знаю), в 1858 году было у Шлыковых в Костино три двора, например, у Романа Семенова Шлыкова во дворе проживал 21 человек;

...праправнук Ивана Родионова, Артем Трофимов, женившись на Татьяне Михайловой из смолевских Корчагиных, где-то в 1780-е или 1790-е годы вообще в Смолево водворился, там, видимо, и фамилию **Гафилин** принял, да так широко там обосновался, что было в Смолево в 1858 году уже три двора Гафилиных, только у Савелия Артемьева Гафилина во дворе 20 человек проживало;

...был еще один правнук Ивана Родионова, Арефий Агафонов 1753 года рождения, от него вскорости **Агафоновы** в Костино пошли, правда, ненадолго, поскольку последний из Агафоновых, Ермолай Трофимов, умер в 1838 году, а в 10 ревизии Агафоновы не упоминаются;

...более никто из потомков Ивана Родионова никуда не переселялся, а в Костино обосновывался, как, например, Елизар Трофимов, от которого принялась фамилия **Трушаков**;

...да, еще был внук Ивана Родионова, Федор Агафонов 1711 года рождения, от него позднее пошла интересная и совершенно необычная фамилия **Пышенок**, которая позднее звучала иначе – Пышенков.

Таким образом, представьте, что от одной только семейной пары Родиона с его неизвестной мне женой в деревне Костино произошло семь фамилий (тринадцать дворов в соответствии с ревизией 1858 года). И это, не считая трех

дворов Гафилиных в Смолево... Да, и еще, не считая семью Лариона Исаева, которого я робко упомянул в самом начале – от него в Костино небольшая семья Сизовых прописана.

Кстати, вообще ревизия 1850 года по Костино пестрит знакомыми фамилиями, только успевай вспоминать, где их встречал: **Люсины, Сизовы, Мокеевы, Тряпкины** (в Кузьяево), **Моисеевы, Корчагины, Разухины, Тыркины** (в Смолево), **Захаровы** (в Горе), **Старковы** (в Милино). Ничего подобного в документах по другим деревням я не встречал. Впору начинать широкомасштабное дознание сего обстоятельства.

«Австрийцы» – так иногда называли старообрядцев-поповцев – сторонников Белокриницкой иерархии. Раньше мне казалось, что рассуждать о подмосковных корнях переселенцев из старообрядческих деревень восточного Подмосковья на Урал и в Сибирь имеет смысл, в основном, в отношении их основного промысла – иконописи. Но это не совсем так.

Вот, например, весьма обстоятельная и большая статья С.А. Белобородова из Уральского университета говорит и о других сферах «приложения рук» старообрядцев. Интересные моменты есть и в статье С.Ф. Романова (Альманах «Гуслицы»). Два небольших перекликающихся между собой отрывка из этих статей я привожу ниже, и хотел бы дополнить их своими комментариями.

Из статьи С.А. Белобородова «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири»:

«... Следует отметить, что именно богатые купцы были настоящими руководителями “австрийского” согласия в Сибири и на Урале (как, впрочем, и по всей стране). Назовем лишь некоторые наиболее известные на Среднем Урале имена крупных предпринимателей, являвшихся сторонниками Белокриницкой иерархии...

Ушковы. Бывший крепостной Демидовых Климентий Константинович Ушков, разбогатевший на поставках про-

довольствия на заводы, мукомольном деле и торговле, получил вольную за постройку на свой счет деривационного канала между реками Черной и Тагилом. Его сын Михаил был владельцем нескольких крупчаточных мельниц на Исети. В 1857 г. М.К. Ушков основал в с. Арамильском Екатеринбургского уезда Знаменскую суконную фабрику, вскоре ставшую крупнейшим предприятием отрасли на Урале...

...Ревнителями "древлего благочестия" были также и следующие представители фамилии – **купец 1-й гильдии Лев Михайлович Ушков** и его братья Дмитрий, Евтихий, Константин. К слову сказать, жена последнего, Мария Васильевна, в 1880-е гг. была владелицей усадьбы в Екатеринбурге на ул. Солдатской, 82 (ныне Красноармейская), где располагалась женская старообрядческая община "австрийцев". Л.М. Ушков был предпринимателем новой формации. Он не только возглавлял фабрику в Арамиле, но и оставил о себе память как об инженере-изобретателе, страстном охотнике и натуралисте. Его статьи о природе и охоте печатались в местной и столичной прессе. Известна и общественная деятельность Л.М. Ушкова: он неоднократно избирался гласным Городской думы и уездного земского собрания, был членом городской управы, уездного податного присутствия, одним из попечителей реального училища. Кризис начала 1890-х гг. серьезно ударил по его производству. Отчаянные попытки купца расплатиться с долгами не увенчались успехом, и в 1892 г. Л.М. Ушков покончил жизнь самоубийством.

Другая линия фамилии происходила от Арефия Константиновича (брата К.К. Ушкова). Его сын Гавриил тоже занимался торговлей и мучным производством, включив в сферу своих коммерческих интересов Шадринск. Из потомков наиболее известен его сын Амплий Гаврилович, купец 2-й гильдии, уже постоянно проживавший в Шадринске. Он так-

же был не только крупным предпринимателем (суконные лавки в Екатеринбурге и Ирбите, суконно-ткацкая фабрика в Шадринске), но и видным общественным деятелем: в середине 1890-х гг. занимал пост Шадринского городского головы, участвовал в работе разных благотворительных организаций. Старообрядческий молитвенный дом, устроенный А.Г. Ушковым в своей усадьбе, лишь немного уступал екатеринбургскому храму “австрийцев” по богатству внутреннего убранства.

Козицыны. Родоначалником купцов Козицыных следует считать Козьму Степановича, также бывшего крепостного Демидовых (скорее всего на Черноисточинском заводе). В 1852 г. он уже числился троицким купцом 2-й гильдии.

Напомним, что этот район Оренбургской губернии во второй половине 1850-х гг. стал базой проникновения “австрийцев” на Южный и Средний Урал. Козицыны проживали в Миассе, который был не только крупным центром торговли, но и центром староверия...

Сын Козьмы Осип главную ставку в своем бизнесе сделал на золотодобычу. Возможно, это стало одной из причин переезда семьи в Екатеринбург, так как здесь были сосредоточены структуры горного ведомства по делам золотых приисков. В 1880 г. О.К. Козицын приписался во 2-ю гильдию екатеринбургского купечества...

... Дочь О.К. Козицына София вышла замуж за екатеринбургского купца 2-й гильдии **Степана Ивановича Афонина** (род. ок. 1850 г.). Он был владельцем нескольких бакалейных лавок и “пряничного заведения”. Кроме того, ему принадлежали 6 лавок в Ирбите, а также 7 домов в Екатеринбурге. В 1884–1888 гг. он избирался гласным Городской думы. О.К. Козицын привлек зятя и к добыче золота: в начале XX в. С.И. Афонин был владельцем более 30 приисков на Урале и в

Сибири. После смерти тестя именно С.И. Афонин удостоился избрания на должность старосты “австрийской” общины.

Среди представителей других известных фамилий, последователей Белокриницкой иерархии, необходимо назвать купцов **Чекановых Александра и Мартина Кирилловичей**, совладельцев фаянсовой фабрики на ул. Бороздинской в Екатеринбурге. Их отец, Кирилл Прокофьевич, происходил из крестьян Богородского уезда Московской губернии. Он переехал на Урал в первой половине XIX в. В 1846 г. “завел” гончарное заведение в Екатеринбурге, а в 1863 г. “приписался” во 2-ю гильдию местного купечества. М.К. Чеканов (род. в 1840 г.) в 1880-е гг. некоторое время возглавлял общество Свято-Троицкой старообрядческой церкви. Он был женат на **Анфисе Федуловне (урожденной Шуровой)**, сестре еще одного “австрийца”, купца 2-й гильдии **Андреана Федуловича Шурова** (1850–1910). Отец Шурова, **Федул Семенович**, был уроженцем д. Елизарово Московского уезда Московской губернии. После переезда на Урал некоторое время служил приказчиком в ниже-тагильской лавке “торгующего крестьянина” Т.М. Аксенова, а позже сам владел мануфактурной лавочкой. **А.Ф. Шуров** с 1884 г. числился купцом 2-й гильдии. Он был владельцем гончарно-посудной фабрики на ул. Бороздинской, которая перешла к нему от тестя, **Симона Панфиловича Афонина**. В конце XIX – начале XX вв. А.Ф. Шуров неизменно входил в состав попечительского совета “австрийского” храма. В 1900-е гг. он отошел от коммерческой и производственной деятельности, передав управление гончарно-посудным заведением сыну, а надзор за торговлей (посуда, хрусталь, фарфор, фаянс) – жене Марфе Симоновне.

Несомненно, что с **Чекановыми и Шуровыми** были тесно связаны и другие купцы-“австрийцы” – **Семен и Сергей Васильевичи Янины**, отец которых также был выход-

цем из Подмосквья. Дело в том, что братья имели посудные магазины в Екатеринбурге. В Ирбите они тоже торговали в "хрустальном" ряду. Семен Янин помимо этого занимался реализацией листового стекла, зеркал, мебели, ламп и т. п. Как и его партнеры по бизнесу, Семен Янин числился среди попечителей "австрийского" молитвенного дома. После смерти С.И. Афонина С.В. Янин был избран старостой старообрядческой общины. Дочь Семена Васильевича Анфиса в 1910 г. вышла замуж за **Ф.В. Янченко**, известного уральского предпринимателя, владельца обойно-пакетной фабрики, деятельного члена "австрийского" согласия...».

Из статьи С.Ф. Романова «Костино»:

«...Где-то в середине 1970-х гг. на чердаке дома в Костино случайно я нашел большую пачку листов с рисунками, которые (как я уже позже понял) именуются прорисями, образцами для написания икон...

...В комплексе сохранившихся материалов мое внимание привлек конверт, присланный из Екатеринбурга 1 октября 1892 г., "со вложением денег шесть рублей (6)" через почту Ильинского Погоста в деревню Костино на имя моего прадеда "господина **Исака Ефимовича Романова от Анфисы Чекаловой**".

По архивным данным установлено, что Романовы переселились на Урал в первой половине XIX в. Они первоначально обосновались на Невьянском заводе, а затем перебрались в Екатеринбург. Установлено, что первыми иконописцами в роду был **Ефим Ефимов Романов**, который жил во времена Николая I и Александра II и свое ремесло передал **сыновьям Филату и Семену**. Дочь Ефима Романова **Мария** была искусной мастерицей по изготовлению бисерных окладов. В архивных делах вместе с **Филатом Ефимовым Романо-**

вым упоминаются и имена его земляков – Ф.И. и А.И. Курковых, иконописцев из деревни Ляхово Богородского уезда Московской губернии...

В 1904 г., в мастерской, принадлежавшей братьям **Гавриилу и Андрею Романовым**, был выполнен запрестольный выносной двусторонний Крест-Распятие. По переписи 1887 г. известно, что иконописцы **А.С. и Г.С. Романовы** проживали в городе Екатеринбурге по улице Никольской, 102 и имели мастерскую при доме...

Среди старообрядцев и единоверцев Пермской и Тобольской губерний высоко ценились выносные Кресты-Распятия работы братьев Романовых. Один из таких крестов был изготовлен ими в 1904 г. для подношения царю Николаю II пермскими единоверцами. Оба брата хорошо знали историю старообрядчества, были тесно связаны с известным городским антикваром **Д.Е. Плешковым** (по материнской линии он приходился им родным племянником)...

...При сопоставлении сведений, касающихся членов большой семьи Романовых, следует, что Ефим Ефимов передал свое ремесло всем своим сыновьям – не только Филату и Семену, которые переселились на Урал, но также **Исаку и Кондратию Ефимовым**, которые остались здесь, в селении Костино. Именно эти братья **Исаак и Кондратий Ефимовы** представляют собой гуслицкую ветвь иконописцев Романовых...».

Итак, дополняю:

Афонин Степан Иванович, за которого вышла замуж дочь екатеринбургского купца 2-й гильдии София Осиповна Козицына, родился в 1853 году в деревне Костино. Его родители: Иван Панфилович и Татьяна Алексеевна Афины. Упоминается Степан в Костино в ревизской сказке 1858 года,

а также в переписи 1869 года, а затем исчезает из деревни и более в Костино не возвращается.

Чеканов Кирилл Прокофьевич с сыновьями Александром и Мартином из деревни Елизарово, но **Анфиса Федуловна Шурова** родилась в Костино. Выйдя замуж за Чеканова Кирилла Прокофьевича, она некоторое время проживала в Елизарово, а затем вместе с мужем переселилась в Екатеринбург. Родители Анфисы, Федул Семенович и Анна Ефимовна, из Костино. Есть ли у них фамилия к рождению Анфисы 20 августа 1841 года, я сказать затрудняюсь, по крайней мере, в ревизиях 1850 и 1858 годов она (фамилия) не упоминается. Интересно, что у Анны Ефимовны фамилия к замужеству уже была, и интересная, надо сказать, фамилия – **Захваткина**. Мы эту фамилию пока просто запомним.

У Анфисы Федуловны брат **Андреан** также известен. Он родился в Костино 19 августа 1846 года. С тестем Андреана, **Афониным Симоном Панфиловичем**, мы также попытаемся ситуацию прояснить. Он, кстати, тоже из «наших», из Костино, 1810 года рождения. Если он Андреану тестем приходился, то, значит у него дочь была, и вышла эта дочь замуж за Андреана. За весь период до 1858 года, когда Симон Панфилович последний раз упоминается в Костино, у него указана только одна дочь – Марфа. Марфа родилась 5 сентября 1848 года.

Осталось нам вспомнить фамилию **Захваткины**. Но кому, вначале спрошу я, отправляла Анфиса Федуловна 1 октября 1892 г. письмо "со вложением денег шесть рублей (6)" через почту Ильинского Погоста в деревню Костино на имя моего прадеда "господина **Исака Ефимовича Романова от Анфисы Чекаловой**" (на имя моего прадеда – как пишет С.Ф. Романов)? Казалось бы, а в чем вопрос, раз адресат указан? Вопрос есть!

Дело в том, что в Костино записана вот такая семья Захваткиных: Ефим Ефимов 1792 года рождения с женой Татьяной

Евстигнеевной и среди других детей следующие: Феофилакт 1816 года, Семен 1818, Анна 1820, Мария 1825, Исаак 1838 года рождения. Так записано в ревизиях 1850 и 1858 годов. Все эти имена упоминаются в статье С.Ф.Романова. Захваткина Анна Ефимовна 1820 года является матерью Анфисе Федуловне, ну а письмо "со вложением денег шесть рублей (6)" Анфиса отправляет своему дяде Исааку Ефимову.

Фамилия не совпадает, скажете вы? Не совпадает только потому, что к концу XIX века **Захваткины** меняют свою фамилию на фамилию **Романовы**. И, если утверждать, что первым иконописцем в Костино был Ефим Ефимов Захваткин, который не доживает до переписи 1869–1871 годов, то фамилия его, безусловно, Захваткин. Смена фамилии происходит, по-видимому, у его сыновей. Все его сыновья, что записаны в подворной переписи 1869–1871 годов, Исаак 31 года, Семен 36 лет, Кондратий 55 лет, Федор 47 лет, живут отдельными дворами.

Романовым (или Захваткиным) Андрею Семенову и Гаврилу Семенову, которые упоминаются в статье С.Ф. Романова, в соответствии с подворной переписью 1869–1871 годов, было соответственно 12 лет и 2 года...

Как-то учинил я поиск в интернете и вышел на статью С.А. Белобородова об «австрийцах» на Урале, отрывок из которой приведен в моей предыдущей публикации. А в примечаниях к этой статье упоминалась книга Л.И. Зорина и В.М. Слукина «Улицы и площади старого Екатеринбурга», которая меня весьма заинтересовала тем, что некоторые сведения С.А. Белобородов брал из этой книги. Конечно, я тут же книгу в Интернете заявил и нашел фрагмент ее, рассказывающий о домовладельцах по Покровскому проспекту Екатеринбурга (ныне – улице Малышева). Вооружившись прекрасно изданной, с множеством старых фотографий города книгой

«Улицы и площади старого Екатеринбурга», я готов приступить к своему рассказу.

Пересекая город с запада на восток, тянется по Екатеринбургу **Покровский проспект** (ныне – улица Малышева). Тянется параллельно Главному проспекту (сегодня – проспект Ленина). Вот и мы, предположим, гуляем по Покровскому проспекту, двигаясь с запада на восток, и доходим почти до самой реки Исеть. Последний перед рекой перекресток проспекта – с Госпитальной улицей (ныне – улицей Добролюбова).

На с. 106 нашего путеводителя мы находим следующее:

«На другом углу Покровского проспекта и Госпитальной улицы жили мещане Плешковы. Еще в 1860 г. Никита Семенович Плешков построил здесь свой небольшой деревянный дом (№ 50). В 1867 году рядом с ним появился каменный двухэтажный флигель. В 1887 г. усадьба принадлежала одному из сыновей устроителя ее – Логину Никитичу. (ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 757. Л. 83). У Плешковых тогда работали две пивные лавки – Э.Филитца и К.Гребенькова. В последней приказчицей была Аполлинария Александровна Плешкова. Ее сестра, Пелагея Александровна Плешкова, здесь же держала красильное заведение. Кроме того, у Плешковых арендовали помещение два часовщика – Б.Ф. Берх и Ф.Б. Берх».

В «нашей» подмосковной деревне Костино жил Плешков Семен Никитич (1808–1843). В сентябре 1833 года у него появился сын Никита, но еще раньше, в 1825 году, родилась дочь Домна. Домна Семеновна вышла замуж за крестьянина деревни Смолево Разухина Кондратия Андреевича, о чем в старообрядческих метрических книгах Рогожского кладбища соответствующая запись сохранилась:

«Запись № 3 1848 года января 6 дня, совершено таинство брака между: жених: Богородского уезда, ведомства Московской Удельной конторы, Карповского приказа, д. Смолево, государственный крестьянин Кондратий Андреев, 21 года, грамотн. невеста: Богородского уезда, ведомства Московской Удельной конторы, Карповского приказа, д. Костино, крестьянская дочь Домна Семенова 17 лет, девица, неграм. по безграмотности невесты за нее расписался д. Смолево крестьянин Клим Еремеев. Поручители жениха: той же волости д. Яковлевской крестьянин Василий Изосимов, крестьянин Карповского приказа д. Костиной Терентий Яковлев, а по их безграмотности и за себя расписался крестьянин д. Костиной Семен Ефремов. Поручители невесты: той же волости д. Смолево крестьянин Клим Еремеев, и крестьянин д. Молоковой Лаврентий Михайлов крестьянин Сычевского у., Писковской волости д. Чутинина Семен Никитин».

Жили Кондратий с Домной в Смолево до 1858 года, но в переписи 1869–1871 годов уже не указаны – пропадают. Причем в 1887 году объявляется некто Разухин Кондратий Андреевич, но где бы вы думали? В списке домовладельцев по Покровскому проспекту славного города Екатеринбурга. Номер его дома 49–5 (почему «5»?) я не берусь интерпретировать, но, если верить уральским историкам (а как же, скажите, им не верить), то проживал **«Разухинъ Кондратій Андреевичъ, крестьянинъ – деревянный одноэтажный домъ, два флигеля и службы (дом 49–5)»**. Соседом его по Покровскому проспекту был **«Плешковъ Логинъ Никитичъ мещанинъ – деревянный одно-этажный домъ, каменный флигель, деревянные службы и баня; часовая мастерская и две пивныхъ лавки (дом 50–1)»** (Источник: <http://www.m-i-e.ru/biblioteka/ulitsyekaterinburga/malysheva>).

Итак, жил Разухин Кондратий Андреевич непосредственно рядом с домом, построенным, как мы убедимся ниже, Никитой Семеновым Плешковым.

О Никите Семеновиче: в подворной переписи 1869–1871 годов он еще записан в Костино, но вот его мать Ирина Панфиловна 1807 года рождения, кстати сказать, иконописец, проживает по годовому паспорту, хотя и не указано – где. И где же, спрашивается, путешествовала неутомимая бабушка-иконописец в возрасте 63 лет? Смею я предположить, что жила Ирина Панфиловна в это время по адресу: Екатеринбург, Покровский проспект, дом 49–5 у своей старшей дочери Домны Семеновны с ее мужем Кондратием Андреевичем Разухиным. И, не исключая, что занималась она устройством дома, на базе которого появилась усадьба Плешковых.

Позднее, по-видимому, уже около 1914 года записано так: *«Усадьба № 50 на углу с Госпитальной улицей перешла от Л.Н. Плешкова его брату, Дмитрию Никитичу Плешкову, который в каменном флигеле открыл антикварный магазин и музей старины (дом сохранился в перестроенном виде, в нем провел свои детские годы один из авторов данной книги В.М. Слукин, приходящийся внуком Д.Н. Плешкову). Деревянный одноэтажный дом усадьбы (по улице Госпитальной) Д.Н. Плешков сдавал в аренду под ювелирные и часовые мастерские»* (Л.И. Зорина и В.М. Слукин. С. 113).

Вот бывает же так, открыл я в очередной раз книгу, фотографии рассматривая, и обнаружил, что фотография, предвещающая на с. 27 основной текст книги, как раз и относится к интересующей нас части Покровского проспекта. На ней изображена четная сторона проспекта от улицы Госпитальной до каменного моста через Исеть.

Написано: с одной стороны дома Плешкова (до перекрестка) – каменный особняк уральского заводчика дворянина А.Ф. Поклевского-Козелл (№ 48).

Фото 1. Псковский проспект Екатеринбурга, усадьба Плешковых

С другой стороны усадьбы Плешковых – **«двухэтажный с мезонином полукаменный, с внешней стороны оштукатуренный и побеленный дом (№ 52) мещанина Г.Н. Александра. В доме Г.Н. Александра была самая дешевая в Екатеринбурге гостиница... Позднее владельцев дома № 52 стал сын Г.Н. Александра, Василий Григорьевич... В этом доме провел детство и юность сын В.Г. Александра (Мормоненко) – Г.В. Александров, выдающийся советский кинорежиссер... В 20-е годы дом был снесен...**

В 1956 году в Свердловск приезжала его (Г.В. Александрова) жена – советская кинодива Л.П. Орлова. Она встречалась с соседями – родными Д.Н. Плешкова – долго расспрашивала его жену Екатерину Ивановну, которая знала будущего кино-

режиссера в его детстве и юности, гоняющим голубей по крышам».

Да, действительно, есть такой дом, **двухэтажный с мезонином полукаменный**, на фотографии – второй от реки к перекрестку с улицей Госпитальной, где на фотографии собрание повозок!

Рядом с домом № 52 «...у самой реки имелась еще одна усадьба. Владельцем ее был купец Р.Ф. Федосеев (№ 54), торговец чаем. В его **каменном трехэтажном с мезонином доме** располагались: «конфетное» заведение Х.П. Полякова, трактир М.Ф.Рожнова, красильная и скорняжная мастерские З.А. Гофмана.

И этот дом присутствует на фотографии – у самой реки.

В отношении описанного двухэтажного дома Плешковых (№ 50) авторы нашего путеводителя по Екатеринбургу на с. 64 добавляют, что построенный в 1867 году дом позднее был реконструирован надстройкой мансарды.

Но, чтобы совсем устранить ваши сомнения по поводу, а те ли эти дома, я еще один аргумент из книги (С. 107) приведу: «За Каменным мостом, уже на левом берегу Исети, усадебное место между берегом реки и улицей 2-й Береговой в 80-ых годах XIX века принадлежало мещанской вдове Е.Н. Суставовой. На самом угла со 2-й Береговой вдова имела маленький деревянный дом (№ 56), в котором работала пивная лавка К. Гребенькова. От дома до берега Исети тянулся **огород, обнесенный высоким забором**».

Этот забор, хотя и, действительно, высок, но забавен, поскольку до воды не доходит, вследствие чего береговая сторона огорода полностью открыта.

Напротив доме Плешкова «в 1869 г. открылась Екатеринбургская городская богадельня в память чудесного спасения императора Александра II 4 апреля 1866 года... В 1880 г. при ней была устроена церковь во имя Святого Ни-

колая (Никольская)...». Вот она-то и была точкой, с которой была сделана фотография.

Если быть объективным, то у меня нет справки о том, что Плешков Никита Семенович, построивший усадьбу на Покровском проспекте, является уроженцем деревни Костино в Подмосковье. Да, полное совпадения фамилий, имен и отчеств моих подмосковных старообрядцев – Плешкова Никиты Семеновича и Разухина Кондратия Андреевича, крестьян деревень Костино и Смолево, связанных родством через Разухину (Плешкову) Домну Семеновну. Да, Плешков Никита Семенович исчезает из Костино, начиная с 1869 года. Да, исчезает проживающий до 1858 года в деревне Смолево Разухин Кондратий Андреевич вместе со своей женой Домной Семеновной. Это все важно, я бы сказал математически – является необходимым условием. Но настоящим логическим аргументом (достаточным условием), подтверждающим мое предположение, является то, что оба наших героя оказывается соседями по Покровскому проспекту в Екатеринбурге. Поэтому вероятность того заключения, что проживавшиеся в Екатеринбурге Плешков Никита Семенович и Разухин Кондратий Андреевич родом из подмосковных деревень Костино и Смолево, я склонен оценивать где-то на уровне 99 %.

Афонины в Костино вместе с другими фамилиями (Моисеевыми, Осокиными, Кареевыми, Роциными, Цветковыми и Бурмистровыми) произошли от Архипа Харитоновна рождением до 1640 года и жены его Анны Иевлевны 1640 года рождения. Из какой деревни Анна, я сказать не могу, но Архип-то точно из Костино.

А в 1810 году в Костино родился прапрапраправнук Архипа Харитоновна – **Афонин Симон Панфилович**. Женой Симона Панфиловича была Акулина Максимовна 1815 года рождения. Прожила она недолго и в десятой ревизии 1858 года она, в отличие от Симона Панфиловича, уже не упомина-

ется. И дочка у них была, по всей видимости, единственная, родилась она в 1848 году, звали ее **Марфой Симоновной**.

Еще не все. Было у Симона Панфиловича три брата младших и среди них Иван. В 1850 году было Ивану Панфиловичу 32 года и была у него жена Татьяна Васильевна 19 лет. Причем, было у них к тому году уже двое сыновей, старшему 4 года, а младшему, **Степану Ивановичу Афониному**, полтора года.

Наконец, хочу сказать, что в подворной переписи 1869–1871 годов никого из большой семьи Афониных в 20 человек с братьями Симона Панфиловича, их женами и детьми, что были записаны в десятой ревизии 1858 года, в Костино нет. Все они куда-то переселились. Про всех я сказать не могу, но сам Симон Панфилович и его племянник Степан Иванович – явно в Екатеринбург, поскольку следы их там прослеживаются.

А Марфа Симоновна, дочь Симона Панфиловича, вышла замуж за **Андреана Федуловича Шурова**, который также родом из Костино. Чтобы определиться с его родственным местом в Костино, могу сказать, что идет его линия от Василия Сергеева 1666 года рождения и жены его Афимьи Ивановны. От них произошли в деревне Костино не только Шуровы, но и Сергеевы, Ходневы, Акимовы, Марковы, а также Лезины. Андреан Федулович Василию Сергееву прапрапраправнуком приходится.

Сестра Андреана Федуловича Шурова, Анфиса Федуловна, вышла замуж в деревню Елизарово за Чеканова Мартина Кирилловича. Пожив недолго в Елизарово, они также переселились в Екатеринбург.

Купеческая часть Покровского проспекта начинается с пересекающей проспект улицы Успенской (ныне – улицы Вайнера). В этом месте в 1887 году располагались сразу три усадьбы купца А.М. Черемухина (дома № 36, 40 и 42).

«В одном из бывших домов А.М. Черемухина (№ 36) кондитерская фирма «С.И. Афонин» открыла оптово-рознич-

ный магазин, который предлагал «кондитерские товары всех лучших фабрик, чай, сахар, махорку, спички, бакалейно-колоннальные, табачные и гастрономические товары, различные масла», а также изделия собственной кондитерской фабрики, работавшей на Ломаевской улице. Фабрика Афониных выпускала, как говорилось в ее рекламе, «всевозможные сорта конфет, шоколада, карамели, монпансье, мармелада, пастилы, халвы, фруктовых желе, чайных печений, коврижек, пряников и сухарей». У Афониных арендовало помещения Екатеринбургское отделение Русского для внешней торговли банка».

Вспомним, что Степан Иванович Афонин женился на дочери Осипа Козицына Софии. Помните, был Степан Иванович владельцем бакалейных лавок, пряничного заведения, шести лавок в Ирбите, семи домов в Екатеринбурге, ну и прочей «мелочи» типа 30 золотых приисков на Урале и в Сибири? Ну, положим, золотые прииски у Степана Ивановича от тестя ему в наследство достались, а вот конфетно-пряничное производство купец Афонин точно сам освоил и в связи с освоением производства разных вкусняшек был зачислен купцом 2-ой гильдии. А иначе Козицын Осип Козмич с ним и разговаривать бы не стал и дочь Софию в замужество к нему не определил бы.

Афонин Степан Иванович попадает в выпуски Адрес-календаря Пермского края в период с 1898 по 1904 год. По-видимому, в 1898 году он либо получает право управления Северными золотыми приисками от тестя, либо это произошло в связи со смертью Осипа Козмича. Что стало с самим Степаном Ивановичем после 1904 года, сколько он прожил, неизвестно.

Усадьба его тестя, Осипа Козмича Козицына, находилась на улице Уктусской, № 12. Сейчас – это улица 8 Марта, а место усадьбы, по-видимому, было на той части этой улицы, которая расположена севернее проспекта Ленина. Относительно близко от этого места (через пруд) располагалась

усадьба Афонина Степана Ивановича (Арсеньевский проспект, № 37). Арсеньевский проспект ныне улица Свердлова.

Возвращаясь к проспекту можно узнать, что в самом его начале *«...почти на весь квартал – от Коковинской до Усольцевской – по четной стороне Покровского проспекта протянулись владения торгово-промышленного товарищества, созданного Т.А. Афоной и ее сыновьями. На месте бывшей усадьбы купца Н.А. Антонова (№ 12) они открыли «свою фабрику карамели, монпасье, мармелада, пряников, коврижек, сухарей и чайных печений». К 1912 г. в ассортименте изделий фабрики появились шоколадные конфеты. В руки Т.А. Афоной перешли и соседние усадьбы (№ 10 и № 14)».*

Улицы Коковинская, Усольцевская ныне – соответственно Шейнкмана, Сакко и Ванцетти. Вы, видимо, догадались, кто такая Т.А. Афонина, поскольку обращает на себя внимание то обстоятельство, что промышленная специфика ее хозяйства точно совпадает с аналогичной у Афонина Степана Ивановича. Действительно, она из этой же семьи – мать Афонина Степана Ивановича.

Удалось найти старую фотографию, которая сделана на Покровском проспекте (по-видимому, это дом № 36, в котором располагался магазин С.И. Афонина).

Еще одно (пряничное) заведение у С.И. Афонина было на улице Ломаевской (сегодня – улица Февральской революции) при его усадьбе (№ 12). Возвращаясь к книге Л.И. Зориной и В.М. Слукина «Улицы и площади старого Екатеринбурга», на с. 169 находим: «На Ломаевской находилась одна из кондитерских фабрик Екатеринбурга, созданная наследниками купца С.И. Афонина на базе его пряничного заведения... Фирма «С.И. Афонин» имела солидный магазин на Покровском проспекте, 36, где торговала не только изделиями собственного изготовления, но также чаем, сахаром, бакалеей, табаком, гастрономическими продуктами, спичками».

Чекановы и Шуров жили в Екатеринбурге на улице Бороздинской, ныне не существующей. Располагалась Бороздинская вдоль правого берега Исети параллельно нынешней улице Цвиллинга между современными улицами Фрунзе и Циолковского. Было к 80-м годам XIX века на Бороздинской 7 усадеб.

Фото 2. Покровский проспект в Екатеринбурге, магазин С.И.Афонины.
Источник: <http://denisov-dnevnik.livejournal.com/18118.html>

В той книге Л.И. Зориной и В.М. Слукина (с. 194) находим:

«...у «купеческой жены» М.С.Шуровой работало гончарное заведение... купцы Александр и Мартин Чекановы имели посудное заведение, развившееся позднее в фаянсовый завод, изделия которого были широко известны. На усадьбе купца О.Т. Шлыкова размещался гончарно-изразцовый завод Давыдова».

В книге А.Б. Салтыкова «Русская керамика XVIII–XIX вв.» указано:

«...Завод братьев Александра Кирилловича и Мартина Кирилловича Чекановых основан в 1846 году в городе Ека-

теринбурге на реке Исети. В 1864 году завод числился за А.К. Чекановым в качестве "гончарного заведения" с 10 рабочими, из которых было 2 мастера и 8 рабочих.

Завод вырабатывал керамическую и фаянсовую посуду (в год до 67500 шт. посуды на сумму 1325 рублей). В 1850–1860-х годах продукция завода пользовалась широкой известностью за пределами Урала. В 1860 году предприятие получило похвальный лист от Петербургского вольно – экономического общества. В 1900 году завод также числился за А.К. Чекановым. На заводе работало 44 рабочих. Вырабатывалась фаянсовая посуда. В 1912 году фабрика перешла к его брату. В этот период на фабрике работало 24 рабочих, и вырабатывал в год посуды на 12000 тысяч рублей...»

В книге Л.И. Зориной и В.М. Слукина на с. 171, где речь идет о бывшей улице 2-й Загородной (сегодня – улица Фрунзе), есть такая запись: «Усадьба под № 1 принадлежала купцу А.Ф. Шурову, владельцу фаянсовой фабрики, находившейся поблизости – на Бороздинской улице у реки Исети. На 2-ой Загородной у купца имелось еще три деревянных дома».

По одним данным фабрика Афонина-Шуровых при Уктусском заводе на реке Исеть была основана в 1838, по другим данным – в 1845 году. Позднее от С.П. Афонина «...фабрика перешла к его наследнице, купчихе, Марфе Симоновне Шуровой и её мужу, екатеринбургскому второй гильдии купцу Андрияну Федуловичу Шурову. В 1894–1895 годах фабрика значилась за ними. В 1903 году фабрика принадлежала одной М.С. Шуровой. В 1894–1895 годах на фабрике было занято 50 человек, в 1903 году – 31 человек (выработано изделий на сумму 13600 рублей), в 1912 году 18 человек. На фабрике выпускалась полужелтый глиняная посуда, маркой служила черная, в рокайльном обрамлении надпись – «Афонина» (Источник: http://otherreferats.allbest.ru/culture/00044227_0.html).

В своей статье «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири» Белобородов С.А. пишет:

*«Несомненно, что с **Чекановыми и Шуровыми** были тесно связаны и другие купцы-“австрийцы” – **Семен и Сергей Васильевичи Янины**, отец которых также был выходцем из Подмосковья».*

И не сомневайтесь! Янины – это коренная фамилия старообрядцев из соседней с Костино деревни Яковлевская той же Карповской волости.

Старообрядческую общину Белокрыницкого согласия в Екатеринбурге в разное время возглавляли: Козицын Осип Козмич, Афонин Степан Иванович, Чеканов Мартин Кириллович, Янин Сергей Васильевич. Шуров Андреан Федулович неизменно входил в состав Попечительского совета старообрядческого храма – Свято-Троицкой церкви.

И вновь мы вернемся к началу: жил довольно давно, в XVIII веке, в Костино Афонасий Борисов, от которого (скорее всего, впервые у его внуков) пошла фамилия Афонины. Все Афонины на три большие семьи позднее разделились. Для данного разговора нас будут интересовать две из этих семей: в первой были братья Афонины Симон и Иван Панфиловы, правнуки Афонасия Борисова. Во второй – так же правнуки Афонасия Борисова – братья Афонины Куприян и Иван Ивановы. Обе семьи числятся в Костино до подворной переписи 1869–1871 годов.

У Ивана Панфилова был сын, Афонин Степан Иванов 1849 года рождения, а у Ивана Иванова тоже Степан, но 1853 года. Здесь есть небольшая дилемма: который из Степанов Ивановых тот самый, что в Екатеринбурге жил, пряниками и золотыми приисками заведовал? Я склоняюсь к мысли, что первый – сын Ивана Панфилова, преимущественно на том основании, что в Екатеринбург переселился и его родной дядя, Симон

Панфилович, а такое обстоятельство в сложном деле переезда на Урал является важным.

Наталия Викулова мне пишет: «В бумагах сейчас рылась, обнаружила еще шадринского мещанина Ивана Ивановича Афонина, который в 1898 г. вместе с Н.Л. Ветошкиным был поручителем невесты в браке моих прадеда Ивана Борисовича Викулова-Дубровина и прабабки Марии Афанасьевны Довольновой».

Это очень серьезная находка! Я думаю, что тем самым нашелся самый старший из той семьи Афониных, которые переселились в Шадринск из Костино. Конечно, Афонину Ивану Ивановичу, что вместе с братом Куприяном оказались старшими в семье еще в 1837 году в Костино, в 1898 году немало должно было быть – 80 лет, но и не настолько много, чтобы не «тряхнуть стариной» и не побывать в свидетелях на свадьбе любимой внучки Машеньки.

Я все это с уверенностью рассуждаю, поскольку в семье у Афонина Ивана Ивановича и жены его Елены Ефимовны по ревизиям 1850 и 1858 годов, а также подворной переписи 1869–1871 годов по деревне Костино Карповской волости Богородского уезда Московской губернии была следующей дети: **Василий** 1845 года рождения, Анна (старшая) – 1846, Агафья – 1849, **Венедикт** – 1851, Степан и **Анна** (видимо, близнецы) – 1853 и **Марка** 1854 года рождения. Выделил жирным тех детей Афонина Ивана Ивановича, о которых знает и рассказывает мне Наталия Викулова. Я думаю, что Анна (старшая) и Агафья успели к моменту переезда семьи выйти замуж и остались в Подмоскowie.

Вопрос о том, кто и когда переезжал из Костино на Урал, оставался для меня открытым до сегодняшнего дня. Вообще-то я и до этого предполагал, что запись семьи Афониных в подворной переписи 1869–1871 годов, вовсе не означает, что в это время они все еще в Костино, а не в Шадринске.

Окончательно ответить на этот вопрос мне помогла статья Ольги Мельниковой «Запонорье и Карповский приказ» в Историко-краеведческом альманахе «Гуслицы» (Ильинский Погост, 2009. Вып. 7). Из этой статьи я приведу следующий отрывок:

«19 мая 1881 года на мирском сходе в деревне Костино рассматривалось дело о выкупе земли Терентия Нефедова Зайцева. «По уставной грамоте значится в нашем селении 438 душ, количество всей земли 404 десятины 1460 сажень. Из означенного количества причитается на каждую душу земли в надел по разверстке, сделанной согласно 118 статье положения о выкупе, 2217 сажень, ... количество выкупного долга, падающего на каждый душевой надел 47 рублей 66 $\frac{3}{4}$ копеек серебром, ... причем удостоверяем, что сделанный в казну взнос им, Зайцевым, действительно соответствует количеству выкупного долга, падающего на него по выкупной казенной ссуде и по разверстке, сделанной согласно 118 статье положения о выкупе самим обществом и согласно 54 статье общего положения и 118 и 165 статей положения о выкупе соблюдены им, Зайцевым, и о чем мы составили сей приговор на предмет увольнения в собственники».

А 21 августа того же года по аналогичной процедуре из деревни Костино в мещане города Барнаула увольнялся Федосий Вонифатьев Зайцев. Как говорится в документе, в Барнауле он живет уже 10 лет. Но на тот момент он не внес полностью выкуп за землю, без этого не мог быть уволен.

5 декабря 1882 года рассматривался вопрос об увольнении Василия Иванова Афонина, проживающего в городе Шадринске уже около 40 лет. Ему также рекомендовалось внести остаток взноса за выкуп земли».

Примечание: видимо, в последнем абзаце в документе допущена ошибка, так как Василий Иванович Афонин в соот-

ветствии с ревизией 1850 года родился в Костино в 1846 году, следовательно, было ему на момент составления документа в 1881 году 35 лет.

Возвращаясь к приведенному отрывку, могу сказать, что он очень интересен, прежде всего, сам по себе, то есть без привязки к интересующему нас вопросу.

Но что, собственно, для нас означает такая запись? А то, что переселившиеся в другие места (и, может быть, достаточно давно – 10 и более лет назад) жители Костино числились в подворной переписи деревни Костино до тех пор, пока не был внесен выкуп за землю. Посему, кстати, не записана в подворной переписи 1869–1871 годов в семье Афонина Ивана Ивановича его дочь Марья, хотя не некоторым сведениям она родилась около 1862 года, но не в Костино, а, очевидно, уже в Шадринске...

Подводя предварительный итог этих рассуждений, могу заметить, что подмосковных корней на Урале и в Сибири гораздо больше, чем я раньше предполагал. Из одной только деревни Костино вон сколько! Но сколько, давайте посмотрим. Чтобы представить картину переселения старообрядцев из деревни Костино, мы рассмотрим три родословных росписи следующих семей из деревни Костино: Афониных, Плешковых, а также Захваткиных (Романовы) и Киреевых. Следует учесть, что для оценки масштабов переселения старообрядцев из этой деревни во второй половине XIX века в настоящее время мы можем использовать лишь три документа: ревизию 1858 года, подворную перепись 1869–1871 годов и списки старообрядцев деревни Костино 1900 года.

Но, скажите, вследствие каких причин семья, записанная, предположим в ревизии 1858 года, может не встретиться в подворной переписи 1869–1871 годов. Таких причин две: первая – это смертность, например, в связи с какой-то эпидемией, вторая – переселение в другое место.

Чтобы понять, как могла отразиться на жителях деревни эпидемия, возьмем внеочередную перепись 1773 года, которая была проведена с целью оценить последствия страшной эпидемии 1771 года. Итак, деревня Костино. За период с 1763 по 1773 год в Костино умерло 32 человека, из них 11 человек в период эпидемии, то есть в 1770–1772 годах. В семье Марка Васильева из 8 человек умерло двое: он сам и его жена Авдотья Трофимова. Семья Федора Федотова (6 человек) потеряла жену его сына Ивана Евдокию Пахомову, а также родного брата Ульяна Федорова. Умер Степан Маркелов в семье из 6 человек. В семье Василия Маркова из 7 человек умер его племянник Андрей Давыдов. Умерла Ирина Максимова в семье из 3 человек. В семье Афанасия Борисова (6 человек) умерла его жена Евдокия Семенова. Умер сын Захара Гаврилова Прокофий в семье из 6 человек. В семье Григория Григорьева из 8 человек умер его сын Кирилл и жена Кирилла Акулина Иванова.

Этот краткий анализ утверждает лишь одно: даже в период сильнейшей эпидемии семьи по этой причине не исчезали полностью. Причиной того, что семья, указанная в предыдущем документе в деревне, не находится в последующем документе, является ее переселение в другое место, расположенное порой за тысячи километров. Чем больше численность «исчезнувшей» семьи, тем выше вероятность того, что причиной исчезновения семьи является именно переселение. Мне думается, что достоверность этого факта уверенно приближается к 100 % уже при численности семьи человек в пять.

Итак, родословные росписи некоторых костинских семей... Что мы находим в родословных росписях?

Все указанные выше **Афонины**, кроме семей Киреевой (Афониной) Александры Куприяновой и Афонина Федора Куприянова, после 1858 года либо позднее 1869 года в Костино не числятся, безусловно, по причине переселения.

Лишь немногие семьи **Захваткиных (Романовых)** остались в Костино: Романов Селиверст Федоров (1862 – после 1900), Романов Исак Ефимов (1838 – после 1900) с семьей, Иван Иванов (1858 – после 1900). Всех остальных следует считать переселившимися из деревни.

Целый ряд семей **Киреевых** продолжал жить в Костино и после 1869 года: Киреевы Данила Титов (1848 – после Филат Титов (1860 – после 1900), Андриян Кирсанов (1854 – после 1900), Борис Афанасьев (1839 – после 1880), Иосиф Никифоров (1853 – после 1900) с семьями, а также Киреев Осип Никифоров (1851 – после 1900), тем не менее, следует признать, что они составляют явно меньшую часть всех Киреевых.

Также разделились и **Плешковы**, меньшая часть которых осталась в Костино: семьи Плешковых Фадея Панфилова (1847 – после 1900), Максима Киприанова (1831 – после 1900), Ивана Варфоломеева (1837 – после 1900), частично семья Захара Никитина (1818 – после 1869).

Мне думается, что Екатеринбург и Шадринск для Афониных, Захваткиных (Романовых), Плешковых, а также других костинских семей были не единственными местами переселения.

Молодожены Афонин Иван Иванович и Афонина (Ушкова) Александра Львовна. Фото 1903 года из семейного архива Галины Пирамидиной из Екатеринбурга, внучки Ивана Ивановича и Александры Львовны. Довольнова (Афониная) Анна Ивановна и Довольнов Афанасий Сергеевич. Фото около 1885 года из семейного архива Наталии Викуловой из Екатеринбурга, правнучки Довольновой (Афониной) Анны Ивановны.

Фото 3. Афонины Иван Иванович и его жена Александра Львовна

Фото 4. Довольновы Афанасий Сергеевич и его жена Анна Ивановна

**Выборка из родословной росписи Афониных
из деревни Костино**

Архип Харитонов (до 1640 – до 1716), место жительства: Костино, жена: Анна Иовлева (1640 – после 1716), сын Алексей.

Алексей Архипов (1656 – после 1748), место жительства: Костино, жена: Агафья Егупова (1666 – после 1716), сын Борис.

Борис Алексеев (1701 – после 1748), место жительства: Костино, жена Анисья Кириллова (1696 – после 1716), сын Афанасий.

Афанасий Борисов (1714 – после 1773), место жительства: Костино, жена Евдокия Семенова (около 1715–1770), дети: Абросим, Кирилл.

Абросим Афанасьев (1753–1803), место жительства: Костино, жена Акинья Ларионова из Смолево Запонорской волости (1750 – после 1785), дети: Афанасий, Панфил.

Афонин Панфил Абросимов (1785–1848), место жительства: Костино, жена Афимья (1787 – после 1834), дети: Симон, Феопент, Иван, Максим, Потап.

Афонин Потап Панфилов (1831–1848), место жительства: Костино, семьи не было.

Афонин Феопент Панфилов (1816 – после 1858), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Екатерина Иванова, дети: Иван, Пелагея, Семен, Лукерья, Максим, Аника, Анна, Василий.

Афонин Аника Феопентович (1851 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афонин Иван Феопентов (1841 – после 1900), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена: Федосья

Павловна (около 1845 – после 1885), дети: Татьяна, Михаил, Иван, Андрей, Павла. Мария, Олимпиада.

Рябова (Афонина) Татьяна Ивановна (около 1860 – после 1900), место жительства: Екатеринбург, муж: Рябков Ефим Дмитриевич (около 1860 – после 1900), дети неизвестны.

Афонин Михаил Иванович (около 1862 (?)), место жительства: Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Иван Иванович (1864–1938), место жительства: Екатеринбург, Челябинск, Барнаул, жена: Афонина (Ушкова) Александра Львовна (1885–1966), дети неизвестны.

Афонин Андрей Иванович (около 1870 (?)), место жительства: Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонина Павла Ивановна (около 1870 (?)), место жительства: Екатеринбург, семьи не было.

Афонина Мария Ивановна (около 1870 (?)), место жительства: Екатеринбург, семьи не было.

Афонина Олимпиада Ивановна (около 1885 – после 1970), место жительства: Екатеринбург, Миасс, инокия Никольского женского старообрядческого монастыря в Миассе, матушка Ливия.

Афонин Семен Феопентов (1845 – после 1858), место жительства: Костино, Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Максим Феопентов (1849 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Максим Панфилов (1826 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Пелагея Сергеева (1831 – после 1858), дети: Трифон, Петр.

Афонин Трифон Максимов (1850–1853), место жительства: Костино.

Афонин Петр Максимов (1854 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афонин Симон Панфилов (1810 – до 1894), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Акулина Максимова (1815 – после 1850), дочь Марфа.

Шурова (Афонина) Марфа Симонова (1848 – после 1900) вышла замуж за Шурова Андреана Федулова из Костино, место жительства: Костино, Екатеринбург.

Афонин Иван Панфилов (1818 – после 1858), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Татьяна Алексеева (1831 – после 1913), дети: Петр, Степан, Надежда, Андриян, Василий, Макар, Павел, в 1901 году в Екатеринбурге Татьяной Алексеевой и сыновьями Андрияном и Василием был создан Торговый дом, который прекратил свое существование в 1913 году.

Афонин Петр Иванов (1847 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афонин Степан Иванов (1849 – после 1904), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Афонина

(Козицына) София Осипова (около 1850 – около 1900), дети неизвестны.

Афонина Надежда Иванова (1854 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Андриян Иванов (после 1858 – после 1913), место жительства: Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Василий Иванов (после 1858 – после 1913), место жительства: Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Макар Иванов (после 1858 – после 1887), место жительства: Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Павел Иванов (после 1858 – после 1887), место жительства: Екатеринбург, семья неизвестна.

Афонин Афанасий Абросимов (1779 – после 1817), место жительства: Костино, сослан на поселение в 1817 году, жена неизвестна, дети: Федор, Роман, Иван, Дарья.

Афонин Федор Афанасьев (1805–1829), место жительства: Костино.

Афонин Роман Афанасьев (1806–845), место жительства: Костино, жена Варвара Яковлева (1811 – после 1845), дети: Марья, Авдотья, Анна.

Афонина Марья Романова (1833 – после 1850), место жительства: Костино.

Афонина Авдотья Романова (1835 – после 1858), место жительства: Костино.

Афонина Анна Романова (1843 – после 1858), место жительства: Костино.

Афонин Сергей Афанасьев (1758–1844), место жительства: Костино, жена Акулина Евдокимова (1768 – после 1850), дети неизвестны.

Афонин Самсон Афанасьев (1743–1817), место жительства: Костино, жена Елена Иванова (1751 – после 1779), сын Иван.

Афонин Иван Самсонов (1779 – 1837), место жительства: Костино, жена Дарья (1784 – после 1834), дети: Полиект, Куприян, Иван.

Афонин Полиект Иванов (1799 – после 1811), место жительства: Костино.

Афонин Иван Иванов (1818 – после 1898), место жительства: Костино, Шадринск, жена Елена Ефимова (1818 – после 1869), дети: Василий, Анна, Агафья, Венедикт, Степан, Анна, Марка, Мария, Иван Иванов в 1898 году указан в Шадринске.

Афонин Василий Иванов (1845 – после 1882), место жительства: Костино, Шадринск, семья неизвестна.

Афонин Марка Иванов (1854 – до 1908), место жительства: Костино, Шадринск, жена Пелагея Петрова, дети неизвестны.

Афони́на Анна Иванова (1846 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афони́на Агафья Иванова (1849 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афонин Венедикт Иванов (1851 – до 1905), место жительства: Костино, Шадринск, жена Анфиса Иванова, дети: Егор, Петр, Антонина, Александра, Федосья.

Афонин Степан Иванов (1853 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Довольнова (Афониная) Анна Иванова (1853 – после 1891), место жительства: Костино, Шадринск, муж Довольнов Афанасий Сергеев (около 1852 – после 1891).

Ветошкина (Афониная) Мария Иванова (около 1860 – после 1905), место жительства: Костино, Шадринск, муж Ветошкин Николай Лаврентьев (около 1860 – после 1905).

Афонин Куприян Иванов (1808–1869), место жительства: Костино, жена Елена Федорова (1818 – после 1869), дети: Кузьма, Мирон, Елена, Александра, Авдотья, Павел, Федор.

Афонин Кузьма Куприянов, (1831–1838), место жительства: Костино.

Афонин Мирон Куприянов (1843 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афониная Елена Куприянова (1849 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреева (Афониная) Александра Куприянова (1853 – после 1900), место жительства: Ко-

стино, муж Киреев Иосиф Никифоров (1853 – после 1900), сын Макар 1885 года рождения.

Афони́на Авдо́тья Ку́приянова (1858 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афонин Павел Куприянов (1860 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афонин Федор Куприянов (1863 – после 1900), место жительства: Костино, жена Афони́на (Шлы́кова) Ма́рья Прохорова (1856 – после 1900), дочь Матрена 1889 года рождения.

Кирилл Афанасьев (1746 – после 1811), место жительства: Костино, жена Наталья Федорова (1743 – после 1785), дети Иван, Родион.

Иван Кириллов (1777 – после 1811), место жительства: Костино, жена Февронья Артемьева (1784 – после 1850), дети: Федор, Самсон.

Федор Иванов (1801 – после 1828), место жительства: Костино, сослан в 1828 году на поселение, жена Ирина (1804 – после 1834), сын Борис.

Борис Федоров (1829 – после 1858), место жительства: Костино, жена 1 Афимья Николаева (1830 – между 1850 и 1854), жена 2 Настасья Федорова, дети во втором браке: Аким, Наталья, Григорий.

Аким Борисов (1853 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Наталья Борисова (1854 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Григорий Борисов (1855 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Самсон Иванов (1809 – после 1858), место жительства: Костино, жена Марфа Елисеева (1813 – после 1858), дети: Роман, Марфа 1835, Павел 1836, Зиновий 1841, Тимофей 1843, Григорий 1851, Гаврила 1853 года рождения.

Роман Самсонов (1834 – после 1855), место жительства: Костино, жена неизвестна, сын Федор 1855 года рождения.

Афонин Родион Кириллов (1785–1857), место жительства: Костино, жена Матрена Михайлова (1784 – после 1850), дети: Терентий, Сысой, Марка, Ирина, Ирина, Федосья, Домна, Антип, Игнат, Тимофей.

Афонин Терентий Родионов (1804 – после 1825), место жительства: Костино, в 1825 году отдан в рекруты, семья неизвестна.

Сысой Родионов (1808 – после 1869), место жительства: Костино, жена Авдотья Васильева (1807 – после 1869), дети: Анна, Наталья, Максим, Фома, Федот, Федот.

Захваткина (Афониная) Анна Сысоева (1831 – после 1900), место жительства: Костино, муж Захваткин Павел Кондратьев из Костино (1822 – После 1858), дочь Марфа 1853 года рождения.

Бубнова (Афонина) Наталья Сысоева (1832 – после 1858), место жительства: Костино, Смолево, муж Бубнов Фадей Фомин из Смолево Карповской волости (1829 – после 1858), дети: Дмитрий 1854, Иван 1857 года рождения.

Афонин Максим Сысоев (1836 – после 1869), место жительства: Костино, жена Марья Леонтьева (1838 – после 1869), дети неизвестны.

Афонин Фома Сысоев (1839 – после 1869), место жительства: Костино, жена Пелагея Поликарпова (1848 – после 1869), дети неизвестны.

Афонин Федот Сысоев (1845 – после 1869), место жительства: Костино, жена Пелагея Панкратова (1848 – после 1869), дети неизвестны.

Афонин Федот Сысоев (02.1851–07.1851), место жительства: Костино.

Афонин Марка Родионов (1810–1857), место жительства: Костино, жена 1 Ирина Егорова (1815 – между 1850 и 1852), жена 2 Аграфена Степанова, мещанка из Бронниц (1823 – после 1869), дети от первого брака: Иван 1836, Марья 1838, Ларион 1839, Абмос 1843 года рождения, дети от второго брака неизвестны.

Зайцева (Афонина) Ирина Родионова (1815 – после 1869), место жительства: Костино, муж Зайцев Вонифатий Нефедов (1813 – после 1858), сын Федосий.

Зайцев Федосий Вонифатьев (1856 – после 1881), место жительства: Костино, Барнаул.

Афони́на Ири́на Родионо́ва (1817 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Афони́на Федо́сья Родионо́ва (1820 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Бубно́ва (Афони́на) Домна Родионо́ва (1825 – между 1850 и 1853), место жительства: Костино, Смолево, муж Бубнов Федор Никифоров из Смолево Карповской волости (1832–1914), дети неизвестны.

Афони́н Анти́п Родионо́в (1827 – после 1869), место жительства: Костино, жена Александра Евтеева (1832 – после 1869), дочь Пелагея 1859 года рождения.

Афони́н Игна́т Родионо́в (1829 – после 1869), место жительства: Костино, жена 1 Афони́на (Корчагина) Фекла Андреева из Костино (1832 – после 1858), жена 2 Анна Иванова (1839 – после 1869), дети от первого брака: Пелагея 1850, Евдокия 1852, Потап 1853, Ирина 1857 года рождения, дети от второго брака неизвестны.

Афони́н Тимофе́й Родионо́в (1831 – после 1869), жена Агафья Федорова, дети: Петр 1853, Анисья 1856, Ульяна 1857 года рождения.

Выборка из родословной росписи Захваткиных (Романовых) и Киреевых из деревни Костино

Иса́й Родионо́в (около 1655 – между 1681 и 1716), место жительства: Костино, жена Марья Борисова (1656 – после 1716), сын Кирилл.

Кирилл Исаев (1681–1769), место жительства: Костино, жена Пелагея Логинова (1686 – после 1730), дети: Елисей, Александр, Агафья, Демид, Макар.

Елисей Кириллов (1706 – после 1716), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Александр Кириллов (1708 – после 1773), место жительства: Костино, жена Евдокия Родионова (около 1705 – 1765), дети: Роман, Иван, Евдокия, Агафия, Лукерья.

Роман Александров (1737–1806), место жительства: Костино, жена Ирина Власьева (1740 – после 1773), дети: Ефим, Артамон, Тит.

Захваткин Ефим Романов (1762–1839), место жительства: Костино, жена неизвестна, дети: Федор, Ефим, Кондратий.

Захваткин Федор Ефимов (1788 – после 1811), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Ефим Ефимов (1792 – после 1858), место жительства: Костино, жена Татьяна Евстигнеева (1797 – после 1858), дети: Феофилакт, Семен, Анна, Федор, Марья, Анна, Семен, Исак.

Захваткин Феофилакт Ефимов (1816 – после 1858), место жительства: Костино, жена Ирина Маркова (1815 – после 1858), дети неизвестны.

Захваткин Семен Ефимов (1818–1845), место жительства: Костино, жена неизвестна, сын Семен 1844 года рождения.

(Захваткина) Анна Ефимова (1820 – после 1840), место жительства: Костино, муж Федул

Семенов из деревни Костино (1821 – после 1858), дети: Анфиса, Иван, Мартын, Андреан.

Чеканова (Шурова) Анфиса Федулова (1841 – около 1900), место жительства: Костино, Елизарово, Екатеринбург, муж Чеканов Мартин Кириллов из деревни Елизарово (1840 – около 1900), дети неизвестны.

Шуров Иван Федулов (1844 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Шуров Мартын Федулов (1845 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Шуров Андреан Федулов (1846–1910), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Шурова (Афониная) Марфа Симонова из деревни Костино (1848 – после 1900), дети неизвестны.

Захваткин Федор Ефимов (1822 – после 1869), место жительства: Костино, жена Федосья Петрова, дети: Тимофей 1848, Федосья 1850, Капитолина 1853, Анна 1855, Иван 1858, Селиверст, Викул 1863, Авдотья 1865 года рождения.

Романов Селиверст Федоров (1862 – после 1900), место жительства: Костино, сменил фамилию на «Романов», семья неизвестна.

Корчагина (Захваткина) Марья Ефимова (1825 – после 1858), место жительства: Ко-

стино, Смолево, муж Корчагин Семен Гаврилов из деревни Смолево Карповской волости (1825 – после 1883), дети: Прасковья 1848, Ольга, Ефим 1850, Егор 1850, Федор.

Соколова (Корчагина) Ольга Семенова (1850 – после 1917), место жительства: Смолево, семья неизвестна.

Корчагин Федор Семенов (1858 – после 1896), место жительства: Смолево, жена Корчагина (Волкова) Мария Егорова из Смолево Карповской волости (1857 – после 1898), дети: Афанасий 1887, Екатерина 1888 года рождения.

Захваткин Семен Ефимов (1832 – после 1869), место жительства: Костино, жена Захваткина (Цыркунова) Авдотья Лукина из деревни Костино (1832 – после 1869), дети: Анна 1853, Татьяна 1855, Андрей, Настасья 1860, Зиновья 1863, Гаврила, Марья 1868 года рождения.

Романов Андрей Семенов (1857 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, сменил фамилию на «Романов», семья неизвестна.

Романов Гаврила Семенов (1867 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, сменил фамилию на «Романов», семья неизвестна.

Романов Исак Ефимов (1838 – после 1900), место жительства: Костино, сменил фамилию

на «Романов», жена Агафья Семенова (1845 – после 1886), дети: Маремьяна 1863 года рождения, Пелагея 1867, Александр, Анна 1878, Феодосия 1880, Александра 1886 года рождения.

Романов Александр Исаков (1873 – после 1908), место жительства: Костино, жена Ири-на (1880 – после 1908), дети: Мария, Федор.

Захваткин Кондратий Ефимов (1797 – после 1869), место жительства: Костино, жена Марья Евстигнеева (1799 – после 1869), дети: Анисья Павел, Федосья, Аммос, Кирилл, Ларион, Авдотья, Василий.

Морозова (Захваткина) Анисья Кондратьева (1819 – после 1869), место жительства: Костино, Молоково, муж Морозов Поликарп Потапов из деревни Молоково Карповской волости (1816 – после 1883), дети: Петр, Дмитрий, Максим 1848, Анна 1849, Марья 1858 года рождения.

Морозов Петр Поликарпов (1845 – после 1869), место жительства: Молоково, жена Анна Дорофеева (1849 – после 1869), дети неизвестны.

Морозов Дмитрий Поликарпов (1847 – после 1869), место жительства: Молоково, жена Морозова (Кокорева) Прасковья Васильева из деревни Костино (1845 – после 1869), дети: Ирина 1867, Прасковья 1869 года рождения.

Захваткин Павел Кондратьев (1822 – после 1858), место жительства: Костино, жена Захват-

кина (Афонина) Анна Сысоева из деревни Костино (1831 – после 1900), дочь Марфа 1853 года рождения.

Захваткина Федосья Кондратьева (1824 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Аммос Кондратьев (1827 – после 1869), место жительства: Костино, жена Зиновья Иванова (около 1830 – после 1869), дети: Пафнутий 1848, Пелагея 1849, Николай 1851, Авдотья 1853, Иван 1856, Василий 1857 года рождения.

Захваткин Кирилл Кондратьев (1829 – после 1869), место жительства: Костино, жена Авдотья Агапова из деревни Давыдово (1833 – после 1869), дочь Марья 1853 года рождения.

Захваткин Ларион Кондратьев (1831–1850), место жительства: Костино.

(Захваткина) Авдотья Кондратьева (1834 – после 1852), место жительства: Костино, муж Федот Леонтьев из деревни Яковлевская (около 1830 – после 1852), дети неизвестны.

Захваткин Василий Кондратьев (1834–1835), место жительства: Костино.

Артамон Романов (1768–1796), место жительства: Костино.

Захваткин Тит Романов (1722–1842), место жительства: Костино, жена 1 неизвестна, жена 2 Мат-

рена Гаврилова, дети от первого брака: Ефим, Григорий, дети от второго брака: Иван, Лукерья.

Захваткин Ефим Титов (1797 – после 1858), место жительства: Костино, жена Аграфена Евсеева 1799 – после 1858), дети: Аграфена, Василий, Татьяна, Иван.

Захваткина Аграфена Ефимова (около 1830 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Василий Ефимов (1834 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткина Татьяна Ефимова (1834 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Иван Ефимов (1841 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Григорий Титов (1810 – после 1831), место жительства: Костино, в рекрутах с 1831 года.

Захваткин Иван Титов (1825 – после 1869), место жительства: Костино, жена Захваткина (Черкасова) Прасковья Трофимова из деревни Костино (1823 – после 1900), дети: Анна, Семен, Прасковья, Прасковья, Иван, Акилина, Иван, Матрена, Кирилл.

Захваткина Анна Иванова (1846 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Семен Иванов (1848 – после 1866), место жительства: Костино, жена Варвара Трофимова (1844 – после 1869), дочь Ирина 1866 года рождения.

Захваткина Прасковья Иванова (1849–1850).

Захваткина Прасковья Иванова (1850 – после 1858), место жительства: Костино.

Захваткин Иван Иванов (1854 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, семья неизвестна.

Захваткина Акилина Иванова (1854 – до 1858), место жительства: Костино.

Захваткин Иван Иванов (1858 – после 1900), место жительства: Костино, жена Екатерина, дети неизвестны.

Захваткина Матрена Иванова (1858 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Захваткин Кирилл Иванов (1860 – после 1900), место жительства: Костино, жена Зиновья Иванова, дети неизвестны.

(Захваткина) Лукерья Титова (1827 – после 1847), место жительства: Костино, Запонорье, муж Петр Никитин из деревни Запонорье (около 1825 – после 1847), дети неизвестны.

Иван Александров (1738 – после 1773), место жительства: Костино, жена Елена Федотова (1739 – после 1773), сын Самойла.

Самойла Иванов (1771 – после 1795), место жительства: Костино, в рекрутах с 1795 года, жена неизвестна, дети: Герасим, Фома, Платон, Роман.

Герасим Самойлов (1780 – после 1807), место жительства: Костино, в рекрутах с 1807 года, семья неизвестна.

Фома Самойлов (1792 – после 1811), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Платон Самойлов (1798 – после 1823), место жительства: Костино, в рекрутах с 1823 года, семья неизвестна.

Роман Самойлов (1798 – после 1811), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Евдокия Александрова (1743 – после 1773), место жительства: Костино, Яковлевская, муж Прохор Иванов из деревни Яковлевская (1747 – после 1773), дети неизвестны.

Агафия Александрова (1753 – после 1773), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Лукерья Александрова (1764 – после 1773), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Агафья Кириллова (1711 – после 1716), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Демид Кириллов (1722 – после 1773), место жительства: Костино, жена Марфа Родионова (1721 – после 1773), дети Мартын, Федосья.

Киреев Мартын Демидов (1754–1825), место жительства: Костино, жена Федосья Трофимова из деревни Давыдово (1753 – после 1788), дети: Леонтий, Сергей, Конон, Прокофий.

Киреев Леонтий Мартынов (1772–1841), место жительства: Костино, жена неизвестна, сын Кирсан.

Киреев Кирсан Леонтьев (1801 – после 1858), место жительства: Костино, жена 1 Марья (1804 – между 1834 и 1835), жена 2 Киреева (Кокорева) Анна Васильева из деревни Костино (1820 – после 1869), дети от первого брака: Тит, Авдотья, дети от второго брака: Анна, Ксения, Аксинья, Кир, Варвара, Федосья, Андреян.

Киреев Тит Кирсанов (1829 – после 1860), место жительства: Костино, жена Аксинья Семенова из деревни Яковлевская (1828–1869), дети: Данила, Марья, Георгий, Филат.

Киреев Данила Титов (1848 – после 1900), место жительства: Костино, жена 1 Киреева (Бобкова) Анна Васильева из Костино (1849 – между 1875 и 1889), жена 2 Киреева (Крылова) Мавра Иванова из деревни Костино (1843 – после 1900), дети от первого брака: Фадей, Михаил, сын от второго брака Иван 1889 года рождения.

Киреев Фадей Данилов (1873 – после 1900), место жительства: Костино, жена Марфа Андреева (1874 – после 1900), сын Максим 1898 года рождения.

Киреев Михаил Данилов (около 1875 – после 1900), место жительства: Костино, жена Устинья Андреева (1876 – после 1900), сын Иван 1900 года рождения.

Киреева Марья Титова (1851 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Георгий Титов (1853 (?)), место жительства: Костино.

Киреев Филат Титов (1860 – после 1900), место жительства: Костино, жена Екатерина Дмитриева (1865 – после 1900), дети: Карп 1883, Акиндин 1899 года рождения.

Телина (Киреева) Авдотья Кирсанова (1831 – после 1858), место жительства: Костино, муж Телин Терентий Яковлев из деревни Костино (1820 – после 1869), дети неизвестны.

Маркова (Киреева) Анна Кирсанова (1835 – после 1852), место жительства: Костино, муж Марков Константин Ферапонтов из деревни Костино (1833 – после 1854), в рекрутах с 1854 года.

Киреева Ксения Кирсанова (1839 (?)), место жительства: Костино.

Киреева Аксиныя Кирсанова (1843 – после 1850), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Кир Кирсанов (1845 – после 1869), место жительства: Костино, жена Авдотья Иванова, дети неизвестны.

Киреева Варвара Кирсанова (1847 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреева Федосья Кирсанова (1850 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Андреян Кирсанов (1854 – после 1900), место жительства: Костино, жена Пелагея Евтихиева (1850 – после 1900), дети: Александр 1882, Акилина 1887 года рождения.

Киреев Сергей Мартынов (1780 – после 1807), место жительства: Костино, в 1807 году выбыл в купечество, семья неизвестна.

Киреев Конон Мартынов (1785–1841), место жительства: Костино, жена Екатерина Борисова (1788 – после 1858), дети: Афанасий, Никифор, Агафья.

Киреев Афанасий Кононов (1809–1840), место жительства: Костино, жена Наталья Васильева (1807 – после 1869), дети: Афанасий, Василий, Марфа, Борис.

Киреев Афанасий Афанасьев (1833 – после 1869), место жительства: Костино, жена Елена Федорова (1833 – после 1869), дети: Александра 1858, Леонтий 1860, Епифан 1865 года рождения.

Киреев Василий Афанасьев (1834–1850), место жительства: Костино.

Киреева Марфа Афанасьева (1836–1850), место жительства: Костино.

Киреев Борис Афанасьев (1839 – после 1880), место жительства: Костино, жена Киреева (Плешкова) Татьяна Панфилова (1840 – после 1900), дети: Александра, Александр, Ирина, Капитолина, Анна 1880 года рождения.

Черкасова (Киреева) Александра Борисова (1860 – после 1900), место жительства: Костино, муж Черкасов Василий Осипов (1860 – после 1900), дети: Пелагея 1884,

Мария 1885, Анна 1886, Хиония 1888, Ирадион 1889, Николай 1891, Ирина 1892, Василий 1896, Антонина 1897, Евдокия 1898, Клавдия 1899 года рождения.

Киреева Александра Борисова (1861 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреева Ирина Борисова (1864 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреева Капитолина Борисова (1868 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Никифор Кононов (1818 – после 1869), место жительства: Костино, жена Екатерина Федорова (1820 – после 1858), дети: Анна, Ирина, Аграфена, Кирсан, Осип, Иосиф, Егор.

Киреева Анна Никифорова (1841 (?)), место жительства: Костино.

Федюшина (Киреева) Ирина Никифорова (1843 – после 1869), место жительства: Костино, муж Федюшин Яков Денисов из деревни Костино (1843 – после 1858), около 1860 года взят в солдаты, дети неизвестны.

Киреева Аграфена Никифорова (1846 – после 1850), место жительства: Костино.

Киреев Кирсан Никифоров (1849 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Осип Никифоров (1851 – после 1900), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Иосиф Никифоров (1853 – после 1900), место жительства: Костино, жена Киреева (Афониная) Александра Куприянова (1853 – после 1900) из деревни Костино, сын Макар 1885 года рождения.

Киреев Егор Никифоров (1858 (?)), место жительства: Костино.

Киреева Агафья Коконова (1819 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреев Прокофий Мартынович (1788 – после 1811), место жительства: Костино, в 1811 году выбыл в купечество, место не указано, семья неизвестна.

Федосья Демидова (1758 – после 1773), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Макар Кириллов (1730–1765), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Выборка из родословной росписи Плешковых из деревни Костино

Семен Сергеев (около 1645 – до 1716), место жительства: Костино, жена Акси́нья Калинина (1645 – после 1716), сын Мина.

Мина Семенов (1691 – после 1748), место жительства: Костино, жена Аграфена Терентьева (1696 – после 1716), дети: Клим, Конон, Агафья, Фока, Аким.

Клим Минаев (1707 – после 1773), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Конон Минаев (1713 – между 1744 и 1748), место жительства: Костино, жена Евдокия Вавиловна, сын Еремей.

Плешков Еремей Кононов (1742–1805), место жительства: Костино, жена Мавра Тихонова из деревни Тереньково (1748 – после 1773), дети: Терентий, Никита.

Плешков Терентий Еремеев (1765–1837), место жительства: Костино, жена Анна (1773 – после 1834), дети: Иван, Иван, Стефан, Панфил, Иван, Марка, Прокофий.

Плешков Иван Терентьев (1794–1856), место жительства: Костино, жена Анна Васильева (1814 – после 1850), дети: Иосиф, Анна, Анна, Анна.

Плешков Иосиф Иванов (1834–1837), место жительства: Костино.

Плешкова Анна Иванова (1840 – до 1844), место жительства: Костино.

Плешкова Анна Иванова (1844 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешкова Анна Иванова (1848 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Иван Терентьев (1798 – после 1828), место жительства: Костино, в 1828 году сослан, жена Маланья Андреева (1804 – после 1858), дети: Марья, Давыд.

Плешкова Марья Иванова (1823 – после 1834), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Давыд Иванов (1825 – после 1858), место жительства: Костино, жена Анна Максимова (1840 – после 1858), дети неизвестны.

Плешков Стефан Терентьев (1801 – после 1811), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Панфил Терентьев (1801 – после 1869), место жительства: Костино, жена Марфа

Ефимова, дети: Андрей, Устин, Фока, Филипп, Матрена, Татьяна, Фадей.

Плешков Андрей Панфилов (1824 – после 1869), место жительства: Костино, жена 1 Пелагея Агапова, жена 2 Пелагея Трифонова, дети от первого брака: Анна, Настасья, Сидор, Мавра, Григорий, дети от второго брака: Матрена, Авдотья.

Плешкова Анна Андреева (1846 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешкова Настасья Андреева (1848 – после 1850), место жительства: Костино.

Плешков Сидор Андреев (1853 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешкова Мавра Андреева (1854 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Григорий Андреев (1856 – после 1858), место жительства: Костино.

Рощина (Плешкова) Матрена Андреева (1861 – после 1900), место жительства: Костино, муж Рощин Севастьян Ларионов из деревни Костино (1861 – между 1893 и 1900), дети: Анфим 1885, Андрей 1887, Устин 1893 года рождения.

Плешкова Авдотья Андреева (1864 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешков Устин Панфилов (1825 – после 1856), место жительства: Костино, жена Домна Осипова из деревни Давыдово (1828 – после 1869), дети: Герасим, Борис.

Плешков Герасим Устинов (1855 – после 1858), место жительства: Костино.

Плешков Борис Устинов (1856 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Фока Панфилов (1827–1840), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Филипп Панфилов (1831–1837), место жительства: Костино.

Плешкова Матрена Панфилова (1836–1850), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Киреева (Плешкова) Татьяна Панфилова (1840 – после 1900), место жительства: Костино, муж Киреев Борис Афанасьев (1839 – после 1880) из деревни Костино – *о семье см. родословную роспись Киреевых.*

Плешков Фадей Панфилов (1847 – после 1900), место жительства: Костино, жена Плешкова (Телина) Татьяна Терентьева из деревни Костино (1850 – после 1900), дети: Прасковья, Семен, Зиновей 1885, Мария 1886, Евдокия 1893 года рождения.

Плешкова Прасковья Фадеева (1868 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешков Семен Фадеев (1881 – после 1921), место жительства: Костино, жена неизвестна, сын Евстигней 1921 года рождения.

Плешков Иван Терентьев (1803–1853), место жительства: Костино, жена Матрена Васильева (1807 – после 1850), дети: Василий, Тихон, Прокофий.

Плешков Василий Иванов (1832 – после 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Екатерина Кириллова из деревни Яковлевская (1838 – после 1887), дети неизвестны.

Плешков Тихон Иванов (1845–1852), место жительства: Костино.

Плешков Прокофий Иванов (1851 – после 1858), место жительства: Костино.

Плешков Марка Терентьев (1806–1823), место жительства: Костино.

Плешков Прокофий Терентьев (1811 – после 1869), место жительства: Костино, жена Аграфена Титова (1814 – после 1869), дети неизвестны.

Плешков Никита Еремеев (1774–1849), место жительства: Костино, жена Марья (1776 – после 1834), дети: Киприан, Семен, Варфоломей, Захар.

Плешков Киприан Никитин (1796–1843), место жительства: Костино, жена Плешкова (Цыркунова) Татьяна Иванова из деревни Костино (1804 – после 1869), дети: Авдотья, Акинья, Авдотья, Максим, Акинья.

(Плешкова) Авдотья Киприанова (1822 – после 1844), место жительства: Костино, Зуево, муж Семен Васильев из деревни Зуево (около 1820 – после 1844), дети неизвестны.

(Плешкова) Акинья Киприанова (1826 – после 1844), место жительства: Костино, Зуево, муж Федор Иванов из деревни Зуево (1826 – после 1844), дети неизвестны.

(Плешкова) Авдотья Киприанова (1830 – после 1847), место жительства: Костино, Сидорово, муж Иван Максимов из деревни Сидорово (около 1830 – после 1847), дети неизвестны.

Плешков Максим Киприанов (1831 – после 1900), место жительства: Костино, жена Плешкова (Черкасова) Авдотья Елисеева (1833 – после 1859), дети: Евсей, Алексей, Марья, Ирина, Агафья. Филипп.

Плешков Евсей Максимов (1852 – после 1900), место жительства: Костино, жена Татьяна Иванова (1850 – после 1900), дети неизвестны.

Плешков Алексей Максимов (1854 – после 1900), место жительства: Костино, Смоле-

во, жена Плешкова (Соколова) Мария Иванова из деревни Смолево Карповской волости (1857 – после 1900), дети: Афанасий 1877, Прасковья 1879, Антон 1880, Ирина 1881, Анна 1886, Петр 1888, Андроник 1893, Сергей 1895 года рождения.

Плешкова Марья Максимова (1860 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешкова Ирина Максимова (1864 – после 1900), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешкова Агафья Максимова (1866 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешков Филипп Максим (1868 – после 1900), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешкова Акси́нья Киприанова (1833 – после 1850), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Семен Никитин (1808–1843), место жительства: Костино, жена Ирина Панфилова (1807 – после 1869), дети: Домна, Федосья, Никита, Акимья.

Разухина (Плешкова) Домна Семеновна (1825 – после 1858), место жительства: Костино, Смолево, Екатеринбург, муж Разухин Кондратий Андреев из деревни Смолево Карповской во-

лости (1826 – после 1858), сын Григорий 1855 года рождения.

(Плешкова) Федосья Семенова (1831 – после 1848), место жительства: Костино, Яковлевская, муж Иван Дорофеев из деревни Яковлевская (Около 1830 – после 1848), дети неизвестны.

Плешков Никита Семенов (1833 – до 1887), место жительства: Костино, Екатеринбург, жена Авдотья Васильева (1834 – после 1887), дети: Логин рождением после 1869 года, Дмитрий рождением после 1869 года.

Плешкова Афимья Семенова (1840 – после 1858), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Варфоломей Никитин (1810 – после 1862), место жительства: Костино, жена 1 Марья, жена 2 Матрена Иванова, сын от первого брака Иван, дети от второго брака: Анна, Акси́ня, Николай, Савелий.

Плешков Иван Варфоломеев (1837 – после 1900), место жительства: Костино, жена Плешкова (Бобкова) Авдотья Титова из деревни Костино (1838 – после 1876), дети: Василий, Марья, Егор, Ермолай, Макар.

Плешков Василий Иванов (1861 – после 1900), место жительства: Костино, жена Матрона Гаврилова (1860 – после 1900), дети: Евдокия 1884, Анна 1886, Мария 1890, Самсон 1899 года рождения.

Плешкова Марья Иванова (1863 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешков Егор Иванов (1865 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешков Ермолай Иванов (1869–1945), место жительства: Костино, жена Елизавета Козмина (1870 – после 1900), дети: Наталия 1894, Акилина 1896, Агрипина 1898, Андрей 1900 года рождения.

Плешков Макар Иванов (1876 – после 1900), место жительства: Костино, жена Стефанида Иванова (1874 – после 1900), дети неизвестны.

Плешкова Анна Варфоломеева (1852 – после 1858), место жительства: Костино.

Плешков Игнатий Варфоломеев (1853 (?)), место жительства: Костино.

Плешкова Акси́нья Варфоломеева (1856 – после 1858), место жительства: Костино.

Плешков Николай Варфоломеев (1860 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешков Савелий Варфоломеев (1862 (?)), место жительства: Костино.

Плешков Захар Никитин (1818 – после 1869), место жительства: Костино, жена Анна Андреева (1831 – после 1869), дети: Настасья, Иван, Спиридон, Марья, Варфоломей, Липат, Ирина.

Плешкова Настасья Захарова (1851 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Иван Захаров (1853 – после 1900), место жительства: Костино, жена Татьяна Феоктистова (1852 – после 1900), дети: Феодосия 1880, Григорий 1882 года рождения.

Плешков Спиридон Захаров (1857 – после 1900), место жительства: Костино, жена Ирина Федорова (1858 – после 1900), дети неизвестны.

Плешкова Марья Захарова (1859 – после 1869), место жительства: Костино, семья неизвестна.

Плешков Варфоломей Захаров (1860 – после 1900), место жительства: Костино, жена Акилина Климова (1870 – после 1900), дети: Афанасий 1891, Капитолина 1899 года рождения.

Плешков Липат Захаров (1865 – после 1869), место жительства: Костино.

Плешкова Ирина Захарова (1868 – после 1869), место жительства: Костино.

Неизменно благодарю Ирину Фещенко, Ольгу Мокрушину, Ирину Кепанову, Галину Соколову за неоценимую помощь в архивах РГАДА и ЦИАМ.

Благодарю Ольгу Мельникову за предоставленную ею возможность работы с выписками ревизий и подворной переписи XIX века по деревне Костино (из архивных материалов ЦИАМ).

Использованная литература

1. Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири: (Из истории Русской православной старообрядческой церкви – белокриницкого согласия) / Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2002.
2. Город Екатеринбург: Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889.
3. Иовлева В.Н. Шадринские обитатели. Шадринск: Шадринский дом печати, 2006.
4. Зорина Л.И., Слукин В.М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург: Баско, 2005.
5. Мельникова О.И. Запоторье и Карповский приказ // Гуслицы: Историко-краеведческий альманах. Ильинский Погост, 2009. Вып. 7.
6. Романов С.Ф. Костино // Гуслицы: Историко-краеведческий альманах. Ильинский Погост, 2006. Вып. 3.
7. А.Б. Салтыков. Русская керамика XVIII–XIX вв. М., 1952.

Архивные документы

ЦИАМ. Фонд 203. Опись 744. Дело 3074. Перепись раскольников Австрийского согласия, проживающих в десяти деревнях, приписанных к Крестовоздвиженской в Селине Богородского уезда церкви. 1900 год. Л. 60–72. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Дело 1720. Ведомость о селениях Карповской волости (1869–1871). Л. 224–245. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 6. Дело 641. Ревизские сказки 1858 года Московской губернии Богородского уезда Карповского прихода. Л. 546 об. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 398. Ревизские сказки 1850 года. Л. 350. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 179. Ревизские сказки 1834 года Московской губернии Богородского уезда удельных крестьян. Л. 272 об. – 307 об. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 55. Ревизские сказки 1816 года Богородского уезда Московской губернии по 7 ревизии за 1816 год удельного Карповского приказа. Л. 162 об. – 189. Д. Костино.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Дело 1. Ревизская сказка 1811 года декабря дня о состоящих в Московской губернии Богородской округи Удельного Карповского приказа нижеописанных селений душах. Л. 94–107. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Дело 1872. «Заразные сказки» 1773 года. Дворцовая Селенская волость. Л. 540–546 об. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Дело 1842, л. 188–192 об. Вторая ревизия 1748 года. Л. 199 об. – 206. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Дело 1816. Первая ревизия 1719 года. Селинская волость. Л. 955 об. – 957. Д. Костино.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Дело 258. Перепись 1716 года. Л. 502 об. – 505. Д. Костино.

Владимир Александрович Трусов
г. Первоуральск Свердловской обл.

ПРЕБЫВАНИЕ ИКОНОПИСЦА СЕРГЕЯ ДОВОЛЬНЫХ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

До настоящего времени нет никакой информации об иконописце Сергее Львовиче Довольных. Наверное, следует обратить внимание на то, что в названии дела не правильно указана фамилия Вольнов.

В статье публикуется документ из Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Источники приводятся в соответствии с общепринятыми правилами публикации архивных документов. Тексты воспроизводятся буквами современного алфавита, пунктуация и орфография в основном соответствует современным правилам. Границы листов в тексте источника обозначены двумя косыми чертами.

С 19 мая 1851 г. кон. 25 августа 1851 г. По рапорту первой части полиции о крестьянине Вольнове занимающемся иконописанием.

Л.1	<i>Секретно.</i> <i>В Екатеринбургскую городскую полицию первой части полиции.</i> <i>Рапорт</i> <i>При сем в городскую полицию первая часть имеет честь представить рапорт старшего квартального надзирателя Ремезова, вообще, с крестьянином Сергеем Вольновым* и отобранными от него</i>
-----	---

Л. 1 об.	<i>тремя иконами для дальнейшего со стороны ея распоряжения.</i> <i>№ 50. 18 мая 1851 г. Частный пристав.</i> <i>Подпись.</i>
Л. 2.	<i>№ 53. 18 мая 1851 года.</i> <i>В первую часть Екатеринбургской полиции старшего квартального надзирателя кол- лежского регистратора Ремезова.</i> <i>Рапорт</i> <i>При обозрении в веренного мне 3 квартала, состоящего в ведении 1 части города, в улице Дубровинской в доме, принадлежащем купцам Ивану Семенову Верходанову* и Деомиду Ива- нову Баландину*, найден Московской губернии Богородскаго уезда села Хотевича крепостной г. Позина* крестьянский сын Сергей Львов Вольнов, находящейся в расколе, занимающим писанием на деревянные доски икон, которых найлены три, из коих называемые 1-е Покров Богородицы, 2-е Спасителя и 3) Николая Угод- ника, о которых при опросе он Вольнов пока- зал, что проживает</i>
Л. 2 об.	<i>в обще с отцом своим Львом Васильевым*, матерью Анной Осиповой* и братьями Варфо- ломеем* и Евстратом Вольновыми*; отец же с матерью из сдешняго города уехали на своей лошади в 14 число сего мая, но куда и зачем не знает, и только сказывались, что отлу- чатся на короткое время, а он с означенными</i>

	<i>братьями остался в квартире и занимался писанием, взятых означенных икон, кроме же его никто из семейных писанием таковых икон не занимался и не занимается, а он хотя занимается, но еще всего с год времени, сколько он таковых икон было им написано не припомнит, потому что по написании, иконы отцом его продавались, но кому не знает.</i> <i>О чем имею честь первой части полиции донести и при сем на зависящее распоряжение представить</i>
Л. 3.	<i>означенного Вольнова и найденные три недописанные иконы. Старший квартальный надзиратель коллежский регистратор Ремезов.</i> <i>Мая 18 дня 1857 года.</i>
Л. 4.	<i>1851 года мая 24 дня, в присутствии Екатеринбургской градской полиции, против рапорта квартального надзирателя Ремезова от 18 мая, нижеписанный спрашиван и показал: Сергей Львов Довольных (а не Вольнов) от роду 17 лет, грамотной, раскольник, под судом не бывал, холост, Московской губернии, Богородского уезда, села Хотевич, крепостной помещика Позень, крестьянин, жительство имеет в деревне Анцыферовой вместе с родителями моими крепостным крестьянином Львом Довольных, матерью Анной Осиповой дочерью и братьями: Ворфоломеем и Евстратом. Прибыли сюда в город в феврале месяце 1850 года, по выданным нам от местного</i>

	<i>начальства паспортам. По прибытии сюда в город, остановились мы квартирою в низи, в улице Коробковской, в доме солдатской вдовы Марьи Андреевой</i>
Л. 4 об.	<i>Суворовой, прожив тут с месяц времени, перешли для проживания в дом, принадлежащий купцам Верходанову и Баландину, из коего взята ныне в первую часть полиции квартальным надзирателем Ремезовым, заметившим меня занимающимся иконописанием. К искусству иконописания я приучился назад тому года три или более от покойного брата моего Федота Довольных, умершаго на 20 году от рождения. Во время проживания моего сдесь в городе, икон много написано. Небольшое количество и выпущено отцом моим в продажу в разных деревнях неизвестным мне людям; кроме меня никто иконописанием из семьи нашей не занимается, показав это справедливо, в том подписуюсь крепостной крестьянин Сергей Довольнов руку приложил.</i>
Л. 5.	<i>1851 года мая 25 дня, я нижеподписавшийся крепостной помещика Михаила Позень крестьянин Лев Васильев Довольных в присутствии Екатеринбургской градской полиции дал сию подписку в том, что распоряжение г. главного начальника, изъясненное в предписании Его Превосходительства, от 5 марта настоящего года за № 113 о воспреещении зани-</i>

Л. 5 об.	<i>маться иконописанием объявлено, и иконописанием я не занимаюсь, а, проживая в Екатеринбурге по паспорту, занимаюсь извозничеством; из семейства моего здесь в городе проживающего, сын мой Сергей (17 лет), действительно занимается иконописанием, в котором я с настоящего времени ему сделаю</i>
Л. 6.	<i>воспрещение, дабы он, проживая в городе, этим не занимался и поставлю ему в обязанность, избрать дорогой род к пропитанию себе промышленности. Если уж, по какому либо случаю не приказано мне будет начальством проживать с семейством моим сдесь в городе, то я обязываюсь отбыть в прежнее место своего</i>
Л. 6 об.	<i>жительства, в том и подписуюсь. Крестьянин Леф Довольных руку приложил.</i>
Л. 7.	<i>Госп. главному начальнику Горных заводов Уральского хребта</i> <i>Екатеринбургского полицмейстера.</i> <i>Рапорт</i> <i>Находящегося в городе Екатеринбурге Московской губернии Богородскаго уезда г. Позень крестьянина Льва Васильева раскольника сын Сергей, имеющий от роду 17 лет, замечен занимающимся иконописанием, у котораго оказались недописанными три иконы. При спросе его Сергея о сем, он показал, что будучи приучаем еще на житье своей родным иконописанию братом его родным Федотом, в по-следствии</i>

	<i>умершим, он Сергей со времени прибытия во здешний город с февраля месяца 1850 года, занимаясь иконописанием, выпустил их в продажу чрез отца своего в разных местах</i>
Л. 7 об.	<i>небольшое количество. Отец же сего иконописца, крестьянин Лев Васильев, как дознано занимается извозничеством.</i> <i>Имея предписание Вашего Превосходительства от 5 марта сего года за № 113 не допускать раскольника заниматься иконописанием, я воспреещаю означенному Сергею Васильеву (Львову, ошибка прим. В. Т.) писать иконы, обязал и отца его Льва Васильева подпискою. Выслал их из Екатеринбурга, как и сами они поехали в место их жительства; долгом считаю донести о сем Вашему Превосходительству.</i>
Л. 8.	<i>Секретно.</i> <i>Главного начальника</i> <i>Горных заводов</i> <i>Уральского хребта.</i> <i>Канцелярия.</i> <i>Августа 24 дня 1851 года.</i> <i>№ 427. Екатеринбург.</i> <i>Отв. на № 167-й.</i> <i>Екатеринбургской городской полиции.</i> <i>В последствие рапорта к господину главному начальнику Уральских заводов екатеринбургского полицмейстера, о проживающем по паспорту в здешнем городе крестьянин Мос-</i>

	ковской губернии раскольник Сергей Васильев (Львов, ошибка прим. В.Т.) [Вольнов] занимавшимся иконописанием, Его Пр-во предписывает независимо сделанного Васильеву (Львову, ошибка прим. В.Т.) воспреещения, чтобы впредь не смел, заниматься иконописанием, иметь за ним в этом отношении строгий надзор. Отобранные же у сказанного раскольника и ко мне представленные три недописанные иконы, переданы мною на рассмотрение духовного начальства. Генерал-лейтенант Глинка*. Предписано частям 19 сентября № 261 и 262.
--	---

ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 472.

Комментарии.

Л. 1. Вольнов Сергей Львович – старовер, иконописец, из крестьян Московской губернии Богородского уезда села Хотевича деревни Анцыферовой. Жил и писал иконы в Екатеринбурге в 1850–1851 гг.

Л. 2. Верховданов Иван Семенович (ок.1792 – после 1860). Русский, старообрядец, единовец, екатеринбургский купец 2-й (с 01.01.1824–1842) и 1-й гильдий (с 1843), 3-й (1860). Гильдию менял неоднократно, приписывался в гильдию в разных местах. В 1816 г. был оханским купцом 3-й гильдии. (Информация Микитюка В. П.)

Л. 2. Баландин Диомид Иванович (ок.1788, Екатеринбург (?) – 29.03.1865, Екатеринбург). Русский, старообрядец, единовец, купеческий брат, купец 2-й гильдии (1843, 1850,

1860), потомственный почетный гражданин (1857). (Информация Микитюка В. П.)

Л. 2. Позин Михаил – помещик Московской губернии Богородского уезда села Хотевича деревни Анцыферовой.

Л. 2 об. Вольнов Лев Васильевич – старовер, из крестьян Московской губернии Богородского уезда села Хотевича деревни Анцыферовой. Жил в Екатеринбурге в 1850–1851 гг. Занимался извозом. Торговал иконами, написанными сыном Сергеем.

Л. 2 об. Вольнова Анна Осиповна – жена Льва Васильевича, мать иконописца Сергея. Проживала с семьей в Екатеринбурге в 1850–1851 гг.

Л. 2 об. Вольновы Варфоломей и Евстрат – родные братья иконописца Сергея. Жили в Екатеринбурге в 1850–1851 гг.

Л. 4 об. Вольнов Федот Львович – старовер, иконописей, из крестьян Московской губернии Богородского уезда села Хотевича деревни Анцыферовой. Умер в двадцатилетнем возрасте. Обучал иконописи родного брата Сергея, живя в Подмоскowie.

Л. 8. Генерал-лейтенант Глинка – Владимир Андреевич Глинка (1790–1862), генерал-лейтенант, главный начальник горных заводов Уральского хребта (1837–1856).

МЕЩЁРА-КРАЙ

Альманах по истории и культуре
Мещёрского края
Вып. 2

Редактор-составитель С.С. Михайлов

Тираж 200 экз.

«Русская деревня»
Редкая и малотиражная литература
Тел. (495) 650-60-31
www.hamlet.ru
info@hamlet.ru

Компьютерная вёрстка М.Л. Разумовой